В. И. Семевскій.

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО
и
КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА
въ произведеніяхъ
М. Е. Салтыкова.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія «ЗАДРУГА», Гончарная ул., д. 24.
1917.

Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ

Мих. Евграф. Салтыкова (Щедрина) [1].

I.

М. Е. Салтыковъ въ своихъ произведеніяхъ не разъ возвращается къ годамъ молодости, къ тому времени, когда онъ вырабатывалъ основныя начала своего міросозерцанія, и при этомъ дѣлаетъ нѣсколько весьма интересныхъ автобіографическихъ признаній. Такъ, въ несомнѣнно автобіографическомъ очеркѣ „Имя рекъ" авторъ говоритъ: „еще въ ранней молодости онъ былъ идеалистомъ; но это было скорѣе сонное мечтаніе, нежели сознательное служеніе идеаламъ. *Глядя на вожаковъ, онъ называлъ себя фурьеристомъ*, но, въ сущности, смѣшивалъ въ одну кучу и сенсимонизмъ, и икаризмъ, и фурьеризмъ и скорѣе всего примыкалъ къ сенсимонизму. Въ особенности его плѣняла Жоржъ-Зандъ въ своихъ первыхъ романахъ. Онъ зачитывался ими до упоенія, находилъ въ нихъ неисчерпаемый источникъ той анонимной восторженности, которая чаще всего лежитъ въ основаніи юношескихъ вѣрованій и стремленій" [2]. Въ другомъ своемъ произведеніи Салтыковъ говоритъ, что, оставивъ школьную скамью въ 40-хъ годахъ, онъ, „воспитанный на статьяхъ Бѣлин-

---

[1]) Очеркъ этотъ былъ первоначально напечатанъ въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній". Спб., 1893 г., т. I. Въ настоящемъ изданіи онъ нѣсколько дополненъ.

[2]) „Мелочи Жизни" въ VIII т. „Сочиненій" изд. 1889 г. стр. 571—572.

скаго, естественно примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ (единственно авторитетному тогда въ литературѣ), которое занималось популяризированіемъ положеній нѣмецкой философіи, а къ тому *безвѣстному кружку*, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ", находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное— все шло оттуда". („За рубежомъ", Сочин. Салт. т. VI, 163—164). Уже изъ этихъ указаній автора не трудно отгадать, что это за „безвѣстный кружокъ", къ которому, по его собственному признанію, „примкнулъ" Салтыковъ; но есть и оффиціальныя указанія, не оставляющія никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи. Въ запискѣ слѣдственной коммиссіи, учрежденной по дѣлу о кружкѣ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, въ числѣ лицъ, „упоминаемыхъ обвиняемыми", названъ между прочимъ и Салтыковъ. Хотя ни одно изъ показаній обвиняемыхъ, по оффиціальному свидѣтельству, не давало повода предполагать, чтобы онъ „принималъ какое-либо участіе въ злоумышленіи по настоящему дѣлу", хотя агенты администраціи выслѣдили только одно посѣщеніе Салтыковымъ Петрашевскаго, его только потому не привлекли къ допросамъ по этому дѣлу, что онъ уже былъ въ то время сосланъ въ Вятку. Тѣмъ не менѣе, на основаніи высочайшаго повелѣнія 29 іюня 1849 года, слѣдственная коммиссія всѣ извѣстныя о немъ свѣдѣнія сообщила управляющему III Отдѣленіемъ собственной Его Величества Канцеляріи „для дальнѣйшаго распоряженія". Самъ Салтыковъ впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ былъ знакомъ съ Петрашевскимъ и бывалъ у него, но ничего не зналъ о планахъ и дѣлахъ кружка. Онъ съ нѣкоторыми молодыми людьми былъ принятъ, такъ сказать, „въ приготовительный классъ", то-есть въ извѣстные дни ихъ собирали и читали имъ сочиненія Фурье,

Кабэ и т. п. [1]). Такимъ образомъ, Салтыковъ хотя и считалъ себя принадлежащимъ къ кружку Петрашевскаго, но только къ извѣстной его категоріи, къ его младшей, а не старшей вѣтви.

Тѣмъ не менѣе все-таки несомнѣнно, что Салтыковъ примыкалъ къ кружку Петрашевцевъ до тѣхъ поръ, пока не былъ, по его выраженію, неожиданно „зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія". Познакомиться съ Петрашевскимъ Салтыкову было очень легко. Петрашевскій воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, какъ и Салтыковъ, и хотя окончилъ курсъ нѣсколькими годами ранѣе послѣдняго, но не прерывалъ сношеній съ лицеемъ. Въ 1844 году (годъ окончанія курса Салтыковымъ) Петрашевскій просилъ даже объ опредѣленіи его наставникомъ въ лицей, но получилъ отказъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторые лицеисты посѣщали его по праздникамъ, и слѣды его вліянія были замѣчены въ этомъ заведеніи [2]). Все это показываетъ, какъ легко было Салтыкову вступить въ сношенія съ Петрашевскимъ [3]), но, по словамъ Петрашевскаго, которыя намъ передавало одно изъ лицъ вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ, Салтыковъ увлекся фурьеризмомъ еще ранѣе знакомства съ Петрашевскимъ, послѣ того, какъ онъ случайно купилъ у букиниста сочиненія Фурье [4]).

---

[1]) Докторъ Бѣлоголовый, со словъ Салтыкова, говоритъ, что эта была группа въ 5—6 человѣкъ. „Воспоминанія" изд. 4-е, Спб., 1901 г. стр. 199, 221—222.

[2]) Даже въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ многіе лицеисты читали сочиненія Фурье, Сенъ-Симона и Луи-Блана. *Арсеньевъ* „Матер. для біогр. М. Е. Салтыкова" въ IX т. „Полн. Собр. Соч. Салтыкова", стр. 25.

[3]) Воспоминаніе о личномъ знакомствѣ съ Петрашевскимъ побудило Михаила Евграфовича осенью 1888 г. сдѣлать въ „Русской Старинѣ" (№ 11) поправку относительно Буташевича-Петрашевскаго по поводу воспоминаній Яхонтова, напечатанныхъ въ томъ же журналѣ.

[4]) Вѣроятно сочувствіе соціалистическимъ теоріямъ сблизило Салтыкова и съ талантливымъ молодымъ писателемъ Влад. Ал. Милютинымъ, который въ 1847 г. началъ печатать въ лучшихъ журналахъ статьи по экономическимъ и философскимъ вопросамъ, а позднѣе, въ началѣ 50-хъ годовъ, былъ профессоромъ въ С.-Петербургскомъ уни-

Начиная съ зимы 1845 — 1846 гг. у Петрашевскаго стали собираться по пятницамъ его знакомые — педагоги, литераторы, студенты, молодые чиновники. Здѣсь обсуждались такіе вопросы, какъ необходимость улучшенія судопроизводства, уничтоженія крѣпостнаго права и т. п., которые нѣсколько лѣтъ позднѣе были подняты самимъ правительствомъ, но тогда считались совершенно неподлежащими обсужденію частныхъ лицъ. Съ осени 1848 г. на собраніяхъ у Петрашевскаго стали читать доклады о религіи и о реформахъ общественнаго быта въ соціалистическомъ направленіи.

Для большаго распространенія симпатичныхъ Петрашевскому идей была учреждена на общія деньги библіотека „соціальныхъ книгъ", въ числѣ которыхъ находились сочиненія Луи-Блана, Кабэ, Ламменэ, книги о сенъ-симонизмѣ, соціалистахъ, объ освобожденіи рабовъ, о собственности и пр. Мы видимъ, такимъ образомъ, въ какой умственной атмосферѣ вращался молодой Салтыковъ. По его собственному признанію, въ его взглядахъ въ это время было много неопредѣленнаго, но ихъ общая соціалистическая окраска несомнѣнна. (Срав. „Сочиненія", VIII, 549).

Чтобы яснѣе представить себѣ настроеніе того круга петербургскаго общества, среди котораго вращался Салтыковъ, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на міросозерцаніи кружка Петрашевцевъ.

верситетѣ (онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1855 г.). Относясь критически къ нѣкоторымъ увлеченіямъ авторовъ новѣйшихъ соціалистическихъ теорій, В. Милютинъ однако сочувствовалъ соціализму въ его основныхъ началахъ. Въ одной изъ его статей (напечатанной въ „Современникѣ" 1847 г., разборѣ сочиненія Бутовскаго „Опытъ о народномъ богатствѣ") онъ такъ же горячо защищалъ необходимость и плодотворность утопій, какъ и Салтыковъ во многихъ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Близость Михаила Евграфовича къ Вл. Милютину доказывается посвященіемъ послѣднему повѣсти Салтыкова „Противорѣчія", напечатанной (подъ псевдонимомъ) въ 1847 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ сотрудничалъ также и Милютинъ. О послѣднемъ см. въ статьѣ А. М. Скабичевскаго „Сорокъ лѣтъ русской критики". („Сочиненія А. Скабичевскаго", Спб., 1890 г. т. I, стр. 482—490).

Мы видимъ прежде всего, что члены кружковъ, группировавшихся около Петрашевскаго и примыкавшихъ къ нему, изучаютъ соціализмъ и коммунизмъ или при помощи трактующихъ о нихъ сочиненій (Штейна, Видермана), или изъ подлинныхъ сочиненій Сенъ-Симона, Фурье, Консидерана, Кабэ, Луи-Блана, читаютъ фурьеристскій журналъ „Фаланга" и др. Все, что появлялось новаго по этому предмету во французузской литературѣ, получалось, распространялось [1]) и обсуждалось на собраніяхъ лицъ, входившихъ въ составъ этихъ кружковъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта-Оуэна, объ Икаріи Кабэ и въ особенности о фаланстерѣ Фурье постоянно возобновлялись. Въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка", изданномъ Кирилловымъ (въ 1845—1846 гг.), Петрашевскій пытался провести свои взгляды и въ литературу. Во второмъ выпускѣ словаря прямо дѣлались ссылки на сочиненія Оуэна, Сенъ-Симона, Базара, Анфантена, Фурье, Кабэ, Прудона и проводились взгляды, заимствованные изъ ихъ сочиненій. Такъ, напр., въ статьѣ „Нормальное состояніе" авторъ говоритъ, что „Нормально развитымъ или благоустроеннымъ обществомъ... будетъ то, *которое доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ пропорціонально потребностямъ* и поставляетъ всякаго человѣка въ такое положеніе или отношеніе къ цѣлому обществу, что онъ, предаваясь вполнѣ влеченію естественныхъ своихъ побужденій, нисколько не можетъ нарушать гармоніи общественныхъ отношеній, но будетъ дѣятелемъ не только полезнымъ самому себѣ, но и цѣлому обществу безъ самозакланія личности". Въ статьѣ „Организація производства" особенно рекомендуются сочиненія Фурье и указываются нѣкоторыя черты его ученія, болѣе подробное изложеніе котораго предполагалось сдѣлать подъ словомъ „фурьеризмъ".

[1]) При обыскѣ у одного изъ книгопродавцевъ (Лури), было найдено на полкахъ магазина 2500 том. запрещенныхъ книгъ, а изъ документовъ магазина за 10 лѣтъ оказалось, что такія книги требовались и разсылались въ значительномъ количествѣ по всей Россіи.

Любопытнымъ доказательствомъ того, до какого увлеченія фурьеризмомъ доходили нѣкоторые петрашевцы, служитъ обѣдъ въ память Фурье, устроенный въ день его рожденія 7 апрѣля 1849 г. Обѣдъ этотъ состоялся уже послѣ высылки Салтыкова изъ Петербурга, но онъ очень характеренъ для кружка петрашевцевъ, и потому мы сообщимъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Участниками его были 10 человѣкъ, спеціально называвшихъ себя фурьеристами (два брата Дебу, Кашкинъ, Дм. Ахшарумовъ, два брата Европеуса и др.). Одиннадцатымъ былъ приглашенъ Петрашевскій, „какъ извѣстный фурьеристъ". На этомъ обѣдѣ, происходившемъ въ квартирѣ Европеуса, было предложено, для лучшаго распространенія ученія Фурье, перевести главнѣйшія его сочиненія на русскій языкъ, и всѣ присутствовавшіе согласились принять участіе въ переводѣ. На обѣдѣ было произнесено три рѣчи. Петрашевскій, назвавшій себя однимъ изъ старѣйшихъ пропагаторовъ соціализма, доказывалъ возможность примѣненія системы Фурье и въ заключеніе предложилъ тостъ за знаніе дѣйствительности.

Ханыковъ началъ свою рѣчь такъ:

„Я начинаю говорить съ тѣмъ увлеченіемъ, какое внушаютъ мнѣ и наше собраніе, и то событіе которое мы празднуемъ здѣсь (т.-е. день рожденія Фурье), событіе, влекущее за собою преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней". Далѣе Ханыковъ говорилъ о законѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, о борьбѣ сословій съ древности и до нашего времени и о томъ, что въ этой борьбѣ надо признать неудовлетворенность страстей и что нейтрализировать, уничтожить этотъ законъ можетъ только ученіе Фурье. Далѣе Ханыковъ перешелъ къ характеристикѣ печальнаго состоянія тогдашней Россіи и въ заключеніе сказалъ: „весь недостатокъ и все изумительное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ учителемъ и совершенно противоположный дѣйствительному порядку вещей. Намъ, нашей школѣ слѣдуетъ пополнить пробѣлъ въ системѣ. Какъ открытіе нибудь... истинно, благодѣтельно само по себѣ, но... по не-

вѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней организаціи общества, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но не намъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, нашъ тѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара, во имя ея начала и закона... Преображеніе близко!"

Другой участникъ обѣда, Д. Д. Ахшарумовъ, сказалъ слѣдующее:

„Жизнь, какъ она теперь, тяжела, гадка; мы всѣ несчастны, и можно ли быть счастливымъ въ этомъ обществѣ, въ которомъ мы живемъ. И такъ какъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному, основному назначенію нашей человѣческой жизни, какъ и всякой другой, то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится и вмѣсто него будетъ новый, новый и новый. Когда?—вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь, этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ и развалится все это дряхлое, громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело.— Мы живемъ въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, въ скопищѣ, разрозненномъ семействами, которыя, вредя другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицею, ползутъ города; единственная цѣль, высочайшее счастье для нихъ—сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица!—Въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ мы собрались сегодня не для жалобъ..., но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ... Мы даемъ обѣдъ... и празднуемъ грядущее искупленіе человѣ-

чества,—сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье чтимъ его память, потому что онъ указалъ намъ путь, по которому идти, открылъ источникъ богатства, счастья. Сегодня—первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и всѣ они здѣсь: десять человѣкъ, немногимъ болѣе [1]). Все начинается съ малаго и растетъ до великаго. — Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ цѣль наша [2]). Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій". Такова была рѣчь Д. Д. Ахшарумова. Въ записной книжкѣ (1848 г.) то же лицо, описывая всю тягость жизни въ нашемъ обществѣ, происходящую отъ неполнаго удовлетворенія всѣхъ страстей человѣка, писало, что для уничтоженія современнаго общественнаго строя есть одно средство — фаланстеръ Фурье [3]). Юный фурьеристъ считалъ учрежденіе его до такой степени необходимымъ, что какъ заявилъ онъ на слѣдствіи, онъ готовъ былъ бы для этого пожертвовать даже своею жизнью.

Многіе изъ петрашевцевъ не скрывали на слѣдствіи своихъ взглядовъ вообще и сочувствія ученію Фурье въ особенности. Буташевичъ-Петрашевскій при первомъ же вопросѣ заявилъ, что онъ фурьеристъ и желаетъ улуч-

---

[1]) Ораторъ очевидно не считалъ въ этомъ числѣ многихъ другихъ послѣдователей ученья Фурье, группировавшихся около Петрашевскаго (не слѣдуетъ впрочемъ думать, что всѣ петрашевцы были фурьеристами).

[2]) Приведенныя слова были поняты судьями по дѣлу Петрашевскаго буквально, и они обвиняли этого молодого человѣка, между прочимъ, въ намѣреніи „разрушить города и храмы". Въ одной найденной его рукописи онъ выразилъ мнѣніе, что „государство должно погибнуть съ его министрами и царями, съ его войскомъ, съ его столицами, законами и храмами". См. мою вступительную статью къ „Воспоминаніямъ" Д. Д. Ахшарумова. Спб. 1905 г.

[3]) Фаланстеръ, по этому ученію, есть собственно помѣщеніе фаланги, т.-е. ассоціаціи, обрабатывающей извѣстный участокъ земли.

шенія общественнаго строя, что ученіе Фурье не утопія и что оно въ 5—6 лѣтъ можетъ осуществиться, какъ въ это вѣрилъ и самъ Фурье [1]). Въ письменномъ показаніи, данномъ черезъ нѣсколько дней, Петрашевскій, называя себя и товарищей по заключенію фурьеристами, утверждалъ, что они желали „только мирнаго развитія общественнаго быта" и заявлялъ, что для изслѣдованія возникшихъ противъ него обвиненій нужно было бы назначить не слѣдственную, а ученую комиссію, которая могла бы разобрать ихъ съ научной точки зрѣнія и дать ему возможность доказать, что „мысль его—стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ—не была подобіе попытки Икара, что нѣтъ солнца, которое могло бы опалить его крылья". Далѣе Петрашевскій писалъ, что онъ вовсе не имѣлъ „умысла на бунтъ", въ которомъ его обвиняютъ, но признаетъ, что онъ „желалъ полной и совершенной реформы быта общественнаго и фаланстеръ считалъ ключемъ, пробнымъ камнемъ таковой реформы. Онъ желалъ, чтобы и другіе раздѣляли его увѣренность, что будетъ время, когда все въ обществѣ и природѣ придетъ въ стройную гармонію, труда тяжкаго, удручительнаго не будетъ, всякій актъ жизни человѣческой будетъ актомъ наслажденія, и что эпоха всеобщаго наслажденія настанетъ [2]). Показанія другихъ лицъ подтверждали, что

---

[1]) Вскорѣ послѣ того Петрашевскій предлагалъ въ числѣ другихъ мѣръ, по его мнѣнію полезныхъ для России, дать для устройства образцоваго фаланстера подъ Парижемъ 2 мил. руб. ас. „изъ французскихъ фондовъ, у насъ имѣющихся, подъ соотвѣтственные проценты". Замѣтимъ, что, по мнѣнію самого Фурье, для основанія одной фаланги нужно было до 4-хъ мил. франковъ. Акціонерная компанія, основанная въ 30-хъ годахъ во Франціи. съ цѣлью осуществленія идей Фурье, располагала капиталомъ въ 1.200.000 франковъ, но ея попытка не была доведена до конца.—О попыткѣ Петрашевскаго устроить фаланстеръ изъ крестьянъ см. въ статьѣ Зотова „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ" въ „Историч. Вѣстн". 1890 г. № 6, стр. 541—543.

[2]) Указывая на то, что проповѣдуемыя имъ идеи не погибнутъ съ его осужденіемъ, Петрашевскій писалъ: „знайте,—развѣется ли прахъ мой на четыре конца свѣта, вылетитъ ли изъ груди моей слабый вздохъ среди тишины подземнаго заточенія, его услышитъ тотъ, кому услышать

Петрашевскій, какъ это и соотвѣтствуетъ ученію Фурье, находилъ вообще нежелательнымъ бунтъ и возстаніе народа и утверждалъ, что всего можно достигнуть путемъ усовершенствованія законовъ. Въ позднѣйшемъ показаніи, подробно излагая свои взгляды на фурьеризмъ и соціализмъ, Петрашевскій, между прочимъ, писалъ, что соціализмъ „не есть изобрѣтеніе новѣйшаго времени", что онъ „всегда былъ въ природѣ человѣка" и будетъ въ ней до тѣхъ поръ, „пока человѣчество не лишится способности развиваться и совершенствоваться". По мнѣнію Петрашевскаго, „XVIII-мъ вѣкомъ заданъ на разрѣшеніе послѣдующимъ вѣкамъ вопросъ, какъ поставить человѣка въ правильное отношеніе къ самому себѣ, къ обществу, къ цѣлому человѣчеству и къ природѣ... Соціализмъ и есть попытка его разрѣшить. Фаланстеръ Фурье, т.-е. организація работъ въ общинѣ, вполнѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Соціализмъ вообще не есть прихотливая выдумка нѣсколькихъ причудливыхъ головъ, но результатъ развитія всего человѣчества. Это догматъ христіанской любви, ищущей своего практическаго осуществленія въ современной намъ дѣйствительности". Въ заключеніе Петрашевскій прибавилъ, что онъ „желалъ представить дѣло, какъ оно есть, въ истинномъ свѣтѣ, старался утвердить торжество истины надъ предразсудкомъ. Онъ занимался пропагандой въ этомъ смыслѣ... и считаетъ постыднымъ отрѣчься отъ своего дѣла, отъ пропагаторства".

Познакомившись со взглядами самого Петрашевскаго, укажемъ на отношеніе къ фурьеризму нѣкоторыхъ лицъ, сочувствовавшихъ этому ученію. Тимковскій, пріѣхавъ изъ Ревеля осенью 1848 г., бывалъ у Петрашевскаго и произнесъ на собраніи у него рѣчь объ ученіи Фурье, въ которой доказывалъ возможность постепеннаго преобразованія государства по этой системѣ. Онъ совѣтовалъ начать съ

слѣдуетъ; упадетъ капля крови моей на землю—выростетъ зорюшка..., мальчикъ сдѣлаетъ дудочку..., дудочка заиграетъ, придетъ дѣвушка, и повторится та-же исторія, только въ другомъ видѣ. Законъ судьбы или необходимости вѣченъ; но тогда вѣроятно, ни васъ, ни меня не будетъ".

того, чтобы самимъ изучить основательно всѣ системы соціалистовъ, сличить ихъ, выбрать изъ нихъ лучшую, т.-е. систему Фурье, и тогда распространять ее сознательно въ высшемъ кругу общества. Настроивъ, такимъ образомъ, общественное мнѣніе въ пользу этой системы, можно подать правительству просьбу объ ассигнованіи денежныхъ средствъ на учрежденіе перваго подобнаго общества. Въ случаѣ отказа, онъ предлагалъ составить компанію на акціяхъ. Если-бы и это не удалось, то слѣдовало устроить дружное товарищество, чтобы подвигать другъ друга на службѣ общими силами и, достигнувъ мѣстъ болѣе значительныхъ, содѣйствовать полученію отъ правительства желаемаго разрѣшенія. Онъ предлагалъ также устройство кружковъ для изученія системы Фурье. Возвратившись въ Ревель, Тимковскій занялся переводомъ, съ цѣлью пропаганды, соціалистическихъ сочиненій Кантагреля и Консидерана, пытался распространять ученіе Фурье и путемъ личнаго вліянія, но по его показанію, неудачно.

Одинъ изъ посѣтителей вечеровъ Петрашевскаго, Балосогло, заявилъ на слѣдствіи, что считаетъ себя коммунистомъ, такъ какъ думаетъ, что „нѣкогда всякое образованное государство, не исключая и Россіи, будетъ жить не случайными, несчастными аггрегаціями... а полными, круглыми общинами, гдѣ все будетъ общее, какъ обща всѣмъ и каждому разумная цѣль ихъ соединенія“. Онъ призналъ себя также и фурьеристомъ, такъ какъ полагаетъ, что „система общежитія, придуманная Фурье... должна рано или поздно примѣниться къ дѣлу“. Ястржембскій заявилъ, что онъ держится системы Фурье и полагаетъ, что со временемъ отдѣльныя народности сольются во-едино, установится общій языкъ и пр. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ кружкѣ Петрашевскаго, онъ съ похвалою отзывался и о Прудонѣ, хотя не во всемъ былъ съ нимъ согласенъ. Данилевскій, извѣстный теоретикъ славянофильства, заявилъ себя приверженцемъ системы Фурье, въ которой онъ находилъ „всѣ признаки науки положительной, обѣщающей богатые результаты“; онъ сказалъ, что

убѣдившись въ исполнимости основныхъ началъ этой системы и въ возможности ея примѣненія на практикѣ, онъ сталъ содѣйствовать ея распространенію, между прочимъ и рѣчами на собраніяхъ у Петрашевскаго, съ которымъ познакомился еще въ 1844 г. [1]). На вечерѣ у одного изъ изъ литераторовъ онъ соглашался составить вмѣстѣ съ другими и напечатать за границею общепонятное изложеніе системы Фурье на русскомъ языкѣ, что, впрочемъ, осталось неисполненнымъ. Въ заключеніе Данилевскій заявилъ на слѣдствіи, что и теперь не перестаетъ считать ученіе Фурье справедливымъ. Момбелли предлагалъ Петрашевскому и Спѣшневу составить для взаимной поддержки общество изъ соціалистовъ и вообще людей „передовыхъ мнѣній", одною изъ задачъ котораго должна быть пропаганда фурьеризма, но общество это не состоялось.— Цѣлью собраній у Кашкина было изученіе „системъ соціальныхъ и коммунистскихъ, по преимуществу системы Фурье, и примѣненіе ихъ къ быту Россіи" [2]).

Нужно замѣтить впрочемъ, что, мечтая объ осуществленіи системы Фурье, петрашевцы, обращаясь къ рус-

---

[1]) Данилевскій былъ приглашенъ на обѣдъ 7 февраля 1849 г., но, какъ человѣкъ осторожный, не пошелъ на него.

[2]) Увлеченіе фурьеризмомъ было такъ велико, что одинъ изъ поклонниковъ этого ученія, Кайдановъ, жившій въ Ростовѣ, прося брата прислать ему сочиненія различныхъ соціалистовъ и фурьеристовъ, прибавляетъ: „деньгами не стѣсняйся,—я скорѣе откажусь отъ сапоговъ, нежели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье". Впрочемъ, Кайдановъ, совершенно убѣждённый въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, не считалъ себя обязаннымъ „вѣрить à toutes les extravagances de notre maître". Подробнѣе о петрашевцахъ см. въ моей статьѣ „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ", первоначально напечатанной въ сборникѣ въ честь Н. К. Михайловскаго „На славномъ посту". Спб. 1900 (перепечатана отдѣльною брошюрою съ дополненіями въ изд. „Донской Рѣчи" въ 1905 г.). Объ ученіи Фурье вообще см. статью *Н. В. Водовозова* „Шарль Фурье" въ „Историч. Обозр. Сбор. Истор. Общ. при С.-Петерб. Унив,", т. X); кромѣ указанной въ ней литературы о Фурье, см. еще въ книгѣ *П. Бибикова* „Критическіе этюды" (1865 г.) статью „Современные утописты. Изложеніе и критическій разборъ теоріи Фурье" и ст. *М. Василевскаго* въ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

ской дѣйствительности, выставляли три главныхъ и самыхъ настоятельныхъ требованія: уничтоженіе крѣпостного права, введеніе гласнаго судопроизводства и дарованіе свободы слова [1]).

Какъ уже было указано, Салтыковъ также увлекался фурьеризмомъ. Вліяніе идей, наиболѣе симпатичныхъ тому кружку, въ которомъ онъ вращался, видно и въ его повѣсти „Запутанное дѣло", послужившей поводомъ къ его ссылкѣ [2]). Авторъ не задѣваетъ въ этомъ произведеніи рѣзко и опредѣленно той или другой злобы дня, но въ ней ясно сказывается его горячее сочувствіе къ бѣдному, нуждающемуся люду, тяжелое положеніе котораго онъ мѣстами противопоставляетъ праздной жизни сытыхъ людей. „Россія", говоритъ Салтыковъ, „государство обширное, обильное и богатое,—да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!". Въ описаніи горячешнаго бреда своего героя-неудачника авторъ изображаетъ пирамиду, составленную изъ огромнаго количества людей, въ самомъ низу которой находятся бѣдняки, подобные герою разсказа [3]). Напечатаніе этой повѣсти тяжело отозвалось на судьбѣ Салтыкова.

---

[1]) Объ отношеніи петрашевцевъ къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права см. мое сочиненіе: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", т. II, стр 370—385.

[2]) Она была напечатана въ мартовской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ" 1848 г. съ иниціалами *М. С.* По свидѣтельству г-жи Головачевой-Панаевой въ ея воспоминаніяхъ, редакція „Современника" не рѣшилась напечатать повѣсть Салтыкова. „Русскіе писатели и артисты" Спб. 1890 г., стр. 426—427.

[3]) Слѣды изученія системы Фурье видны во многихъ мѣстахъ позднѣйшихъ произведеній Салтыкова; онъ часто прикидываетъ извѣстныя черты этого ученія къ нашему прошлому и настоящему. Такъ напр. въ „Итогахъ" онъ говоритъ: „То нравственное равновѣсіе, которое, по предположенію Фурье, достигается при посредствѣ *гармонической игры страстей,* давнымъ давно нами достигнуто и воплощено путемъ гораздо кратчайшимъ: путемъ крѣпостного права. Вступая *въ храмъ гармоніи* съ задняго крыльца, мы тѣмъ не менѣе имѣли полное право кичиться, что главная цѣль нами достигнута... Несчастіе человѣка, стоящаго между двумя *фаланстерами,* крѣпостнымъ и гар-

2 апрѣля 1848 г. подъ вліяніемъ опасеній, вызванныхъ февральскою революціею во Франціи, и главнымъ образомъ для преслѣдованія соціалистическихъ идей въ литературѣ, былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, какъ высшее цензурное учрежденіе, наблюдавшее не только надъ частными, но и надъ казенными изданіями и имѣвшее право дѣлать выговоры отъ Высочайшаго имени даже министрамъ [1]). Случилось такъ, что въ числѣ самыхъ первыхъ распоряженій Бутурлинскаго комитета (25 апрѣля 1848 г.), было сдѣлано строгое замѣчаніе военному министру, графу Чернышеву, за цензурныя неисправности въ „Русскомъ Инвалидѣ [2]). Это вооружило графа Чернышева противъ литераторовъ, а кромѣ того Бутурлинъ, при встрѣчѣ съ военнымъ министромъ, кн. Чернышевымъ, обратилъ его вниманіе на то, что въ его канцеляріи находится, въ лицѣ Салтыкова, чиновникъ вольнаго образа мыслей. (По окончаніи лицея

мончическимъ“... и т. д. (Соч. Салтыкова, II, 495). Въ „За рубежемъ“ упоминается, что нѣкогда военный совѣтникъ Сдаточный написалъ проектъ „о необходимости устроенія фаланстеровъ изъ солдатъ съ припущеніемъ къ онымъ для приплода женскаго пола по пристойности“ (VI, 172). Правительственнымъ фурьеристомъ, насаждающемъ фаланстеры съ помощью шпицрутеновъ, оказывается и Аракчеевъ (VI, 279). Но если въ приведенныхъ мѣстахъ авторъ иронизируетъ, въ виду вопіющаго несоотвѣтствія между русскою дѣйствительностью и мечтами объ осуществленіи ученія Фурье, увлекавшими его въ молодости, то иногда онъ говоритъ на ту-же тему и совершенно серьезно. Такъ, указавъ въ одной изъ своихъ общественныхъ хроникъ, въ „Современникѣ“ 1864 г. (№ 2, стр. 223—224), на узость кругозора нашего крестьянина, вполнѣ объясняемую впрочемъ его печальнымъ матеріальнымъ положеніемъ, Салтыковъ продолжаетъ: „Я думаю даже, что съ нимъ было бы очень трудно сговориться и насчетъ *привлекательности труда*, несмотря на то, что теорія эта“ (т.-е. ученіе въ духѣ Фурье) „*очевидно построена въ его пользахъ*“. Весьма сочувственно говоритъ Салтыковъ о Фурье въ „Мелочахъ жизни“, но объ этомъ мы упомянемъ ниже.

[1]) Онъ былъ учрежденъ вмѣсто временнаго комитета, образованнаго 27 февраля того же года подъ предсѣдательствомъ морского министра кн. Меншикова. См. о немъ въ книгѣ *М. К. Лемке* „Очерки по ист. рус. цензуры“ Спб. 1904 г., стр. 194 и слѣд.

[2]) См. этотъ документъ въ „Рус. Стар. 1872, т. V, стр. 784—786.

Салтыковъ поступилъ въ 1844 г. на службу въ канцелярію военнаго министерства). Какъ разъ около этого времени Салтыковъ захворалъ и подалъ кн. Чернышеву прошеніе объ увольненіи его въ отпускъ въ деревню для леченія. Спросивъ Салтыкова о томъ, пишетъ ли онъ въ журналахъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, гр. Чернышевъ потребовалъ отъ молодого писателя, чтобы онъ прислалъ ему свои сочиненія. Когда Салтыковъ представилъ министру беллетристическія произведенія, напечатанныя имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ [1]), кн. Чернышевъ поручилъ написать о нихъ докладъ Н. Кукольнику. Военный министръ доложилъ о преступномъ образѣ мыслей своего подчиненнаго государю, а послѣдній положилъ резолюцію—выслать Салтыкова въ Вятку. Салтыковъ былъ призванъ къ министру, и ему было объявлено повелѣніе имп. Николая, по которому за то, что онъ „въ противность существующихъ узаконеній, безъ дозволенія и вѣдома начальства помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ литературныя свои произведенія, обнаруживающія его вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей, потрясшихъ уже всю Западную Европу и ниспровергшихъ власти и общественное спокойствіе“, его слѣдовало бы отдать въ солдаты, но, снисходя къ молодости лѣтъ (22 г.), государь повелѣлъ выслать его въ Вятку на службу, подъ непосредственное наблюденіе губернатора. По выслушаніи этого рѣшенія Салтыковъ прямо изъ министерства былъ отвезенъ тѣмъ же чиномъ на гауптвахту, а черезъ два дня отправленъ съ жандармами на мѣсто ссылки [3]). Въ одномъ изъ своихъ произведеній

---

[1]) „Противорѣчія, повѣсть изъ повседневной жизни“, посвященная В. А. Милютину („Отеч. Зап.“ 1847 г. т. 55), подписанная псевдонимомъ *М. Непановъ* и „Запутанное дѣло“ (1848 г. т. 57) съ подписью *М. С.*

[3]) *Бѣлоголовый*. „Воспоминанія“ изд. 4, стр. 200. *Н. А. Озеровъ*. „М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ“. Вятка, 1903. (Книжка Озерова извѣстна мнѣ лишь по рецензіи въ „Рус. Мысли“ 1904 г. № 3). Ср. статью А. М. Скабичевскаго о Салтыковѣ въ „Новостяхъ“ 1889 г. № 116.

М. Е. Салтыковъ такъ иронизируетъ по поводу этого событія, случившагося 28 апрѣля 1848 г.: „Вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи“ (1848 г.) „произошло соотвѣтствующее движеніе и у насъ: учрежденъ былъ негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы. Затѣмъ въ мартѣ я написалъ повѣсть, и въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія. Все это, конечно, сдѣлалось не такъ быстро, какъ во Франціи, но за-то основательно и прочно, потому, что я вновь возвратился въ Петербургъ лишь черезъ семь съ половиной лѣтъ, когда не только французская республика сдѣлалась достояніемъ исторіи, но и у насъ мундирные фраки были замѣнены мундирными полукафтанами“. („За рубежемъ“. Сочин. VI, 90).

Въ Вяткѣ Салтыковъ оставался до ноября 1855 г. и, по его собственному свидѣтельству, „служилъ, но не писалъ“ [1]). Но его пребываніе въ провинціи дало ему воз-

---

К. С. Веселовскій въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ („Рус. Стар.“ 1899, № 10 стр. 15) „что кажется П. И. Дегай“ (бывшій членомъ и Меньшиковскаго, и Бутурлинскаго комитетовъ) открылъ зловредную повѣсть Салтыкова „Запутанное дѣло“. Вредность статьи Салтыкова была заподозрѣна во второй половинѣ марта, а повѣсть Салтыкова была „найдена“ Дегаемъ черезъ недѣлю или двѣ (Веселовскій оговаривается, что точно онъ не помнитъ, Ibid, стр. 14, 15). Въ VIII т. „Русской Библіотеки“ (1878 г.) въ краткой біографіи Салтыкова, данныя для которой сообщены самимъ сатирикомъ, инціаторомъ дѣла названъ „особый комитетъ“. Нужно замѣтить, что въ запискѣ слѣдственной коммиссіи по дѣлу Буташевича-Петрашевскаго Салтыковъ названъ въ числѣ такихъ четырехъ лицъ, которыя *сосланы* въ отдаленныя губерніи за прежнія политическія преступленія. И. Михайловъ, авторъ статьи „Щедринъ, какъ чиновникъ“, хорошо знакомый съ вятскимъ періодомъ жизни нашего сатирика, также говоритъ, что „онъ былъ *сосланъ* въ Вятку *подъ надзоръ полиціи*“ („Одесскій Листокъ“ 1889 г. № 204). Дѣйствительно за Салтыковымъ велѣно было имѣть секретное наблюденіе мѣстному жандармскому штабъ-офицеру.

[1]) „Знакомые“. Альбомъ М. И. Семевскаго, стр. 208. Уже осенью 1848 г. Салтыковъ вслѣдствіе писемъ къ вятскому губернатору Н. А. Милютина (тогда директора хозяйств. департамента мин. внутр. дѣлъ, и извѣстнаго географа Ханыкова) былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при вятскомъ губернаторѣ. (*С. Н. Кривенко*).

можность собрать тотъ богатый запасъ наблюденій, который вызвалъ появленіе „Губернскихъ Очерковъ". Въ ноябрѣ 1855 г. Салтыковъ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, а въ августѣ слѣдующаго года въ „Русскомъ Вѣстникѣ" начали уже печататься „Губернскіе Очерки".

II.

Еще въ первые годы по окончаніи курса Салтыковъ, при его тогдашнихъ взглядахъ, не могъ не относиться съ величайшимъ сочувствіемъ къ тѣмъ произведеніямъ молодыхъ писателей-беллетристовъ: Григоровича, Тургенева, Герцена и др., въ которыхъ бичевалось крѣпостное право, на сколько это позволяли цензурныя условія того времени. Какъ мы уже упоминали, ненависть къ крѣпостному праву была однимъ изъ символовъ вѣры и членовъ кружка Петрашевскаго [1]). Понятно, что, какъ только оказалось возможнымъ вернуться къ литературной дѣятельности, Салтыковъ старался въ своихъ произведеніяхъ отзываться на эту главную злобу дня. Пребываніе въ не дворянской Вятской губерніи не могло дать ему много матеріала въ этомъ отношеніи. Быть можетъ отчасти по этой причинѣ, а всего болѣе, конечно, вслѣдствіе строгости цензуры, въ „Губернскихъ очеркахъ", печатавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1856—1857 гг., Салтыковъ не особенно много мѣста отводитъ обличенію крѣпостного права. Онъ указываетъ на дурное или жестокое обращеніе съ прислугою и крестьянами, на отдачу помѣщиками крѣпостныхъ въ наемъ, въ видѣ судорабочихъ, на обращеніе крестьянъ въ „мѣсячниковъ", на продажу людей и даже на такія исключитель-

---

„М. Е. Салтыковъ", стр. 26—27). О жизни Салтыкова въ Вяткѣ см. *Бѣлоголовый* „Воспоминанія", стр. 200—202; *Н. А. Огеровъ.* „М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ". Вятка, 1903 г.; *Пантелѣевъ* „Изъ воспоминаній о Салтыковѣ", „Сынъ Отечества" 1899 г. №№ 111—112.

[1]) Въ замѣткѣ (напечатанной въ Отечест. Зап." 1847 г. № 11 по поводу „Логики" Зубовскаго, т. LV, стр. 22) Салтыковъ слегка задѣваетъ крѣпостное право.

ныя явленія, какъ обращеніе у одной помѣщицы въ повинность сбора милостыни убогою женщиною, неспособною работать. (Соч. изд. 1889 г. I, 39, 41, 160, 263—265, ср. 187—188). Всего болѣе мѣста удѣлено описанію отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ въ очеркѣ „Владиміръ Константиновичъ Буеракинъ“, герой котораго увѣрялъ, что его „искреннее желаніе — быть благодѣтельнымъ помѣщикомъ“ и что онъ достигаетъ этого возможно меньшимъ вмѣшательствомъ въ дѣла управленія, а между тѣмъ его управляющій, какъ оказывается, сѣчетъ поголовно всѣхъ крестьянъ (I, 220, 222, 226—231). Если мы упомянемъ еще, что въ разсказѣ „Развеселое житье“, напечатанномъ первоначально въ „Современникѣ“ 1859 г. (№ 2), авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ указываетъ на печальную жизнь дворовыхъ (I, 478, 479, 484, 487), то этимъ мы исчерпаемъ все, что говоритъ Салтыковъ о крѣпостномъ правѣ въ своихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ до 1861 г. [1]).

Въ произведеніяхъ и другихъ нашихъ писателей-беллетристовъ этого времени обличеніе крѣпостного права не составляетъ явленія, особенно выдающагося и замѣтнаго. Тургеневъ печатаетъ въ концѣ 1855 г. въ „Современникѣ“ свой прекрасный разсказъ „Постоялый дворъ“ (написанный еще въ 1852 г.), гдѣ онъ описываетъ нерѣдкій случай присвоенія помѣщицею недвижимой собственности, купленной крестьяниномъ на ея имя. Гр. Л. Н. Толстой помѣщаетъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г. (№ 12) разсказъ „Утро помѣщика“, написанный также въ 1852 г. Печерскій (Мельниковъ) въ разсказѣ „Старые годы“ („Русскій Вѣстникъ“ 1857 г. № 20) обличаетъ злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ въ XVIII вѣкѣ. Тяжелыя картины помѣщичьей жестокости въ „Семейной хроникѣ“ Аксакова, появившейся въ печати въ 1856 г., отно-

---

[1]) Въ „картинѣ провинціальныхъ нравовъ“ подъ заглавіемъ „Женихъ“, не вошедшей въ собраніе сочиненій Салтыкова, авторъ мелькомъ задѣваетъ крѣпостное право, указывая на тяжесть повинностей крестьянъ („Современникъ“ 1857 г. т. 65, стр. 129).

сятся также къ далекому прошлому. Изъ новыхъ произведеній, бичующихъ крѣпостное право въ тогдашнюю эпоху, слѣдуетъ упомянуть о повѣсти Достоевскаго „Село Степанчиково и его обитатели" („Отеч. Зап." 1859 г., т. 127), (но нужно замѣтить, что тутъ издѣвательство надъ прислугою производится не самимъ бариномъ, а его приживальщикомъ), о повѣстяхъ Марка Вовчка изъ малороссійскаго и русскаго народнаго быта, которыя начали печататься въ журналахъ съ 1858 г., о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Григоровича [1]), нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Некрасова и поэмѣ Шевченко „Видьма" (1858 г.) которая въ подцензурныхъ изданіяхъ вышедшихъ въ Россіи, до сихъ поръ печаталась съ большими пропусками [2]).

Незначительное количество беллетристическихъ очерковъ, посвященныхъ изображенію крѣпостного права, безъ сомнѣнія, объясняется цензурными стѣсненіями. Такъ, напр., въ циркулярѣ объ ограниченіи обсужденія въ печати крестьянскаго вопроса, составленномъ 22 апрѣля 1858 г. въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, обращалось между прочимъ вниманіе цензуры на то, что „въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти" [3]).

Слѣдуетъ добавить, что Салтыковъ въ своихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ до крестьянской реформы, не

---

[1]) Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій-псевдонимъ) въ повѣсти „Встрѣча" („Отеч. Зап." 1860 г. т. 129, 130) и ея сестра, Софья Дмитр., писавшая подъ псевдонимомъ Весеньевъ, въ повѣсти „Сельцо Лысково" (Отеч. Зап. 1859 г. № 5) также затрагиваютъ крѣпостное право.

[2]) Срав. *Т. Г. Шевченко.* Кобзарь, Кіевъ, 1899 г., стр. 510—527 и „Поезіjі Т. Гр. Шевченка, заборонені в Россіjі", Женева, 1890, стр. 153—178.

[3]) *Скабичевскій.* „Очерки исторіи рус. цензуры", 420—422, „Русск. Стар.", 1892 г., № 5, стр. 377. Цензура задерживала нѣкоторое время даже печатаніе драмы Писемскяго „Горькая Судьба". *Никитинко* „Моя повѣсть о самомъ себѣ", изд. 2-е М. В. Пирожкова, подъ редакціей М. К. Лемке, 1905 г. т. I, 576.

только затрогивалъ крѣпостное право, но и бичевалъ ту часть дворянства, которая враждебно относилась къ мысли объ освобожденіи крестьянъ. Такъ, въ его разсказѣ „Нашъ дружескій хламъ“, напечатанномъ въ „Современникѣ“ 1860 г. (№ 8), лица, окружающія губернатора, ликуютъ при вѣсти о томъ, что будто-бы „опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ“ (Соч. I, 435—437). Въ другомъ разсказѣ „Скрежетъ зубовный“, напечатанномъ въ „Современникѣ“ въ томъ же 1860 г., авторъ такъ изображаетъ отношеніе дворянства къ крестьянскому вопросу: „Когда все кругомъ насъ говоритъ и пишетъ объ обветшалости крѣпостного права..., можемъ-ли мы оставаться равнодушными?.. Мы условились единодушно и заранѣе, что крѣпостное право — une chose sans nom. Но Господи! что за горечь кипитъ въ нашихъ сердцахъ, когда мы произносимъ эти слова! какое горькое дрожаніе усматривается на поблѣднѣвшихъ губахъ нашихъ! что за соленый вкусъ ощущается на языкѣ, когда онъ лепечетъ заповѣдное вступленіе къ предстоящей рѣчи: „господа! нѣтъ сомнѣнія, что предметъ, насъ занимающій, заслуживаетъ искренняго нашего сочувствія!“ Затѣмъ авторъ приводитъ въ видѣ образчика рѣчи нѣсколькихъ дворянъ по крестьянскому вопросу, которыя, если даже онѣ и начинаются словами „безъ свободнаго труда нѣтъ и не можетъ быть надежныхъ условій истиннаго процвѣтанія для государства“, то всегда оканчиваются припѣвомъ: „неторопливость и постепенность!“ (Соч. II, 84, 86—89).

Такимъ образомъ, нашъ сатирикъ содѣйствовалъ своими произведеніями, по мѣрѣ силъ и возможности, борьбѣ общества и правительства съ крѣпостнымъ правомъ до его упраздненія [1]). Въ то горячее время, которое наступило послѣ обнародованія манифеста 19-го февраля 1861 г.,

[1]) Во время своей службы вице-губернаторомъ въ Рязани (съ 1858 г.) и въ Твери (съ 1860 г.) Салтыковъ энергически защищалъ крѣпостныхъ отъ различныхъ злоупотребленій. См. *Кривенко*. „М. Е. Салтыковъ“, Спб. 1891, стр. 42, 43, 46—47, 50—51, ср. „Воспоминанія“ *Кривенко* о Салтыковѣ въ „Истор. Вѣстн.“ 1890 г. № 11, стр. 326.

Салтыковъ принялъ участіе въ печатномъ обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, возбужденныхъ крестьянскою реформою, уже не подъ своимъ обычнымъ псевдонимомъ, а за полною своею подписью. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (28-го апрѣля 1861 г., № 91) появилась его статья „Объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ“, вызванная замѣткою Ржевскаго въ газетѣ „Наше время“ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о дворянствѣ“. Салтыковъ возмутился дворянскою тенденціею статьи Ржевскаго, въ которой проводилась мысль, что, такъ какъ образованіе составляло у насъ привилегію высшихъ классовъ общества, то послѣднимъ и должно принадлежать преобладаніе надъ прочими слоями русскаго народа. Затѣмъ похвалы Ржевскаго принципу независимости мировыхъ посредниковъ отъ административной власти побудили Салтыкова напомнить, что, при всемъ сочувствіи къ этому принципу, не слѣдуетъ понимать независимость мировыхъ посредниковъ, какъ свободу отъ всякой служебной отвѣтственности. Очевидно, Салтыковъ опасался, чтобы, при той обширной власти, которая предоставлена мировымъ посредникамъ, эти лица, назначаемыя изъ среды дворянства, не воспользовались бы своимъ служебнымъ положеніемъ въ интересахъ помѣщиковъ и къ ущербу крестьянъ [1]). Требованіе „строгой и немедленной отвѣтственности“ мировыхъ посредниковъ кажется автору тѣмъ необходимѣе, что ихъ назначеніе предоставлено губернаторамъ по соглашенію съ предводителями дворянства и исключительно изъ среды дворянства. Авторъ признаетъ, что правительство „не могло примѣнить къ назначенію посредниковъ выборное начало, покуда новое законодательство не будетъ усвоено обѣими заинтересованными сторонами, покуда та и дру-

[1]) „Представить себѣ такую власть“, говоритъ онъ „безъ строгой отвѣтственности за употребленіе ея точно такъ же немыслимо, какъ и вообразить себѣ, что вся сущность предпринятой реформы заключается лишь въ перенесеніи прежнихъ помѣщичьихъ правъ съ одного лица на другое“. Опасеніе Салтыкова оправдалось впослѣдствіи съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ.

гая не придутъ къ сознанію своихъ правъ и обязанностей", но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ крайне затруднительнымъ положеніе губернаторовъ, которымъ предоставлено замѣщеніе новыхъ важныхъ должностей. Онъ указываетъ на весьма недостаточную подготовку той части общества, которая „признана къ дѣятельному участію въ великомъ дѣлѣ преобразованія", на ту огромную роль, какую играютъ рекомендаціи разныхъ знакомыхъ губернатора при назначеніи на новыя мѣста[1]. При выборѣ, сдѣланномъ при такихъ условіяхъ, авторъ считаетъ необходимую строгую отвѣтственность мировыхъ посредниковъ за ихъ дѣйствія. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ устройство періодическихъ съѣздовъ всѣхъ посредниковъ одной губерніи въ губернскомъ городѣ, не только для обмѣна мыслей и разъясненія недоразумѣній, но и для представленія подробнаго отчета о всѣхъ дѣйствіяхъ каждаго посредника по ввѣренному ему участку. Для большаго контроля общества надъ дѣйствіями посредниковъ авторъ предлагаетъ результаты совѣщанія и повѣрки отчетовъ печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Ржевскій не оставилъ безъ отвѣта статью Салтыкова; въ своемъ возраженіи, напечатанномъ въ „Современной Лѣтописи" 1861 г. (№ 22); онъ укоряетъ Салтыкова за будто бы „бюрократическую тенденцію" его статьи, находитъ у него „бюрократическую точку зрѣнія" (намекъ на служебное положеніе Салтыкова). Послѣдній отвѣчалъ своему оппоненту въ остроумной замѣткѣ, напечатанной также въ „Современной Лѣтописи" (1861 г. № 26). Кличка „бюрократъ" не испугала Салтыкова. Авторъ не оставляетъ безъ отповѣди и инсинуаціи относительно его направленія и говоритъ, что хотя Ржевскій и не обвиняетъ его прямо въ неблагонамѣренности, но даетъ слегка почувствовать, что бываютъ заблужденія, проистекающія изъ увлеченія

[1]) Одни рекомендуютъ своего protegé по причинѣ „comme il faut", другіе своего „за скромность, за то, что онъ съ молодыми молодъ, со старцами старъ".

„направленіемъ извѣстной школы реформаторовъ, желающихъ во что бы то ни стало благодѣтельствовать низшимъ классамъ“. Приведя эти слова Ржевскаго, авторъ прибавляетъ: „вотъ оно, истинное-то значеніе „бюрократъ“[1]).

Эта полемика объясняетъ многое въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Салтыкова. Его возмущаютъ дворянскія притязанія, прикрытыя якобы либеральнымъ отвращеніемъ къ бюрократіи, а затѣмъ самую задачу правительственной власти онъ видитъ въ защитѣ интересовъ народа отъ подобныхъ дворянскихъ притязаній. Къ тому же, по его собственному объясненію, въ его первой статьѣ дѣло шло „о правѣ не только правительства, *но и общества*[2]) контролировать дѣйствія посредниковъ“[3]).

Пока тянулась эта полемика, Салтыковъ выступилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ съ новою замѣткою, подъ заглавіемъ „Къ крестьянскому дѣлу“ (1861 г. № 94, 30 апрѣля), цѣль которой состояла въ томъ, чтобы предупредить возможность суровыхъ репрессалій по поводу волненій крестьянъ при введеніи новаго порядка вещей. Онъ предостерегаетъ противъ преувеличенія возможныхъ со стороны крестьянъ недоразумѣній, выражаетъ желаніе, чтобы губернскія власти не послѣдовали примѣру „пессимистовъ — каркателей гнусностей“, которые, при „малѣйшемъ шорохѣ, при самомъ ничтожномъ замѣшательствѣ являются на сцену“ и повторяютъ: „А что, говорили мы! предсказывали мы!“ Авторъ надѣется, что губернскія власти взглянутъ на дѣло съ болѣе человѣчной точки зрѣнія, и для выясненія недоразумѣній взываетъ къ содѣйствію тѣхъ дворянъ помѣщиковъ, которые назначаются членами губернскихъ присутствій. Тому же вопросу Салтыковъ посвятилъ нѣсколько позднѣе и другую замѣтку подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи недора-

---

1) Отвѣтъ Ржевскаго см. въ 30 № „Современной Лѣтописи“ 1861 г.

2) Курсивъ автора.

3) „Современная Лѣтопись“ 1861 г. № 26, стр. 28.

зумѣній по крестьянскому дѣлу“ [1]). Стараясь убѣдить въ необходимости самаго осмотрительнаго и гуманнаго отношенія къ возможнымъ со стороны крестьянъ недоразумѣніямъ при введеніи новаго порядка вещей, авторъ горячо протестуетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые въ подобныхъ случаяхъ считаютъ необходимыми угрозы и страхъ наказанія, и выражаетъ надежду, что уѣздныя и губернскія учрежденія по крестьянскому дѣлу будутъ стараться избѣгать „рѣшенія возникающихъ вопросовъ при посредствѣ полицейскихъ мѣръ“. Такъ какъ виновниками волненія могутъ быть сами помѣщики, то Салтыковъ считаетъ необходимымъ энергическое вмѣшательство административной власти не противъ, а въ защиту крестьянъ, въ томъ случаѣ, когда обнаружатся чрезмѣрныя ихъ повинности въ пользу помѣщика во время двухлѣтняго переходнаго положенія. Затѣмъ онъ совершенно справедливо настаиваетъ на томъ, чтобы не дѣлали изъ мухи слона по поводу самыхъ ничтожныхъ столкновеній помѣщиковъ съ крестьянами [2]).

Наконецъ, и въ случаяхъ дѣйствительнаго волненія крестьянъ, авторъ убѣждаетъ дѣйствовать „мѣрами, не выходящими изъ предѣловъ закона общаго (порядкомъ слѣдственнымъ и судебнымъ)“, а не экстренными мѣропріятіями [3]).

[1]) „Московскія Вѣдомости“ 1861 г. № 128, 11 іюня.

[2]) „Какая-нибудь ключница Мавра“, говоритъ Салтыковъ, „донесетъ барынѣ, что дядя Корнѣй, лежа на печи, приговаривалъ: „Мы-ста, да вы-ста“ — вотъ уже и злоумышленіе. Какой-нибудь староста Акимъ подольстится къ барынѣ, „что у насъ-де, сударыня, Ванька-скотъ давеча на всю сходку оралъ: а пойдемте-ка, братцы, къ барынѣ, пускай она водки намъ поднесетъ“ — вотъ уже и бунтъ. И барыня... пишетъ туда, пишетъ сюда, на весь околодокъ визжитъ, что честь ея поругана, что права ея попраны... И вмѣсто того, чтобы унять ее, ей вторитъ цѣлое воинство, и Ванька-скотъ летитъ въ становую квартиру и дядя Корнѣй записывается въ книжечку, какъ будущій зачинщикъ и подстрекатель“.

[3]) Въ заключеніе статьи авторъ выражаетъ желаніе, чтобы засѣданія губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ происходили публично.

Подобныя настоянія были крайне необходимы въ то время, когда количество крестьянскихъ волненій при введеніи новаго порядка вещей оказалось весьма значительнымъ. По оффиціальному свидѣтельству, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ (съ 19 февраля 1861 по 19 февраля 1863 гг.) было болѣе 1100 случаевъ волненій и безпорядковъ въ разныхъ селеніяхъ. „Въ огромномъ большинствѣ случаевъ", читаемъ мы въ „Краткомъ очеркѣ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ за 25-лѣтіе 1855 по 1880 г.", „волненія прекращались полицейскими мѣрами ареста или наказанія нѣсколькихъ крестьянъ, бывшихъ зачинщиками или главными виновниками. Въ трехъ селеніяхъ волненія были настолько серьезны, что военныя команды принуждены были прибѣгнуть къ оружію". Тутъ очевидно дѣло идетъ о слѣдующихъ волненіяхъ. Въ Казанской губерніи въ имѣніи гр. Апраксина (Спасскаго у. село Бездна), гдѣ собралось до 5000 человѣкъ, было убито, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 55 крестьянъ, ранено — 71 (крестьянинъ Антонъ Петровъ былъ разстрѣлянъ) [1]). Въ Пензенской губ. въ селѣ Кандеевкѣ, у помѣщика Волкова собралось до 10000 чел., при столкновеніи съ войсками убито 8, ранено 26 крестьянъ. Въ Смоленской губ. въ имѣніи кн. Голицына (Гжатскаго у.) при столкновеніи съ войскомъ былъ убитъ одинъ крестьянинъ, но кромѣ того 21 чел. задавлены обратившеюся въ бѣгство толпою. Были, впрочемъ, сопротивленія войскамъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр., въ имѣніи гр. Протасова-Бахметьева (въ Ямпольскомъ у. Подольской губ.). Извѣстно, сколько было наказано въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ по суду [2]), но какое количество крестьянъ подверглось

---

[1]) Объ этомъ волненіи см. любопытную статью *Н. А. Крылова* „Воспоминанія мирового посредника перваго призыва" въ „Русск. Стар." 1892 г. №№ 4 и 6. О рѣчи А. П. Щапова на панихидѣ въ Казани по убитымъ въ Безднѣ см. *Барсуковъ* „Жизнь и труды М. П. Погодина" т. XVIII, стр. 66—67.

[2]) Напр., въ Пензенской губ. (за волненія въ селѣ Кандеевкѣ и др., сослано на каторжныя работы въ Сибирь, по наказаніи шпицрутенами

безъ всякаго суда тѣлесному наказанію въ 1100 случаяхъ волненій,—это едва ли точно опредѣлитъ и будущій историкъ крестьянской реформы [1]).

Кромѣ названныхъ статей, въ октябрѣ 1861 г. Салтыковъ помѣстилъ въ „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника“ замѣтку подъ заглавіемъ: „Гдѣ истинные интересы дворянства?“ Авторъ утверждаетъ, что сила дворянскаго сословія должна заключаться „не въ преданіи, а въ тѣсномъ общеніи съ народомъ“. Единственное средство къ сближенію дворянства съ народомъ, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, чтобы „помѣщикъ сталъ самъ членомъ того сельскаго общества и той волости, въ районѣ которыхъ находятся его помѣстья“. Опасеніе, что это вступленіе помѣщиковъ въ составъ сельскаго общества и волости вредно отразится на интересахъ крестьянъ, Салтыковъ устраняетъ тѣми серьезными условіями, которыми имъ обставлено это вступленіе. Условія эти таковы: 1) „*участіе помѣщиковъ наравнѣ съ прочими членами обществъ въ платежѣ государственныхъ податей и земскихъ повинностей, лежащихъ на обществѣ*“ и 2) „совершенное, при посредствѣ выкупной сдѣлки, окончаніе всѣхъ разсчетовъ, которые возникли между крестьянами и помѣщикомъ вслѣдствіе обнародованія законоположеній 19 февраля. Соблюденіе перваго изъ этихъ условій“, по мнѣнію автора, „необходимо уже на основаніи общаго закона, что всякое право влечетъ за собою и обязанности... На этомъ основаніи помѣщикъ по всей справедливости долженъ принять участіе въ платежѣ состоящихъ на отвѣтственности сельскаго об-

(отъ 400 до 700 ударовъ).—28 чел., на поселеніе по наказаніи 200—400 ударами шпицрутеновъ 80 чел., приговорено къ содержанію въ смирительномъ домѣ — трое, наказано 100 ударами шпицрутеновъ и отправлено на службу въ Оренбургскіе линейные баталіоны 3, наказано розгами и оставлено на прежнемъ мѣстѣ жительства—58 чел. („Русск. Стар.“ 1885 г. т. 46, стр. 157).

[1]) Въ Черниговской губ. въ 1861 г. были въ ходу между крестьянами копіи прокламацій, „Крещеной собственности“ Герцена и другихъ его произведеній. „Русск. Арх.“ 1897 г. № 1, стр. 49.

щества податей и земскихъ повинностей, и притомъ участіе, соразмѣрное съ количествомъ оставшейся у него во владѣніи земли". Одного этого условія было достаточно для того, чтобы предложеніе Салтыкова о вступленіи дворянъ въ составъ сельскаго общества и волости не встрѣтило сочувствія со стороны громаднаго большинства дворянства [1]).

Мы остановились на названныхъ выше статьяхъ Салтыкова, какъ потому, что онѣ чрезвычайно важны для выясненія его взглядовъ на роль дворянства и крестьянскій вопросъ, такъ и потому, что онѣ не вошли въ собраніе сочиненій нашего сатирика.

Возвращаясь отъ публицистическихъ къ сатирическимъ произведеніямъ Салтыкова, мы видимъ, что, какъ въ самый годъ крестьянской реформы, такъ и въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ онъ нерѣдко затрогивалъ крѣпостное право и крестьянскій вопросъ: это было настоятельно необходимо въ переходные годы отъ прежнихъ порядковъ къ новому общественному строю. Въ очеркѣ „Наши глуповскія дѣла", первоначально напечатанномъ въ 11 № „Современника" 1861 г., авторъ въ видѣ извлеченія изъ дневника помѣщика, веденнаго въ концѣ 1858 г., сжато говоритъ объ отношеніи помѣщиковъ къ первымъ слухамъ объ освобожденіи крестьянъ. Подробнѣе и въ высшей степени телантливо онъ разрабатываетъ ту-же тему въ очеркѣ „Госпожа Падейкова", вошедшемъ въ составъ „Сатиръ въ прозѣ", изображая тревоги помѣщицы въ виду слуховъ объ уничтоженіи крѣпостного права (П. 31 — 43, ср. стр. 165—167).

Въ 1862 г. въ журналѣ „Время" (№ 4) Салтыковъ представилъ въ драматической формѣ бесѣду нѣсколькихъ помѣщиковъ о крестьянскомъ вопросѣ съ уѣзднымъ

---

[1]) Что позднѣйшія предположенія дворянъ о всесословной волости составлялись не въ интересахъ народа, а ко вреду его, видно, между прочимъ, изъ статьи *Ѳ. М. Дмитріева* „Всесословная волость по проектамъ петербургскихъ дворянъ" въ книгѣ его и Ю. Ѳ. Самарина „Революціонный консерватизмъ" 1875 г.

предводителемъ дворянства послѣ того, какъ правительство уже категорически заявило о своихъ освободительныхъ намѣреніяхъ. Предводитель дворянства, пустой фатъ, убѣдившійся послѣ поѣздки въ Петербургъ, что измѣненіе быта крестьянъ дѣло рѣшенное, хотя помѣщики и будутъ призваны высказываться по этому предмету, ведетъ уже такія рѣчи, что „безъ вольнаго труда мы скоро должны будемъ сойти на степень второстепенной державы". Помѣщики тутъ же разсуждающіе о выгодности продажи „дѣвокъ" на фабрику купцу (несмотря на запрещеніе купечеству владѣть крѣпостными), въ отвѣтъ на вызовъ своего предводителя обсудить крестьянское дѣло, рѣшаютъ приступить къ нему „съ легкимъ сердцемъ и устроить такимъ образомъ, чтобы все осталось по-прежнему". Не одинъ Салтыковъ рѣзко-отрицательно относился къ роли дворянства въ крестьянской реформѣ; такое же отношеніе къ этому вопросу мы находимъ и въ изданной въ 1862 году безъ имени автора брошюрѣ „Дворянство и освобожденіе крестьянъ", принадлежащей перу К. Д. Кавелина [1])

Вообще въ своихъ произведеніяхъ 1861—1863 гг. Салтыковъ продолжалъ задѣвать крѣпостное право—истязанія крѣпостныхъ, запродажу ихъ на фабрики, помѣщичій развратъ (ср. II, 101, 153, 175 — 176, 191), но, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе трогательныхъ и талантливыхъ изображеній печальной жизни дворовыхъ, не только изъ всѣхъ произведеній Щедрина, но и во всей нашей литературѣ, слѣдуетъ считать его разсказъ „Миша и Ваня, забытая исторія", напечатанный въ № 1 „Современника" 1863 г., гдѣ авторъ изображаетъ двухъ дворовыхъ мальчиковъ, сговаривающихся наложить на себя руки, чтобы имѣть воз-

---

[1]) „Собр. соч. К. Д. Кавелина", 1898, II, 106—142 Въ другой сценкѣ, напечатанной Салтыковымъ одновременно съ только что изложенною, дѣйствіе происходитъ уже послѣ освобожденія крестьянъ. Авторъ представляетъ затруднительное положеніе губернатора, осаждаемаго разными просителями, которые съ помощію разныхъ рекомендацій и безъ оныхъ добиваются мѣстъ мировыхъ посредниковъ, словомъ изображаетъ въ лицахъ то, что онъ уже намѣтилъ въ сжатыхъ чертахъ въ своей

можность разсказать Богу на томъ свѣтѣ, какъ ихъ била и тиранила помѣщица [1]). Наряду съ мастерскимъ изображеніемъ психическаго состоянія этихъ мальчиковъ, мимоходомъ выясняется ужасная жизнь и другихъ дворовыхъ, какъ напр. въ разсказѣ объ исчезновеніи молоденькой дѣвушки послѣ того, какъ помѣщица велѣла ее отстричь за яко-бы безнравственное поведеніе, или о страшныхъ издѣвательствахъ помѣщиковъ надъ своею прислугою (приказаніе лизать языкомъ горячую печь для того только, чтобы посмотрѣть, какую уморительную рожу скорчитъ при этомъ Сенька) (Соч. II, 419, 428). — Въ разсказѣ „Деревенская тишь“ („Современникъ“ 1863 г. № 1) авторъ изображаетъ страданія помѣщика послѣ того, какъ его прислуга изъ крѣпостной превратилась въ вольную, хотя и съ обязательствомъ прослужить еще нѣкоторое время у прежняго господина (Соч. I, 443—449, 455, 458).

Вообще Салтыковъ, чаще чѣмъ кто-нибудь другой изъ нашихъ беллетристовъ, отзывался въ своихъ произведеніяхъ 1861 — 1863 гг. на самое важное событіе того времени — освобожденіе крестьянъ. Изъ произведеній другихъ нашихъ извѣстныхъ писателей наиболѣе сильною вылазкою противъ крѣпостного права за это время нельзя не признать „Поликушку“ гр. Л. Н. Толстого („Русскій Вѣстникъ“ 1863 г. т. 43), но тутъ трагическій исходъ является для героя разсказа результатомъ случайной потери денегъ, а не какихъ либо притѣсненій со стороны помѣщицы, кото-

первой статьѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. („Недавнія Комедіи“: 1) „Соглашеніе“, 2) „Погоня за счастьемъ“. Сочин. II, 43—71).

[1]) Этотъ разсказъ основанъ на дѣйствительномъ событіи: одна рязанская помѣщица своимъ тиранствомъ довела двухъ своихъ крѣпостныхъ мальчиковъ (10—12 лѣтъ) до того, что, по взаимному согласію, они зарѣзали другъ друга столовыми ножами. Салтыковъ въ то время управлялъ Рязанскою губерніею; имѣніе помѣщицы было взято подъ опеку, а сама она предана суду. *Егоровъ*. Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ. „Сынъ Отеч.“ 1900 №№ 134, 138.

рая къ этому дворовому человѣку относилась особенно снисходительно [1]).

III.

Въ эпоху крестьянской реформы нашъ сатирикъ счелъ своимъ долгомъ отозваться еще на одно замѣтное теченіе въ нашей жизни—желаніе извѣстной части дворянства добиться того, чтобы рѣшеніе крестьянскаго вопроса было предоставлено одному высшему сословію, и стремленіе этой фракціи нашего высшаго сословія вознаградить себя за предстоящую утрату власти надъ крестьянами расширеніемъ политическихъ правъ дворянства и притомъ одного только дворянства. Дворянскія претензіи, клонящіяся къ ущербу интересовъ народа, были глубоко ненавистны Салтыкову, и мы видѣли, съ какою горячностью онъ отозвался на статейку Ржевскаго, проникнутую подобною тенденціею. Бороться съ этимъ теченіемъ въ высшихъ слояхъ нашего общества Салтыковъ считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что осуществленіе притязаній этой дворянской партіи могло бы вредно отозваться на судьбѣ крестьянской реформы. Но Салтыковъ нигдѣ не нападалъ на тѣ либеральныя заявленія дворянъ, въ которыхъ они не отдѣляли своихъ интересовъ отъ интересовъ остальныхъ сословій. Чтобы, была понятнѣе эта сторона тогдашнихъ произведеній Салтыкова, мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько фактовъ нашей жизни конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ.

Въ числѣ публицистическихъ произведеній консервативной помѣщичьей партіи этого времени обратила на себя вниманіе появившаяся въ 1859 г. въ Парижѣ брошюра: „Lettre d'un député de Comité à Mr. le président de la

---

[1]) Писемскій въ разсказѣ „Батька" („Русское Слово" 1862 г. № 1) довольно слабо задѣваетъ крѣпостное право, а его драму „Горькая Судьбина" даже вовсе нельзя отнести къ числу произведеній, бичующихъ это зло нашей жизни. Рѣзкій разборъ этой драмы, сдѣланъ Салтыковымъ въ „Современникѣ" 1863 г. т. 99, кн. II, стр. 90—106.

Commission de rédaction, aide de camp général Rostovtzoff". Авторомъ этого открытаго письма къ Ростовцеву, какъ оказалось, былъ гр. Орловъ-Давыдовъ, бывшій членъ симбирскаго комитета, утверждавшій, что постановленія дворянства по крестьянскому дѣлу не должны подлежать разсмотрѣнію и утвержденію правительства. Гр. Орловъ-Давыдовъ разослалъ свое письмо ко многимъ высшимъ сановникамъ и членамъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, за исключеніемъ самого Ростовцева, къ которому оно было обращено. Онъ старался доказать, будто бы предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій самовольно расширилъ кругъ дѣйствій этого учрежденія, которое, по мнѣнію гр. Орлова-Давыдова, должно было ограничиться составленіемъ свода постановленій губернскимъ комитетовъ, а не заниматься выработкою новаго положенія [1]). Далѣе авторъ утверждаетъ, что вся отвѣтственность по крестьянскому дѣлу должна лежать исключительно на дворянствѣ, что обязанности депутатовъ дворянства начнутся только тогда, когда главный комитетъ окончитъ возложенный на него трудъ, и что хотя подобное собраніе представителей дворянства будетъ имѣть лишь временное существованіе, но тѣмъ не менѣе оно необходимо, чтобы положить окончательно печать воли дворянства на дѣло, начавшееся будто бы исключительно по его иниціативѣ. Гр. Орловъ-Давыдовъ находитъ крайне несправедливымъ, что въ то время, когда заботятся объ улучшеніи положенія массъ, ничего не дѣлаютъ въ интересахъ высшей, образованнѣйшей и лучшей части народа. Зачѣмъ отнимать у дворянства, спрашиваетъ авторъ, право избирать исправниковъ, которое составляетъ первую ступень selfgovernement'а (самоуправленія, т.-е., какъ понимаетъ это слово авторъ, управленія посредствомъ собственности, („par la propriété"). Затѣмъ слѣдуетъ фраза,

[1]) Такое толкованіе совершенно противно буквальному смыслу имени. Высочайшаго указа объ учрежденіи редакціонной коммиссіи. См. *Скребицкій* „Крестьянское дѣло въ царствованіе имп. Александру II" т. I, стр. LXII—LXIII.

нѣсколько темная, но которую современники понимали, какъ изъявленіе желанія аристократически-конституціоннаго образа правленія“ [1]).

Во всеподданнѣйшемъ письмѣ симбирскаго депутата Шидловскаго (въ октябрѣ 1859 г.) рекомендовалось „сліяніе самодержавія съ дворянствомъ“ и предлагалось для рѣшенія крестьянскаго вопроса созвать „нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства“ (отъ одного дворянства) [2]).

Энергическимъ защитникомъ дворянства явился въ это же время (послѣ вызова депутатовъ перваго призыва) Михаилъ Александровичъ Безобразовъ, племянникъ кн. А. Ѳ. Орлова, бывшій впослѣдствіи С.-Петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Черезъ шефа жандармовъ В. А. Долгорукова онъ представилъ государю записку, въ которой, обвиняя главныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ стремленіи ввести конституцію въ Россіи, онъ въ то же время требуетъ созванія выборныхъ отъ дворянства и присоединенія къ нимъ „настоящихъ выборныхъ отъ (губернскихъ) комитетовъ“. „Собраніе выборныхъ“, говоритъ Безобразовъ въ своей запискѣ (напомнимъ, что дѣло идетъ о представителяхъ только дворянства), „есть природный элементъ самодержавія [3]). Въ немъ только оно можетъ освѣжать силы и находить нужный свѣтъ. Власть не стѣсняется въ своей силѣ таковымъ собраніемъ, а по-

---

[1]) „Не было ли бы благоразумнымъ дать власти законное теченіе (un cours légal) въ высшихъ сферахъ, болѣе приближенныхъ къ трону, откуда она могла бы распространяться постепенно и равномѣрно на низшіе классы общества“. Такими высшими сферами, по мнѣнію автора, должна быть не бюрократія, а владѣльцы независимой дворянской собственности (p. 43). Въ частныхъ разговорахъ гр. Орловъ-Давыдовъ предлагалъ депутатамъ отъ губернскихъ комитетовъ сплотиться и составить нѣчто въ родѣ „*оппозиціи его величества*, подобно англійской парламентской оппозиціи“. „Рус. Стар.“ 1900 г. № 4, стр. 141.

[2]) *(Хрущовъ)*. „Матер. для ист. упразд. крѣп. сост.“ II, 110—113, 179.

[3]) Противъ этого мѣста имп. Александръ II написалъ: „хорошъ софизмъ“.

лучаетъ вѣрныя, правильныя понятія о томъ, что ей надо дѣлать для блага государственнаго... Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько власти, доставляли ей возможность узнать, въ чемъ и какъ эту силу примѣнить" (авторъ умалчиваетъ, что въ составъ земскихъ соборовъ входили представители не одного служилаго, а всѣхъ сословій)... *„Право земли русской"*, продолжаетъ Безобразовъ, *„имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ такъ же, какъ существовало прежде. Отнять его никто не можетъ: оно право первозданное отъ начала бытія народа русскаго"* [1]). Авторъ выражаетъ надежду, что „верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ и съ ними... *вновь воздвигнетъ уроненное своеволіемъ самодержавіе*" (опять восклицательные знаки государя). „Дворянство горячо сочувствуетъ государю, оно доказало готовность свою исполнить волю его". („Хорошо доказало!" написалъ государь противъ этого мѣста). „Но какое же можетъ оно оказать содѣйствіе, когда между нимъ и государемъ сближеніе невозможно? На стражѣ вокругъ престола стоитъ бюрократія въ сообщничествѣ (сознательно и безсознательно) съ такъ называемыми высочайшими повелѣніями... Отнявъ у дворянъ возможность дать труду, на него возложенному, правильное развитіе, стиснувъ этотъ трудъ въ форму совершенно непрактической программы, спеленавъ губернскіе комитеты вліяніемъ членовъ отъ правительства и вмѣшательствомъ власти административной, велемудрые преобразователи порицаютъ теперь трудъ дворянства, обвиняютъ его въ недобросовѣстности и въ намѣреніи уклониться отъ исполненія желанія государя и клеймятъ людей, противопоставляющихъ какую-либо препону революціоннымъ направленіямъ, *пошлыми прозвищами крѣпостниковъ и плантаторовъ*, себя величаютъ именемъ передовыхъ, постигнув-

---

[1]) Все мѣсто, напечатанное курсивомъ, было подчеркнуто государемъ, который поставилъ противъ него три восклицательныхъ знака.

шихъ потребности вѣка“. Въ заключеніе М. А. Безобразовъ говоритъ: „Считая мысль мою полезною, я выразилъ ее, какъ умѣлъ, и желаю, чтобы она дошла до государя. Да убѣдится онъ, что въ рядахъ дворянства бьются сердца, жаждущія пользы отечества и славы престола и не помышляющія о своихъ личныхъ выгодахъ, и что если они желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола, то это для того, чтобы узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага отечества и твердости государства“. Противъ этого заключенія записки государь написалъ: „Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе“. Записку эту государь повелѣлъ обсудить въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, вслѣдствіе заключенія котораго М. А. Безобразовъ былъ временно удаленъ въ свои имѣнія на заводы Пермской губ. съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицу [1]).

Цитаты, приведенныя нами изъ записки Безобразова, достаточно показываютъ, что скрывалось подъ либеральными фразами нѣкоторыхъ дворянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ намъ ненависть къ бюрократіи дворянскихъ публицистовъ въ родѣ Ржевскаго (см. выше его полемику съ Салтыковымъ [2]).

Упомянемъ еще, что на орловскихъ дворянскихъ выборахъ (въ декабрѣ 1859 г.) вліятельную роль игралъ уже извѣстный намъ своимъ письмомъ къ Ростовцеву гр.

---

[1]) Записка Безобразова напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 г., т. III, 601—615 и въ книгѣ *Н. П. Семенова*. „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“. Спб., 1890 г. т. II стр. 940—954. Ср. предположенія о дворянскомъ адресѣ въ томъ же духѣ въ „Матер. для ист. упраздн. крѣп. состоянія“, II, 97—109.

[2]) Н. А. Милютинъ относился къ дворянскимъ притязаніямъ на преобладающее значеніе въ государственномъ строѣ съ особеннымъ раздраженіемъ: „не допуская за дворянствомъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ, онъ энергически возставалъ противъ всякой инціаторской его дѣятельности въ дѣлахъ, касавшихся общихъ нуждъ и интересовъ“. „Рус. Старина“ 1900 г. № 4, стр. 142—143.

Орловъ-Давыдовъ, и особенно во враждебномъ правительству смыслѣ высказался богатый помѣщикъ и заводовладѣлецъ С. Мальцевъ, въ 1858 г. разославшій по губерніи во множествѣ экземпляровъ литографированную записку, въ которой онъ выступалъ ярымъ крѣпостникомъ и требовалъ дворянскаго представительства какъ по крестьянскому, такъ и по другимъ общественнымъ вопросамъ [1]), и Цуриковъ, державшійся прежде либеральнаго образа мыслей, но потомъ высѣченный своими дворовыми людьми и вслѣдствіе этого сдѣлавшійся врагомъ эмансипаціи (впослѣдствіи онъ былъ сотрудникомъ „Вѣсти"). Оба они говорили о необходимости въ Россіи конституціи, составленной, разумѣется, исключительно въ интересахъ дворянства [2]).

Къ сожалѣнію, даже въ нѣкоторыхъ прогрессивныхъ заявленіяхъ представителей дворянства проскальзывали иногда несимпатичные взгляды относительно крестьянскаго вопроса. Такъ, напр., въ адресѣ государю (въ октябрѣ 1859 г.) пяти депутатовъ перваго призыва (Д. Хрущева и А. Шретера), членовъ харьковскаго комитета, А. Унковскаго, предсѣдателя тверского комитета, и Дубровина и Д. Васильева, членовъ ярославскаго комитета) было, между прочимъ, сказано: „Мы убѣдились что *увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею* и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ

---

[1]) Изложеніе ея см. въ книгѣ *А. А. Корнилова.* „Очерки по исторіи общественнаго движенія", Спб. 1905 г., стр. 189—192.

[2]) „Матер. для истор. упраздн. крѣп. права" II, 300, 301, 347, 348. Денъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Нѣкоторые" (значительные помѣщики высшаго круга)... „доказывали, что если государь хочетъ освободить крестьянъ на счетъ дворянъ, то справедливость требуетъ, чтобы и дворянамъ были гарантированы особенныя права конституціею, парламентомъ, т.-е. народнымъ представительствомъ съ палатою господъ. Составленныя нѣкоторыми изъ помѣщиковъ beau-monde'а записки въ этомъ духѣ секретно передавались изъ рукъ въ руки"...— „Въ отчаянныхъ усиліяхъ" (многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ), говоритъ Денъ въ другомъ мѣстѣ, „оправдывать вотчинное право и даже доказывать его пользу проглядывали затаенныя надежды установленія въ Россіи англійскихъ порядковъ съ палатою лордовъ". „Рус. Стар." 1890 г. № 7, стр. 180, 185.

въ большей части губерній, помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ вообще не будетъ улучшенъ“ [1]). А между тѣмъ въ томъ же адресѣ эти 5 депутатовъ просили государя: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа, прочемъ (спѣшили оговориться составители адреса) по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ; 2) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) ввести гласное судопроизводство и 4) расширить свободу слова [2]). Такимъ образомъ въ адресѣ этихъ депутатовъ, наряду съ заявленіемъ различныхъ либеральныхъ пожеланій, не забыты дворянскіе интересы.

Московское дворянство въ адресѣ государю 23 января 1862 г. ходатайствовало: 1) о возможно большемъ расширеніи выборнаго начала въ государственной службѣ и расширеніи мѣстнаго самоуправленія; 2) о введеніи устнаго и гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ; 3) объ „Обязательномъ немедленномъ разверстаніи угодій“ (дворянство при этомъ требовало, чтобы правительство обезпечило уплату оброковъ и выкупа съ гарантіею не 80%, а полной суммы); 4) объ обнародованіи бюджета и 5) о расширеніи свободы печати.

Въ заключеніе своего адреса московское дворянство просило „разрѣшить ему избрать изъ своей среды комиссію для обсужденія главныхъ началъ, долженствующихъ лечь въ основаніе будущаго устава о выборахъ, для пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ и обсужденія

---

[1]) Это заявленіе пяти депутатовъ о предполагаемомъ общемъ „увеличеніи надѣла крестьянъ“ тѣмъ болѣе странно, что, какъ указалъ въ своей книгѣ Хрущевъ, оно совершенно несправедливо. См. „Матер. для ист. упразд. крѣп. права II, 181—185. Подписаніе имъ этого адреса Унковскій считалъ впослѣдствіи ошибкою. См. книгу *Джаншіева*, „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“. М. 1894, стр. 132—134.

[2]) Ibid. II, 173—175, ср. 171, или въ сочиненіи Н. П. Семенова „Освобожд. крест. въ Россіи“, II, 935—937.

вопроса о земскомъ кредитѣ и нуждахъ земства, съ участіемъ въ ея работахъ, такъ какъ вопросы эти касаются всего земства, депутатовъ отъ другихъ сословій", съ тѣмъ, чтобы труды комиссіи были просмотрѣны въ общемъ собраніи призванныхъ изъ губерній *„выборныхъ людей отъ всѣхъ сословій государства въ Москву"* и затѣмъ повергнуты на благоусмотрѣніе государя [1]). Подъ вліяніемъ этихъ событій и въ московской печати высказывается мысль о необходимости созванія выборныхъ. „Современная Лѣтопись" Каткова (1862 г. № 26, стр. 17) утверждала что „въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ", что „центральное представительство, мудро сообразованное съ существующими условіями, есть одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ способовъ группировать силы на общее благо" (Ibid. стр. 18), а въ слѣдующемъ году въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Каткова (1863 г. № 3, стр. 498—500) предлагалось созваніе земскаго собора, какъ необходимая для блага страны „организація общественнаго мнѣнія".

Но въ московскомъ дворянствѣ была партія, протестовавшая противъ привлеченія къ этому дѣлу всѣхъ сословій. Во главѣ ея стоялъ Н. Безобразовъ, авторъ разныхъ крѣпостническихъ брошюръ по крестьянскому вопросу, напечатанныхъ за границею. По свидѣтельству очевидца, въ собраніи московскаго дворянства 23 января 1862 г.,

---

[1]) *Савва,* Архіеп. тверской, „Хроника моей жизни", т. III, 1901 г., стр. 224—225. Тверское дворянство въ адресѣ государю 3 февраля 1862 г. высказало, что „собраніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 февраля. А. И. Кошелевъ еще въ маѣ 1855 г. въ запискѣ, отправленной имъ имп. Александру II, предлагалъ для устраненія финансовыхъ затрудненій, созвать въ Москву выборныхъ отъ всей земли русской. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ получилъ извѣщеніе чрезъ становаго пристава, что его записка препровождена по принадлежности къ министру финансовъ. *Колюпановъ.* „Біографія А. И. Кошелева", т. II, М. 1892 г., стр. 230—232.

Н. Безобразовъ возсталъ „противъ необходимости сліянія сословій“ и, „отвергая всякую идею о представительствѣ, какъ противоположную нашей правительственной системѣ, находилъ что дворянство, въ настоящемъ своемъ положеніи соединяющее въ себѣ всѣ элементы государственной жизни, одно можетъ быть призвано къ предположеннымъ совѣщаніямъ“.

Принявъ во вниманіе приведенные факты, будетъ вполнѣ ясно, почему Салтыковъ нашелъ нужнымъ въ 1862 г. сдѣлать нѣсколько энергическихъ вылазокъ противъ помѣщичьяго либерализма и въ какого рода либераловъ были направлены его стрѣлы. Въ очеркѣ „Къ читателю“, составляющемъ введеніе къ „Сатирамъ въ прозѣ“ и напечатанномъ во 2 № „Современника“ за 1862 г., авторъ такъ описываетъ либеральный разговоръ въ вагонѣ.

„Женоподобный, укутанный пледами господинъ какъ дважды два четыре доказываемъ сидящему съ нимъ рядомъ путешественнику французу, что мы отупѣли, и что причину этого отупѣнія слѣдуетъ искать въ непомѣрномъ преобладаніи бюрократіи и въ несносной страсти къ регламентаціи.

— Vous croyez donc si l'on donnait plus d'essort á la libre initiative des pomeschiks? — спрашиваетъ французъ, который желаетъ показать, что онъ отлично хорошо умѣетъ все понимать á demi-mots.

— Voila, отвѣчаетъ женоподобный господинъ.

— Monsieur est donc pour le systéme du selfgovernement?—продолжаетъ французъ.

— Voila!—отвѣчаетъ женоподобный господинъ и горделиво оглядываетъ нищихъ духомъ, сидящихъ въ отдѣленіи вагона.

А нищіе духомъ разѣваютъ рты отъ умиленія и начинаютъ подозрѣвать, что между ними сидитъ, по малой мѣрѣ, самъ знаменитый публицистъ и защитникъ свободы Ржевскій, путешествующій инкогнито въ скромномъ образѣ господина Юматова [1]) (Юпитеръ въ образѣ лебедя).

Вы, конечно, не раздѣляете мнѣнія нищихъ духомъ, быть можетъ, вы даже находите, что идея о помѣщичьемъ selfgovernement вовсе не такъ смѣла и нова, какъ кажется съ перваго взгляда, ибо она достаточно проявила свои достоинства въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Но благодушіе при пособіи сравнительнаго метода и нѣкоторыхъ

---

[1]) Послѣдній издавалъ вмѣстѣ со Скарятинымъ извѣстную реакціонную газету „Вѣсть“.

историческихъ воспоминаній... беретъ верхъ надъ всѣми соображеніями. Вы не слыхали до сихъ поръ, чтобы слово „selfgovernement“ произносилось гдѣ-нибудь внѣ вашего кружка; и вдругъ оно произносится громогласно, и гдѣ-же? въ вагонѣ!.. Васъ это трогаетъ; въ порывѣ умиленія вы не замѣчаете, что, въ сущности, васъ поражаетъ не дѣло, а только звукъ“.

Но автора эти рѣчи не подкупаютъ, и онъ старается предостеречь и читателя отъ увлеченія тѣмъ, чѣмъ увлекаться вовсе не надлежитъ. „Вы поразмыслите хорошенько“, говоритъ онъ, „да подивитесь природѣ матери, которая допускаетъ, что въ одной и той-же головѣ помѣщаются рядомъ такія понятія, какъ selfgovernement и la libre initiative des pomeschiks!“

Авторъ прекрасно понимаетъ, что „между либеральнымъ враньемъ и либеральнымъ дѣломъ лежитъ цѣлая пропасть“, онъ даже находитъ, что „безсмысленныя фіоритуры либерализма... мѣшаютъ разслушать простой и честный мотивъ его“. „Мы, люди меньшинства“, продолжаетъ Салтыковъ, „которые, съ такою сердечною тревогой внимали либеральнымъ упражненіямъ ревнителей тьмы, мы, которые сгоряча повѣрили, что каменоломни раскаиваются и изъявляютъ искреннее желаніе сдѣлаться цвѣтущими и благоухающими садами... мы убѣдились, наконецъ, что не отъ гробовъ повапленныхъ предстоитъ ждать слова жизни, что не на нихъ должны покоиться наши упованія“ (Соч. II, 5—9, 12—13, 15—17) [2]).

Только что указанное стремленіе извѣстной части дворянства было отмѣчено въ печати и нѣкоторыми другими современниками, какъ, напр., Хрущевымъ, составителемъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ“, а также Кавелинымъ въ

---

[2]) Въ этомъ очеркѣ Салтыковъ могъ и прямо имѣть въ виду московскихъ ораторовъ въ родѣ Безобразова, такъ какъ февральская книга „Современника“, гдѣ напечатанъ этотъ очеркъ, вышла только въ мартѣ (цензурное дозволеніе дано 9 марта). Въ „Современникѣ“. 1863 г. 94, стр. 142—146 напечатана рецензія Салтыкова на одну брошюру Н. Безобразова.

изданной имъ въ 1862 г. (анонимно) брошюрѣ: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, въ которой онъ, между прочимъ, говоритъ: „Дворянство на первое заявленіе правительства о прекращеніи крѣпостного права отозвалось пассивнымъ отрицаніемъ, потомъ, когда увидѣло, что дѣло не останавливается на однихъ заявленіяхъ, пустилось спекулировать на освобожденіе и стало выводить баснословныя суммы, за которыя соглашалось разстаться съ этой печальной привилегіей [1]), когда же и это не удалось, оно пробовало запугать правительство угрозами народныхъ бунтовъ и дворянской конституціи“ (стр. 35—36). Герценъ, вспоминая въ одной изъ своихъ статей объ этомъ времени, говоритъ: „Крѣпостники прикидывались конституціонными либералами“ [2]).

Салтыковъ всею силою своей сатиры преслѣдовалъ узкодворянскія притязанія; но нужно замѣтить, что и къ ходатайствамъ дворянства о созданіи всесословной думы приходится иногда отнестись съ недовѣріемъ, если принять во вниманіе, что за личности являлись иной разъ иниціаторами такихъ ходатайствъ и какіе взгляды проскальзывали при ихъ формулировкѣ. Такъ, напр., мало добраго можно было ожидать отъ иниціативы въ этомъ направленіи въ губернскомъ собраніи с.-петербургскаго дворянства А. П. Платонова, царскосельскаго уѣзднаго предводителя дворянства, извѣстнаго крѣпостника, который даже въ губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу остался одинъ при

---

[1]) О томъ, что *большинство* дворянства или вовсе не сочувствовало освобожденію крестьянъ, или соглашалось лишь на безземельное освобожденіе, свидѣтельствуетъ и министръ внутр. дѣлъ Ланской въ извѣстной запискѣ (1859 г.), представленной государю, но въ то же время онъ говоритъ, что „въ мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ комитетовъ нельзя не признать зрѣлости образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ“. *Семеновъ* 1, 829—831.

[2]) Гр. Дм. Андр. Толстой, враждебно относившійся къ крестьянской реформѣ, 3 марта 1861 г., когда уже было извѣстно, что крестьянское Положеніе подписано 19 февраля, но оно еще не было обнародовано, сказалъ, что чрезъ 5 лѣтъ въ Россіи будетъ представительное правленіе. „Рус. Арх.“ 1897 г. № 1, стр. 46.

особомъ мнѣніи крѣпостническаго направленія. Въ запискѣ, прочитанной 18 марта 1863 г. въ губернскомъ собраніи петербургскаго дворянства, указывая на „необходимость расширенія самоуправленія земства“ [1]), Платоновъ говоритъ: „Только само земство можетъ вѣрно и съ точностью опредѣлить свои труды и указать правительству надлежащій способъ удовлетворять онымъ... Чтобы однако изъ той огромной массы свѣдѣній, которыя будутъ заявлены земскими людьми, правительство могло извлечь общее начало органическихъ законовъ, обязательныхъ для всего государства, ему необходимо собрать всѣхъ этихъ людей вмѣстѣ и со всѣмъ терпѣніемъ и всевозможною благосклонностью выслушивать ихъ правдивый и заслуживающій полнаго довѣрія голосъ. Этимъ путемъ можетъ быть установленъ твердый, незыблемый порядокъ для блага всего земства и силы самого правительства“. Въ виду заявленныхъ правительствомъ предположеній о введеніи „земско-хозяйственныхъ учрежденій“ и „о коренномъ измѣненіи существующаго судоустройства и судопроизводства“, Платоновъ предлагалъ петербургскому дворянству всеподданнѣйше ходатайствовать „о благосклонномъ допущеніи народнаго участія въ тѣхъ законодательныхъ мѣрахъ, которыя нынѣ разсматриваются и обсуждаются въ государственномъ совѣтѣ. Призывъ выборныхъ отъ всего земства“, говоритъ въ заключеніе Платоновъ, „*выборныхъ для спроса*“ о мѣстныхъ нуждахъ и народныхъ потребностяхъ съ правомъ совѣщанія и выраженія мнѣнія о степени благотворности предполагаемыхъ узаконеній будетъ служить ручательствомъ довѣрія каждаго гражданина къ силѣ и непоколебимости законовъ, глубокаго къ нимъ уваженія всего народа“.

Въ этой формѣ предложеніе Платонова могло бы возбуждать опасеніе противниковъ дворянскихъ притязаній только развѣ по имени его иниціатора, согласно извѣстному выраженію: „Timeo Danaos et dona ferentes“ (опасаюсь Данайцевъ и тогда, когда они несутъ дары). Но есть другая

[1]) Напомнимъ, что это было до введенія земскихъ учрежденій.

редакція той-же записки, которая была прочитана въ собраніи петербургскаго дворянства въ 1862 г. и въ которой намѣренія автора проглядываютъ нѣсколько яснѣе. И въ этой редакціи авторъ считаетъ необходимымъ „учрежденіе общаго въ имперіи народнаго представительства, т.-е. соединеніе въ одну государственную земскую думу представителей или выборныхъ отъ всѣхъ частей государства, какъ для представленія верховному правительству нуждъ народныхъ, такъ и для совокупнаго обсужденія изготовляемыхъ законоположеній и важныхъ мѣръ правительственныхъ прежде утвержденія ихъ верховною властью". Но вотъ какъ онъ разъясняетъ далѣе свои предположенія: „Народное представительство должно быть устроено такъ, чтобы граждане просвѣщенные имѣли *соразмѣрное своему числу преимущество голоса передъ тѣми изъ гражданъ низшихъ состояній, которыхъ образованность не достигла еще равной степени развитія*"... „Для твердости государства", продолжаетъ Платоновъ, „различіе правъ гражданъ, т.-е. раздѣленіе народа на состоянія, необходимо въ Россіи; при этомъ *удержаніе нѣкоторыхъ правъ наслѣдственныхъ* можетъ равномѣрно быть существенно полезнымъ, потому что юноша, рожденный отъ просвѣщенныхъ родителей, ихъ попеченіями, совѣтами, назиданіями и примѣромъ, уже съ самаго младенчества усвоиваетъ себѣ образованіе, развиваетъ и совершенствуетъ свои способности и нравственное состояніе съ большимъ успѣхомъ, нежели юноша, который происходитъ отъ родителей грубыхъ и необразованныхъ". Если принять во вниманіе эти разъясненія, то подъ либеральнымъ требованіемъ созыва общей государственной земской думы можно будетъ увидѣть опасеніе, что введеніе народнаго представительства причинитъ ущербъ наслѣдственнымъ правамъ дворянства. Авторъ очевидно надѣялся, что дѣятельности земской думы, созванной по его рецепту, т.-е. съ преобладаніемъ по числу голосовъ „гражданъ просвѣщенныхъ", (дворянства) надъ „гражданами низшихъ состояній", можно будетъ дать выгодное для дворянства направленіе.

Впрочемъ предположеніе Платонова о всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ относительно созванія „выборныхъ отъ всего земства“ не осуществилось. Петербургское губернское собраніе дворянства, выслушавъ его записку, постановило: „Выражая полное сочувствіе основнымъ мыслямъ, заключающимся въ запискѣ А. П. Платонова [1], дворянство опредѣляетъ: отъ ходатайства о допущеніи совѣщательнаго участія земства въ законодательныхъ мѣрахъ воздержаться при нынѣшнемъ съѣздѣ, такъ какъ дворянство, имѣя въ виду Высочайшее повеленіе, объявленное г. министромъ внутреннихъ дѣлъ (отношеніемъ отъ 1 марта 1862 г.) г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, вполнѣ надѣется, что само правительство озаботится о своевременномъ принятіи тѣхъ мѣръ, которыя удовлетворили бы всеобщему желанію и упрочили благо народа и могущество государства“.

Но если дворянскія притязанія до поры до времени и не осуществлялись, то все-таки они высказывались достаточно громко, и потому нашъ сатирикъ, со свойственною ему проницательностью, находилъ нужнымъ выводить ихъ на свѣжую воду. Такъ, въ разсказѣ „На зарѣ ты ее не буди“, напечанномъ въ „Современникѣ“ (1864 г., № 3), авторъ представляетъ толки кружка дворянъ. Одинъ изъ нихъ, Цанарцтъ, указываетъ на первостепенную важность для дворянства пропинаціоннаго права, т.-е. связаннаго съ землевладѣніемъ исключительнаго права продажи спиртныхъ напитковъ. Рѣчь эта не встрѣчаетъ особеннаго сочувствія, такъ какъ капиталовъ ни у кого, кромѣ Цанарцта, не оказывается, и другой ораторъ, не отвергая важности пропинаціоннаго права, указываетъ на „нѣчто другое, на

---

[1]) Въ собраніи петербургскаго дворянства 1863 г. читалась первая записка Платонова, имѣющаяся у менн въ копіи. Копія первоначальной записки (1862 г.) хранится въ отд. рукоп. Публич. Библ. F. II. № 192, т. VI, л. 21—33 (она была напечатана за границею Блюммеромъ въ „Свободномъ Словѣ“ 1862 г. № 3 съ небольшими варіантами). О Платоновѣ ср. „Матер. для истор. упраздн. крѣп. права“ II, 316—324, III, 122.

что преимущественно должны быть устремлены взоры“ дворянства: „это нѣчто, эта драгоцѣнная панацея, отъ которой мы должны ожидать уврачеванія всѣхъ золъ.., есть selfgouvernement въ томъ благонадежномъ смыслѣ, въ которомъ его понимаютъ лучшіе люди либерально-консервативной партіи“ (Соч. III, 215). Мы видѣли, что и Платоновъ указывалъ на необходимость расширенія самоуправленія, но не иначе, какъ при извѣстномъ преобладаніи дворянства, и гр. Орловъ-Давыдовъ толковалъ о selfgovernement'ѣ.

Подобныя вылазки Салтыкова противъ притязаній извѣстной части дворянства были тѣмъ полезнѣе, что послѣднія продолжали проявляться въ извѣстныхъ случаяхъ. Снова обнаружились они въ началѣ 1865 г. въ московскомъ дворянскомъ собраніи. Когда дворянство подольскаго уѣзда внесло 9 января 1865 г. предложеніе о подачѣ всеподданнѣйшаго прошенія относительно созыва выборныхъ *отъ всѣхъ сословій*, то Безобразовъ (Николай?) внесъ на слѣдующій день другое предложеніе — о созывѣ въ одной изъ столицъ по два выборныхъ *отъ дворянства* каждой губерніи. Примирителемъ двухъ направленій желалъ явиться гр. Орловъ-Давыдовъ. Онъ выразилъ увѣренность, что когда „земскія учрежденія, которыя только что вводятся, постепенно и повсюду разовьются, отдѣльныя земскія собранія почувствуютъ необходимо нужду въ одномъ центрѣ. Этотъ центръ или соборъ непремѣнно состоится; но если онъ будетъ одинъ, если не будетъ другого собранія, которое могло бы служить ему перевѣсомъ, тогда“, по мнѣнію гр. Орлова-Давыдова, „*въ этомъ центрѣ или соборѣ будетъ вываренъ такой чистый демократическій спиртъ*, что онъ загорится отъ одного соприкосновенія съ чистымъ воздухомъ. Элементы перевѣса существуютъ у насъ въ Россіи, и это тѣ именно, которые указаны въ проектѣ г. Безобразова“. Такимъ образомъ гр. Орловъ-Давыдовъ, какъ это было и естественно при его англоманскихъ взглядахъ, явился защитникомъ системы двухъ палатъ при

созывѣ земскаго собора съ тѣмъ, чтобы верхнюю палату составляли дворяне [1]).

Въ адресѣ принятомъ большинствотъ дворянства [2]), оно просило о созваніи „общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской—для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству“, просило разрѣшенія съ этою же цѣлью избрать лучшихъ людей и изъ среды дворянства [3]). Но всѣ постановленія этого дворянскаго собранія были признаны правительствомъ недѣйствительными вслѣдствіе несоблюденія правилъ, установленныхъ относительно дворянскихъ выборовъ. Адресъ московскаго дворянства вызвалъ рескриптъ государя министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ было сказано, что „ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій“ и „предрѣшать вопросы о существенныхъ основахъ общихъ государственныхъ учрежденій“ Россіи. Нельзя было не обратить вниманія на слѣдующія слова въ томъ же рескриптѣ: „Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго“ [4]).

Наконецъ въ мартѣ 1866 г. князь Щербатовъ въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи проектировалъ адресъ о допущеніи депутатовъ отъ дворянства въ государственный совѣтъ съ правомъ голоса [5]). Ходатайство это не состоялось вслѣдствіе вмѣшательства администраціи.

---

[1]) Это послѣднее видно изъ заключительныхъ словъ рѣчи Орлова-Давыдова: „При избираемыхъ отъ всего земства представителяхъ необходимъ другой элементъ, необходимо содѣйствіе людей, которые, по независимости своего положенія, по здравому пониманію общественныхъ нуждъ, по *потомственному* и собственному интересу въ общественномъ благоустройствѣ, тверды стойкостью своихъ правилъ“ (*сильное и продолжительное одобреніе*). „Вѣсть“ 1865 г. № 4.

[2]) 270-ю голосами противъ 36. „Моск. Вѣд.“ 1865 г. № 13.

[3]) „Вѣсть“ 1865 г. № 4.

[4]) Никитенко, т. II, 279.

[5]) „Сѣверная Почта“ 1865 г. №24. Въ томъ же году въ „Сѣверной Почтѣ“ земскія учрежденія были названы школою представительныхъ учрежденій. Въ 1863 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ предлагалъ включеніе выбранныхъ земскими учрежденіями представителей въ составъ государственнаго совѣта. (Фальборкъ и Чарнолускій. „Націонал.

Салтыковъ и позднѣе подтрунивалъ надъ мечтаніями о дворянской конституціи въ духѣ Н. Безобразова. Такъ въ очеркѣ „Культурная тоска“ („Отеч. Зап.“ 1876 г. № 1) герой разсказа не знаетъ, чего ему хочется: „не то конституцій, не то севрюжины съ хрѣномъ, не то кого-нибудь ободрать“; особенно его смущаетъ вопросъ, „будетъ ли при конституціяхъ казначей“, такъ какъ „чорта ли въ конституціяхъ, ежели при нихъ должности казначея не полагается!“ (IV, 571—574). Съ этого времени конституціонныя притязанія дворянства въ исключительно сословномъ духѣ и получили въ болѣе демократическихъ кругахъ названіе „севрюжной конституціи“.

Возвращаемся къ изображенію крѣпостного права и роли дворянъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ произведеніяхъ нашего знаменитаго сатирика.

IV.

Мы познакомились уже съ отношеніемъ Салтыкова къ крѣпостному праву и крестьянскому вопросу во второй половинѣ 1850-хъ и началѣ 60-хъ годовъ: въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, начиная съ 1866 г., нашъ сатирикъ, если не считать „Пошехонской старины“, о которой мы будемъ говорить особо, не даетъ цѣльныхъ картинъ

собр.“, стр. 9—10), а въ 1865 г. вел. кн. Константинъ Николаевичъ совѣтовалъ вызвать въ государственный совѣтъ выборныхъ, уполномоченныхъ отъ губерній для изложенія народныхъ нуждъ. Но предложенія эти не были приняты государемъ (*Татищевъ* „Императоръ Александръ II“, т. II, стр. 622). Открывая въ сентябрѣ 1864 г. финляндскій сеймъ, Александръ II сказалъ: „Вамъ предстоитъ доказать, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго трудиться въ согласіи съ государемъ..., либеральныя учрежденія не только не опасны, но дѣлаются залогомъ порядка и благоденствія“. (*Мехелинъ* „Конституція Финляндіи“. Спб., 1888, стр. 32). Но когда въ 1870 г. остзейскіе дворяне подали государю адресъ о дарованіи ихъ ландтагу такихъ же правъ, какія дарованы финляндскому сейму, имп. Александръ отклонилъ это ходатайство и выразилъ свое неудовольствіе. *Никитенко*. II, 402.

быта крѣпостныхъ, но онъ сплошь и рядомъ затрогиваетъ крѣпостное право. Въ разсказѣ „Хищники", вошедшемъ въ составъ „Признаковъ времени", онъ говоритъ: „Я слишкомъ близко видѣлъ крѣпостное право, чтобы имѣть возможность забыть его. Картины того времени до того присущи моему воображенію, что я не могу скрыться отъ нихъ никуда. Я видѣлъ разумныя существа, которыя, зная, что въ данную минуту ихъ ожидаетъ истязаніе или позоръ, шли *сами*, шли *собственными ногами*, чтобы получить это истязаніе или позоръ... Въ этомъ царствѣ испуга... нѣтъ ни одной подробности, которая въ свое время не причинила бы мнѣ боли" (II, 298). Въ „Мелочахъ жизни" Салтыковъ сжато указываетъ на всѣ стороны крѣпостного права. „Самые разнообразные виды рабской купли и продажи существовали тогда. Людей продавали и дарили, и цѣлыми деревнями, и по одиночкѣ; отдавали въ услуженіе друзьямъ и знакомымъ; законтрактовывали партіями на фабрики, заводы, въ судовую работу (бурлачество), торговали рекрутскими квитанціями и пр. Въ особенности жестоко было крѣпостное право относительно дворовыхъ людей: даже волосы крѣпостныхъ дѣвокъ эксплуатировали, продавая ихъ косы парикмахерамъ. Хотя законъ, изданный, впрочемъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи (1833 г.), и воспрещалъ продажу людей въ одиночку, но находили средства обходить его. Не дозволяли дворовымъ вступать въ браки и продавали мущинъ (особенно поваровъ, кучеровъ, выѣздныхъ лакеевъ и вообще людей, обученныхъ какому-нибудь ремеслу) по одиночкѣ, съ придачею стариковъ, отца и матери, — это называлось: продажей цѣлымъ семействомъ; выдавали дѣвокъ замужъ въ чужія вотчины, — это называлось: продать дѣвку на выводъ". Рекрутчина, благодаря дозволенію торговать рекрутскими квитанціями, составляла „серьезную статью дохода". Законъ о трехдневной барщинѣ исполнялся рѣдко. „И было время", продолжаетъ авторъ, „когда всѣ эти ужасающія картины никого не приводили въ удивленіе, никого не пугали. Это были „мелочи", обыкновенный жизненный обиходъ, и ни-

чего больше, а тѣ, которыхъ онѣ возмущали, считались подрывателями основъ, потрясателями законнаго порядка вещей". Если же правительство обращало вниманіе на злоупотребленіе помѣщичьею властью, то мѣстные дворяне старались всячески обѣлить своихъ собратьевъ (VIII, 325—327).

Эта общая картина дополняется отдѣльными штрихами въ разныхъ произведеніяхъ Салтыкова. Оказывается, что барщина доходила иногда до 6 дней въ недѣлю, а не то помѣщикъ обращалъ всѣхъ крестьянъ въ дворовыхъ (такъ называемыхъ „мѣсячниковъ"). Были помѣщики и помѣщицы, у которыхъ торговля „мужикомъ" являлась „сложною и замысловатою операціею": они вымѣнивали, покупали, продавали, сдавали въ солдаты, заставляли мужиковъ за хорошую плату откупаться на волю или принуждали откупаться отъ солдатчины, отъ барщины, отъ службы въ должности бурмистра. Практиковались всевозможные способы эксплуатаціи мужика; бывали даже случаи взысканія двойного оброка, подъ предлогомъ его неполученія, или отниманія у крѣпостныхъ избы и скота (IV, 191—194). То, что дешево доставалось, легко и растрачивалось: доходило до того, что проигрывали деревню въ плевки или дарили нѣсколько десятковъ дворовъ „заѣзжему человѣку", да еще не подъ рядъ, а черезъ дворъ, такъ что выходила неслыханнѣйшая черезполосица (IV, 278, 304). Крѣпостныхъ „сѣкли и истязали, и вслѣдъ за тѣмъ заставляли цѣловать истязающую руку". Это называлось „благодарить за науку". Благодарящій обязывался имѣть видъ бодрый и напредки готовый, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ возбудить вопросъ: „эге, братъ! да ты, кажется, недоволенъ!" Опаснѣе этого вопроса ничего не могло предстоять, ибо съ той минуты, какъ онъ возникалъ, обвиняемый навсегда поступалъ въ разрядъ „нераскаянныхъ и неисправимыхъ",—а нераскаянность и неисправимость доводили до ссылки въ Сибирь по волѣ помѣщика или до отдачи въ солдаты. Число нераскаянныхъ особенно увеличилось въ самые послѣдніе моменты существованія

крѣпостного права, и ихъ „толпами приводили въ губернскія правленія“ (для ссылки въ Сибирь) „и въ рекрутскія присутствія“. Помѣщики, особенно изобрѣтательные насчетъ наказанія, приказывали сѣчь бабъ ихъ собственнымъ мужьямъ. Когда же такимъ образомъ одна женщина была засѣчена, то въ Сибирь пришлось идти не помѣщику, а засѣкшему по его приказанію свою жену мужику (II, 305—306, 383). Нѣкоторые энергическіе помѣщики такъ запугивали уѣздную полицію, что она не смѣла носа показать въ ихъ имѣнія, и всѣ подвиги подобныхъ личностей оставались безнаказанными (III, 209—210). Случалось впрочемъ, что администрація отдавала въ опеку имѣніе за злоупотребленіе его владѣльцемъ своею властью или, несмотря на „привычку“ крестьянъ къ помѣщичьимъ безобразіямъ, они начинали волноваться, за чѣмъ слѣдовала, разумѣется, жестокая экзекуція при содѣйствіи мѣстныхъ властей.

Правдивость этихъ показаній Салтыкова относительно крѣпостного права не требуетъ доказательствъ: большинство указываемыхъ явленій извѣстно частью еще по преданію, частью изъ печатныхъ мемуаровъ и научныхъ изслѣдованій [1]). Замѣтимъ только, что даже такіе факты, которые могутъ показаться преувеличеніемъ, подтверждаются источниками. Такъ, напр., указанія на продажу косъ крѣпостныхъ дѣвушекъ нѣкоторыми изобрѣтательными помѣщицами мы встрѣтили въ неизданной запискѣ по крестьянскому вопросу декабриста М. А. Фонъ-Визина (1842 г.) [2]). Отнятіе помѣщикомъ въ свою пользу избы и движимости крѣпостного употреблялось въ видѣ наказанія въ нѣкото-

---

[1]) О положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ первой половинѣ XIX вѣка см. въ моей статьѣ „Крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII и первой половины XIX вѣка“ въ сборникѣ „Крестьянскій строй“, изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб. 1905 г., т. I, стр. 184—208, 288—295 и въ книгѣ *И. И. Игнатовичъ* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“ 1902 г.

[2]) См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“, т. II, 84.

рыхъ вотчинахъ, какъ это видно изъ записокъ А. В. Никитенко [1]): такой карѣ подвергся его отецъ, крѣпостной гр. Шереметева. Наказаніе крѣпостныхъ за засѣченіе своихъ собратьевъ по волѣ помѣщика также встрѣчалось нами въ архивныхъ дѣлахъ Екатерининской эпохи. Увеличеніе случаевъ перевода крестьянъ въ батраки (такъ называемые „мѣсячники") подтверждается свидѣтельствомъ Ю. Ѳ. Самарина.

Салтыковъ рисуетъ, впрочемъ, не только такихъ помѣщиковъ, которые разоряли своихъ крестьянъ. Въ „Современной идилліи", въ лицѣ князя Рукосуй-Пошехонскаго, онъ представилъ намъ „патріархальнаго помѣщика, который ревниво слѣдилъ за каждымъ крестьянскимъ дворомъ, входилъ въ мельчайшія подробности мужицкаго хозяйства, любя наказывалъ и любя поощрялъ и во всѣхъ случаяхъ стоялъ за своихъ крестьянъ горой, настойчиво защищая ихъ противъ притязаній и наѣздовъ мѣстныхъ властей. Онъ не позволялъ себѣ ни одного изъ тѣхъ общедоступныхъ безчеловѣчій, которыми до краевъ было преисполнено крѣпостное право, и любилъ, чтобы на крестьянъ его указывали, какъ на образцовыхъ, а на его личное управленіе, какъ на примѣръ разумной попечительности, „впрочемъ безъ послабленій". Но если экономическое положеніе крестьянъ этого помѣщика и представлялось блестящимъ, то мы полагаемъ, что ихъ умственное развитіе, благодаря постоянной помѣщичьей опекѣ и стѣсненію отхожихъ промысловъ, оставляло желать многаго: не даромъ сосѣди называли ихъ „идолами" (VII, 204 — 207). Это напоминаетъ намъ любопытный разсказъ г. Рѣшетова [2]) о помѣщикѣ, который, обращеніемъ своихъ крестьянъ въ дворовыхъ и воспрещеніемъ имъ выходить изъ своей деревни, довелъ ихъ до совершеннаго отупѣнія.

Помѣщики, въ родѣ кн. Рукосуй-Пошехонскаго, были убѣждены въ непререкаемости своихъ правъ относительно

[1]) „Моя повѣсть о самомъ себѣ" I, 24.
[2]) См. „Русскій Архивъ" 1885 г. т. III, стр. 278—282.

крестьянъ; пришедшихъ же къ сознанію омерзительности крѣпостного права было, по словамъ нашего сатирика, ничтожное меньшинство. „Вопросы о нравственности или безнравственности извѣстнаго жизненнаго строя“, говоритъ Салтыковъ, „суть вопросы высшаго порядка, которые и натурамъ свойственны высшимъ. Только абсолютно чистыя и высоконравственныя личности могли въ пылу „пользованія“ волноваться такими вопросами и разрѣшать ихъ радикально. Средній же культурный человѣкъ, даже въ томъ случаѣ, если чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ, считалъ дѣло удовлетворительно разрѣшеннымъ, если ему удавалось въ свои отношенія къ подневольнымъ людямъ ввести, такъ называемый, патріархальный элементъ и за это заслужить кличку добраго барина“. Даже нѣкоторые изъ слушателей Грановскаго и поклонниковъ Бѣлинскаго, несмотря на вызываемый этими учителями тогдашняго молодого поколѣнія восторгъ и умиленіе, готовы были продавать своихъ крѣпостныхъ въ розницу (IV, 532, 561—562). Если такимъ образомъ даже болѣе образованное меньшинство оказывалось повиннымъ въ такомъ „жизненномъ двоегласіи“, то масса помѣщиковъ коснѣла въ своемъ крѣпостничествѣ до послѣдняго дня существованія крѣпостного права. Нѣкоторые, болѣе ловкіе, представители этой массы умѣли найтись даже при появленіи слуховъ о грядущемъ освобожденіи. Въ „Мелочахъ жизни“ авторъ, по собственнымъ воспоминаніямъ, разсказываетъ такой случай, бывшій предъ самымъ уничтоженіемъ крѣпостного права въ „одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ губерній“, гдѣ служилъ Салтыковъ. Нѣкоторые помѣщики вступили съ купцомъ, владѣльцемъ громадной фабрики, въ сдѣлку, по которой крестьянамъ и дворовымъ, тайно отъ нихъ, давалась „вольная“ и затѣмъ, тоже безъ ихъ вѣдома, отъ имени каждаго, въ качествѣ уже вольноотпущеннаго, заключался долгосрочный договоръ съ фабрикантомъ. И вольная, и контракты отданы были на руки фабриканту. Для помѣщиковъ такая операція была очень выгодна; они получали за крестьянъ хорошія деньги и кромѣ того сохра-

няли за собою ихъ прежніе надѣлы; фабрикантъ же надолго обезпечивалъ себя дешевой рабочей силой [1]). Но когда объявлена была девятая народная перепись и фабричное начальство погнало закабаленныхъ приписываться въ мѣщане, они явились цѣлой толпой въ губернскій городъ съ жалобами, что наканунѣ освобожденія ихъ сдѣлали вольными, помимо ихъ желанія, и началось слѣдствіе (VIII, 327—329).

Далеко не всѣ, однако, съумѣли использовать съ выгодою для себя слухи объ освобожденіи: на многихъ помѣщиковъ, какъ мы видѣли это и изъ произведеній Салтыкова предшествующей эпохи, вѣсти объ эмансипаціи подѣйствовали просто ошеломляющимъ образомъ. „Сначала простые слухи, потомъ дворянскія собранія съ ихъ адресами, потомъ губернскіе комитеты, потомъ редакціонныя коммиссіи, — все это изнуряло, поселяло смуту“. Многихъ особенно смущалъ вопросъ о томъ, въ какія отношенія придется стать съ прислугой (V, 44—46, 362—365).

Рисуя всю неподготовленность массы помѣщиковъ къ рѣшенію крестьянскаго вопроса, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на тѣ вліянія, которыя на его памяти содѣйствовали проникновенію въ извѣстную часть общества освободительныхъ идей. Въ очеркѣ „Дворянскія мелодіи“ Салтыковъ упоминаетъ о западныхъ вліяніяхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда молодые дворяне, „исполненные юношеской силы, обезпеченные“, не безъ пользы для ума и сердца исколесившіе всю Европу, не могли не почувствовать себя умиленными зрѣлищемъ общихъ симпатій къ угнетеннымъ и обдѣленнымъ, которыми обуревались тогда лучшіе умы Запада и въ особенности Франціи“... (III, 566; срав. IV, 274—275). Къ вліяніямъ западной жизни присоединились и освободительныя вліянія русской литера-

---

[1]) Такая продажа крестьянъ на фабрику Хлудовыхъ была совершена въ 1857 г. въ Рязанской губ. десятью помѣщиками. *Повалишинъ.* „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные“. Ряз. 1903 г., стр. 173—174.

туры. „Я помню „Деревню", помню „Антона Горемыку" [1]), говоритъ Салтыковъ, „помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія, человѣчныя слезы, и, съ легкой руки Григоровича, мысль о томъ, что существуетъ мужикъ—человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ. А съ половины 50-хъ годовъ эта мысль сдѣлалась уже господствующею въ русской жизни" („Круглый годъ", VIII, 289—290). Вліянія литературы и освободительныя теченія въ наиболѣе интеллигентныхъ кружкахъ начали постепенно сказываться и въ массѣ общества [2]). „Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ", говоритъ Салтыковъ въ другомъ произведеніи, „потомки лейбъ-компанцевъ начали задумываться. Крѣпостное право еще было въ самомъ разгарѣ, но въ самой совѣсти счастливыхъ дружинниковъ произошло раздвоеніе". Молодые дружинники не имѣли „ни прежней цѣльности міросозерцанія, ни прежней вѣры въ крѣпостное право и его творческія силы. Это были люди колеблющіеся, не чуждые зачатковъ пробуждающейся совѣсти, но больше всего чистоплотные... Натворивъ тьму тьмущую несообразностей, то умывая руки и доказывая свою непричастность къ крѣпостному строю, то цѣпляясь за него", они въ одно прекрасное утро, какъ тати, исчезли изъ насиженныхъ предками гнѣздъ, предоставивъ довѣреннымъ Финагеичамъ и Прохорычамъ продолжать исконное трезвенное пошехонское „дѣло", а плоды его высылать имъ по мѣсту жительства". („Пошехонскіе разсказы", соч. VII, 457—458). Такой со-

---

1) Извѣстныя повѣсти Д. В. Григоровича, напечатанныя — первая въ „Отечеств. Запискахъ" 1846 г. № 12, вторая въ „Современникѣ" 1847 г. № 11.

2) См. объ этомъ подробно въ моемъ сочиненіи „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в." Спб. 1888 г. т. II, и въ моей статьѣ въ сборникѣ „Крестьянскій строй", т. I, 1905 г.

вѣстливости оказывалось недостаточно для правильнаго отношенія къ крестьянскому вопросу, и потому немудрено, что во время обсужденія крестьянской реформы представители той части дворянства, которая допускала освобожденіе, по словамъ Салтыкова, утверждали, что „истинная свобода должна быть ограничена: въ настоящемъ уплатой оброковъ, а въ будущемъ взносомъ выкупныхъ платежей; и что ежели все это не будетъ выполняемо своевременно и бездоимочно, то свобода перейдетъ въ анархію, а анархія—въ военную экзекуцію"; по ихъ мнѣнію, „необходимо дать дѣлу такое направленіе, чтобы крестьянинъ съ одной стороны сейчасъ-же почувствовалъ, а съ другой стороны помѣщикъ сколь возможно меньше ощутилъ" (IV, 484, 485).

Не одинъ Салтыковъ въ такомъ печальномъ видѣ изображаетъ отношеніе массы дворянства къ упраздненію крѣпостного права. Извѣстный дѣятель по крестьянскому вопросу Ю. Ѳ. Самаринъ, въ печатномъ письмѣ къ Р. Фадѣеву (1875 г.) по поводу его книги „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ. (Чѣмъ намъ быть?)" (1874 г.), свидѣтельствуетъ, что періодъ времени съ обнародованія рескриптовъ имп. Александра II по крестьянскому дѣлу до тѣхъ поръ, когда большинство помѣщиковъ окончательно убѣдилось въ безповоротности уничтоженія крѣпостного права, программа большинства „могла бы быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: пожертвовавъ съ перваго слова правомъ на личность [1]... продлить обязательныя отно-

---

[1]) Считаемъ необходимымъ замѣтить съ своей стороны, что этого далеко нельзя считать общимъ правиломъ (срав. *Н. П. Семеновъ I*, 828; *Иванюковъ* „Паденіе крѣпостн. права", изд. I-е стр. 234).

Даже Унковскій, тверской предводитель дворянства, извѣстный дѣятель въ эпоху крестьянской реформы, человѣкъ либеральнаго образа мыслей, въ проектѣ по крестьянскому вопросу, появившемся въ печати за границею въ апрѣлѣ 1859 г., говоритъ: „Справедливость требуетъ, чтобы при... освобожденіи крестьянъ помѣщики были вознаграждены какъ за землю, отходящую изъ ихъ владѣній, такъ и за самихъ освобожденныхъ крестьянъ", хотя послѣднюю обязанность авторъ и возлагалъ не на самихъ крестьянъ, а на государство.

шенія крестьянъ къ помѣщикамъ, отвести надѣлъ возможно скудный и на возможно ограниченный срокъ, растянуть, елико возможно, срокъ обязательной барщины, по крайней мѣрѣ вспомогательной (сгонные дни), наконецъ, сохранить въ возможно широкихъ предѣлахъ помѣщичью расправу и вотчинную юрисдикцію надъ крестьянами... Въ этомъ духѣ составлена была большая часть проектовъ, представленныхъ большинствами губернскихъ комитетовъ". Когда же дворянство убѣдилось, что уничтоженіе крѣпостного права дѣло неизбѣжное, оно стало стремиться возможно скорѣе совершенно развязаться съ крестьянами—конечно на условіяхъ, по возможности, для него не безвыгодныхъ [1]).

Кавелинъ въ анонимной брошюрѣ: „Чѣмъ намъ быть" Отвѣтъ редактору газеты „Русскій Міръ" (1875 г.), говоритъ о роли дворянства въ крестьянской реформѣ, что огромное большинство его, „сколько могло, тормозило освобожденіе, урѣзывало землю у крестьянъ на мѣстахъ, урѣзывало цифры ихъ надѣла въ государственномъ совѣтѣ, уступило царской волѣ крайне неохотно и до сихъ поръ продолжаетъ вздыхать по крѣпостному праву, гдѣ и когда можетъ срывая душу на мужикѣ"... „Ссылаются на то", продолжаетъ Кавелинъ, „что главные дѣятели реформы были, въ огромномъ большинствѣ, дворяне; это безспорно, но при этомъ забываютъ, что дѣятели эти составили въ дворянствѣ незамѣтное меньшинство, что они были для дворянства предметомъ ненависти". По мнѣнію Кавелина, въ крестьянской реформѣ, „дворянство, какъ сословіе, было рѣшительно не причемъ" (стр. 44—45) [2]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Салтыковъ имѣлъ основаніе изображать роль массы дворянства въ крѣпостной реформѣ въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

---

[1]) *Ю. Самаринъ* и *Ѳ. Дмитріевъ*. „Революціонный Консерватизмъ". Берл. 1875, стр. 28—29.

[2]) Напомнимъ еще, что по поводу словъ М. А. Безобразова: „дворянство доказало готовность" исполнить волю государя, Александръ II замѣтилъ: „хорошо доказало!" (*Семеновъ*, II, 951).

Но если дворянство такъ мало сдѣлало для рѣшенія крестьянскаго вопроса, то какъ объясняетъ себѣ Салтыковъ возможность такого переворота въ нашей жизни, какимъ было упраздненіе крѣпостного права. Если не полный, точно формулированный отвѣтъ, то по крайней мѣрѣ ясный намекъ на него Салтыковъ даетъ въ одной изъ общественныхъ хроникъ, которыя онъ велъ (анонимно) въ „Современникѣ" 1863 г. Указывая на то, что „жизнь признанная" идетъ вяло, авторъ спрашиваетъ, гдѣ же скрывается настоящая историческая жизнь? гдѣ другая руководящая сила? Онъ не называетъ этой силы, но ссылается на реформу 19 февраля 1861 г., а изъ послѣдующаго ясно, что дѣло идетъ о нравственной силѣ народа, той самой силѣ, которая нѣкогда „выбросила изъ пучины" Минина Сухорукова (кстати замѣтимъ, что слѣдовательно Салтыковъ не всегда видѣлъ въ прошломъ нашего народа однѣ мрачныя стороны, какъ въ этомъ упрекали его нѣкоторые критики). „Вникните въ смыслъ крестьянской реформы", говоритъ авторъ, „взвѣсьте ея подробности, припомните обстановку, среди которой она совершилась, и вы убѣдитесь, во-первыхъ, что, несмотря на всю забитость и безвѣстность, одна только эта сила и произвела всю реформу, и во-вторыхъ, что, несмотря на неблагопріятныя условія, она успѣла положить на реформу неизгладимое клеймо свое, успѣла найти себѣ поборниковъ даже въ сферѣ ей чуждой". Этимъ объясняется для Салтыкова и то, что народъ оказался подготовленнымъ къ реформѣ и что она сразу привилась [1]). Дополненіе къ этому объясненію мы находимъ въ другихъ, упомянутыхъ выше, произведеніяхъ Салтыкова, гдѣ авторъ указываетъ на могущественное вліяніе литературы и западнаго примѣра въ дѣлѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Когда реформа совершилась, дворяне негодовали на то, что ихъ обидѣли, спрашивали: „а какъ же наши права?"

---

[1]) „Современникъ" 1863 г. № 5, стр. 227 — 232. Срав. ст. Н. Г. Чернышевскаго „Не начало ли перемѣны?" въ Современникѣ „1861 г." № 11, стр. 104.

и вымещали свою злобу на мировыхъ посредникахъ. Салтыковъ не разъ изображаетъ то, какъ негодующіе помѣщики „экзаменовали“, „поджаривали“ мировыхъ посредниковъ за то, что они смѣли ставить дворянъ на одну ногу съ крѣпостными при разбирательствѣ ихъ взаимныхъ пререканій [1]). Впрочемъ, нашъ сатирикъ не забываетъ, что между дѣятельностью мировыхъ посредниковъ при самомъ началѣ крестьянской реформы и ихъ послѣдующими дѣйствіями—громадная разница (II, 385—386), и что нѣкоторые изъ нихъ свои прежнія продерзости предъ дворянствомъ загладили „раскаяніемъ“, подтвержденнымъ „цѣлымъ рядомъ дѣйствій“, въ родѣ вызова воинской команды въ деревню Проплеванную (IV, 386). Послѣ этого не удивительно, что когда герои „Современной идилліи“ стали заниматься въ деревнѣ статистикой, то по вопросу политической благонадежности обывателей имъ пришлось сдѣлать такую отмѣтку: „о формахъ правленія не слышно; объ революціяхъ извѣстно только одно, что когда вводили уставную грамоту, то пятаго человѣка наказывали на тѣлѣ“ (VII, 219).

Нужно замѣтить, впрочемъ, рисуя въ мрачномъ свѣтѣ роль дворянства въ крестьянской реформѣ, сатирикъ вовсе не отрицательно относился къ эпохѣ эмансипаціи вообще. Въ „Кругломъ годѣ“ онъ говоритъ: припомни годы „освобожденія“ и сознайся, что никогда этому слову не придавалось болѣе широкаго значенія, никогда интересъ, возбужденный имъ въ обществѣ, не граничилъ такъ близко съ энтузіазмомъ“ (VII, 289). Но тутъ, очевидно, рѣчь идетъ не о тѣхъ слояхъ общества, которые Салтыкову приходилось рисовать, когда онъ касался крестьянской реформы.

---

[1]) См. Сочиненія III, 202, 208, 210—211, 217—218. IV, 385. VIII. 285—286. Много интересныхъ данныхъ объ этомъ времени можно найти въ запискахъ С. И. Носовича (1861—64 гг.), изданныхъ подъ заглавіемъ „Крестьянская реформа въ Новгородской губ.“ Спб. 1900 г.

V.

Въ предыдущихъ главахъ мы собрали много фактовъ для исторіи крѣпостного права и крестьянскаго вопроса въ произведеніяхъ Салтыкова, но первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ блестящая картина дореформеннаго крѣпостничества, называемая „Пошехонскою стариною". Это въ высокой степени талантливое произведеніе навсегда останется однимъ изъ лучшихъ источниковъ для исторіи дворянства и крѣпостного права въ первой половинѣ XIX вѣка [1]), и оно тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что Салтыковъ вовсе не старается налагать какъ можно болѣе мрачныя краски, а правдиво рисуетъ то, что ему пришлось видѣть на своемъ вѣку. Правда, нельзя не замѣтить, что въ „Пошехонской старинѣ" историкъ находитъ гораздо болѣе матеріала для характеристики быта дворовыхъ, чѣмъ для изображенія жизни помѣщичьихъ крестьянъ, но авторъ даетъ нѣсколько цѣнныхъ указаній и относительно крѣпостного крестьянскаго міра.

Салтыковъ справедливо замѣчаетъ, что положеніе крестьянъ у мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ было гораздо тяжелѣе, чѣмъ у болѣе крупныхъ владѣльцевъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ даже у такой требовательной помѣщицы, какъ г-жа Затрапезная, въ томъ ея имѣніи, гдѣ крестьяне были на барщинѣ, общимъ правиломъ считалось, что половина взрослыхъ работниковъ работала на помѣщика, а остальные на себя (техническое названіе такой работы—„братъ на брата"), и случайно забранные у крестьянъ впередъ дни зачитывались имъ впослѣдствіи" (гл. XVII), но и тутъ случалось, что помѣщица приказывала всѣмъ крестьянамъ работать на себя въ ненастные дни, а въ хорошіе требовала всѣхъ поголовно на барщину (гл. XXV). Не слѣдуетъ, однако, думать, что работа

[1]) Главный фонъ „Пошехонской старины" относится къ тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, но въ нѣкоторыхъ главахъ авторъ доводитъ разсказъ и до шестидесятыхъ годовъ.

„братъ на брата“ была въ первой половинѣ XIX вѣка наиболѣе обычнымъ размѣромъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ въ пользу господина. Изъ свидѣтельствъ современниковъ, хорошо знакомыхъ съ бытомъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ, напр., Заблоцкаго-Десятовскаго, въ его извѣстной запискѣ 1841 г. [1]), мы знаемъ, что обыкновенно помѣщики не довольствовались поголовною трехдневною барщиною (которой равнялась работа братъ на брата), а требовали болѣе тяжелаго издѣлья [2]). Это доказываетъ, что Салтыковъ не желалъ въ „Пошехонской старинѣ“, какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, преувеличивать тяжесть положенія крѣпостныхъ, и что мы можемъ съ большимъ довѣріемъ относиться къ тѣмъ его показаніямъ, гдѣ рѣчь идетъ о мрачныхъ сторонахъ быта крѣпостныхъ. Если въ крупныхъ вотчинахъ издѣльная повинность крестьянъ была, по мнѣнію Салтыкова, ближе къ указанной нормѣ, то крѣпостной мелкомѣстныхъ помѣщиковъ, по его словамъ, „до того изнурялся непосильною барщиною, что даже по наружному виду можно было сразу отличать его въ толпѣ другихъ крестьянъ. Онъ былъ и испуганнѣе, и тощѣе, и слабосильнѣе, и малорослѣе. Однимъ словомъ, въ общей массѣ измученныхъ людей былъ самымъ измученнымъ. У многихъ мелкомѣстныхъ мужикъ работалъ на себя только по праздникамъ, а въ будни въ ночное время. Такъ что лѣтняя страда этихъ людей просто-напросто превращалась въ сплошную каторгу“ (гл. I). О такихъ помѣщикахъ, по словамъ Салтыкова, такъ и говорили, что, „крестьяне у нихъ только по имени крестьяне, а въ сущности *тѣ-же дворовые*“. Но авторъ вновь оговаривается, что „въ большинствѣ случаевъ это водилось только между мелкомѣстными и сходило съ рукъ лишь до тѣхъ поръ, покуда мирволилъ предводитель дворянства“. (Извѣстно, впрочемъ, что мѣра долготерпѣнія и снисходитель-

[1]) Она напечатана въ приложеніи къ т. IV труда Заблоцкаго-Десятовскаго „Гр. Киселевъ и его время“.

[2]) Въ „Мелочахъ жизни“ самъ Салтыковъ свидѣтельствуетъ, что законъ о трехдневной барщинѣ исполнялся рѣдко.

ности этихъ лицъ къ своему брату-помѣщику была слишкомъ велика). Авторъ говоритъ, что зналъ одного такого помѣщика, владѣльца 70 душъ крестьянъ, томившаго своихъ крѣпостныхъ на барщинѣ всѣ шесть дней въ недѣлю. У этого господина „даже приготовленіе пищи разрѣшалось крестьянамъ въ страдное время только разъ на цѣлую недѣлю, и именно въ воскресенье“, когда барщины не было. „Поэтому крестьяне жали свой хлѣбъ и косили траву урывками по ночамъ, а днемъ дѣти и подростки сушили сѣно и вязали снопы. Само собою разумѣется, что такая работа не особенно спорилась, тѣмъ больше, что помѣщикъ не давалъ засиживаться въ подросткахъ и мальчика 15 лѣтъ уже сажалъ на тягло. *И никто не называлъ его мучителемъ, а напротивъ всѣ указывали на него, какъ на образцоваго хозяина*“ (гл. XVII). Эта послѣдняя черта убѣждаетъ насъ въ томъ, что масса помѣщиковъ, если не доходила въ своихъ требованіяхъ до шестидневной поголовной барщины, то все-таки не могла, при такихъ воззрѣніяхъ, удовольствоваться ея узаконеннымъ размѣромъ. Салтыковъ подробнѣе изображаетъ тотъ же самый типъ въ особой главѣ подъ названіемъ: „Образцовый хозяинъ“ (гл. XXVIII).

Отъ требованія шестидневной барщины былъ очень легокъ переходъ и къ совершенному обращенію крестьянъ въ дворовые, въ такъ называемые „мѣсячники“. Такой случай, относящійся къ первой четверти XIX-го столѣтія, приводитъ и Салтыковъ (см. гл. VIII). Количество крѣпостныхъ крестьянъ, обращенныхъ въ *мѣсячниковъ*, къ концу царствованія имп. Николая, какъ мы уже упоминали, все увеличивалось [1]).

---

[1]) Отмѣтимъ еще одну черту въ ряду помѣщичьихъ насилій, хорошо рисующую полное безправіе крестьянъ. Одинъ крестьянинъ г-жи Затрапезной сталъ разживаться и приписывалъ это благотворному вліянію иконы, которую онъ откуда-то досталъ. Помѣщица, узнавъ объ этомъ, отнимаетъ у мужика приносившую ему счастіе икону, и на крестьянина это производитъ такое сильное впечатлѣніе что онъ вновь раззоряется (гл. IV).

Положеніе крестьянина становилось также въ высшей степени тяжелымъ въ томъ случаѣ, если помѣщикъ предоставлялъ управленіе имѣніемъ какому нибудь „излюбленному“ лакею, что, къ прискорбію крестьянъ, случалось иногда и съ оброчными вотчинами [1]).

Въ противоположность такимъ управляющимъ изъ лакеевъ, Салтыковъ рисуетъ намъ старосту г-жи Затрапезной, вѣрнаго барскаго слугу, однаго изъ тѣхъ немногихъ, „которые сознаютъ себя воистину крѣпостными, не только за страхъ, но и за совѣсть“. Онъ неумолимо преслѣдовалъ всякое похищеніе барскаго добра, и даже на смертномъ одрѣ прежде всего думалъ о барскомъ интересѣ; но въ то-же время не только не былъ строгъ съ крестьянами, но даже вступался за нихъ передъ барыней, и умѣлъ своими разумными возраженіями остановить то или другое вредное для крестьянъ барское распоряженіе (гл. IV и XXV).

Авторъ отмѣчаетъ также нѣкоторые обычаи, въ извѣстныхъ, хотя бы и рѣдкихъ, случаяхъ, приносившіе крѣпостнымъ облегченіе ихъ тяжелой судьбы. Такъ напр., даже у такой суровой помѣщицы, какъ г-жа Затрапезная, семья женщины, взятой кормилицей въ барскій домъ, поль-

---

1) „Главный контингентъ этого рода управляющихъ“, говоритъ Салтыковъ, „доставляли люди, до мозга костей развращенные и выслужившіеся при помощи разныхъ зазорныхъ услугъ. По одному капризу имъ ничего не стоило, въ самое короткое время, зажиточнаго крестьянина довести до нищенства, а ради удовлетворенія минутнымъ вспышкамъ любострастія отнять у мужа жену или обезчестить крестьянскую дѣвушку. Жестоки они были неимовѣрно, но такъ какъ въ то-же время строго блюли барскій интересъ, то никакія жалобы на нихъ не принимались. Много горя приняли отъ нихъ крестьяне, но за то и глубоко ненавидѣли ихъ, такъ что зачастую приходилось слышать, что тамъ-то или тамъ-то укокошили управителя и что при этомъ были пущены въ ходъ такіе утонченные пріемы, которые вовсе не свойственны простодушной крестьянской природѣ, и которые могла вызвать только неудержимая потребность отмщенія. При такихъ извѣстіяхъ, вся помѣщичья среда обыкновенно затихала, но спустя короткое время забывала о случившемся и вновь съ легкимъ сердцемъ принималась за старые подвиги“ (гл. XVII).

зовалась слѣдующею льготою: за исправную выкормку барченка или барышни обыкновенно отпускали на волю кого-либо изъ дѣтей кормилицы [1]). Но и тутъ иногда злая судьба преслѣдовала несчастныхъ крѣпостныхъ: случалось, что изъ бѣдной семьи не удавалось „вольную" дѣвушку выдать замужъ на сторону, а съ выходомъ за своего однодеревенца она вновь закрѣпощалась (гл. II).

Салтыковъ справедливо изображаетъ жизнь оброчныхъ крестьянъ болѣе льготною, чѣмъ въ имѣніяхъ, состоявшихъ на барщинѣ, но тутъ помѣщичій гнетъ иногда дополнялся давленіемъ разбогатѣвшихъ односельчанъ. Такъ въ пріобрѣтенной г-жею Затрапезною большой оброчной вотчинѣ, населеніе которой занималось отхожимъ трактирнымъ промысломъ, „богатѣи", дѣлавшіе обороты на десятки тысячъ, владѣльцы каменныхъ домовъ, держали все село въ своихъ рукахъ, а окружающія деревни стояли не на ровной ногѣ съ селомъ: онѣ не участвовали въ доходахъ съ площади въ селѣ, на которой, по извѣстной таксѣ, собирались сборы съ возовъ, лавокъ, трактира и кабака. Относительно помѣщиковъ оброчные крестьяне находились въ болѣе льготномъ положеніи, чѣмъ барщинные, такъ что съ переходомъ вышеуказанной оброчной вотчины въ руки даже такой властной помѣщицы, какъ г-жа Затрапезная, крестьяне нѣкоторое время не допускали ее до распоряженій по торговой площади и продолжали устанавливать „площадный обиходъ" черезъ своихъ выборныхъ; госпожѣ „не малыхъ усилій стоило, чтобы одержать побѣду надъ крестьянской вольницей и осуществить свое помѣщичье право". Тѣмъ не менѣе помѣщица находила нужнымъ поддерживать добрыя отношенія съ наиболѣе богатыми крестьянами и при своихъ наѣздахъ въ вотчину удостоивала такихъ богатѣевъ своимъ посѣщеніемъ и принимала ихъ угощеніе.

[1]) „Впрочемъ", оговаривается авторъ, „отпускали исключительно дѣвочекъ, такъ какъ увольненіе мальчика (будущаго тяглеца) считалось убыточнымъ; дѣвка же и по достиженію совершенныхъ лѣтъ продавалась на выводъ не дороже 60 руб. ассигнаціями" (очевидно въ тридцатые годы).

Нѣкоторымъ изъ этихъ богатыхъ крестьянъ она даже давала взаймы деньги для оборотовъ, конечно, за высокіе проценты.

Описывая положеніе этой крупной, богатой, оброчной вотчины, Салтыковъ отмѣчаетъ слѣдующую любопытную черту. Въ числѣ крестьянъ этой вотчины, пріобрѣтенной г-жею Затрапезною, былъ одинъ, по фамиліи Бодрецовъ, котораго называли „бариномъ". Дѣйствительно, у него было собственныхъ 50 душъ крестьянъ, купленныхъ на имя прежняго владѣльца. Прежній помѣщикъ не вмѣшивался въ его управленіе, несмотря на то, что на „барина" постоянно приносили жалобы. На жалобахъ этихъ помѣщикъ писалъ: „сіи крестьяне суть собственность Бодрецова, а собственность для меня священна". Когда имѣніе перешло къ г-жѣ Затрапезной, „она съ крестьянами Бодрецова поступила на законномъ основаніи, т.-е. осуществила свое законное право на нихъ de facto" (гл. IX). Присвоить этихъ крестьянъ было тѣмъ легче, что помѣщичьи крестьяне не имѣли по закону права владѣть крѣпостными и если покупали ихъ, какъ въ данномъ случаѣ, то не иначе, какъ на имя помѣщика.

Случай, указанный Салтыковымъ, хотя и не былъ заурядннымъ явленіемъ, но въ тоже время его нельзя считать и совершенно исключительнымъ. Одинъ изъ извѣстныхъ братьевъ Орловыхъ, гр. Владиміръ Григорьевичъ, хорошій хозяинъ, дозволялъ своимъ крестьянамъ пріобрѣтеніе крѣпостныхъ на извѣстныхъ условіяхъ о которыхъ находимъ свѣдѣнія въ составленномъ имъ Уложеніи для управленія его вотчинами. Его крестьяне, желавшіе купить „для услугъ своихъ" работниковъ или работницъ, должны были просить позволенія у бурмистра; тотъ прежде всего собиралъ свѣдѣнія, стоятъ-ли они этой милости, т. е. можно-ли ожидать, что они „будутъ содержать купленныхъ людей порядочно, не отягчать лишнею работою и не наказывать не дѣльно", и доносилъ объ этомъ господину, отъ котораго и получалось разрѣшеніе; если же просившіе не стоили этой милости, то бурмистръ от-

казывалъ имъ собственною властью [1]). Запрещалось также покупать людей порочныхъ, чтобы не причинить безпокойство господину и его конторѣ. Сельское начальство вообще, а особенно бурмистръ, по Уложенію В. Г. Орлова, должны были наблюдать, чтобы хозяева хорошо обходились съ купленными ими людьми. О тѣхъ, кто нарушитъ это правило, слѣдовало доносить въ главную контору съ мнѣніемъ, куда дѣвать купленныхъ ими людей; если же хозяева особенно дурно вели себя, то позволялось отбирать у нихъ ихъ людей и безъ всякаго вознагражденія. Такое наказаніе должно было предостерегать и другихъ хозяевъ отъ дурного обращенія съ купленными ими людьми; однако, если оказывалось, что по ошибкѣ были пріобрѣтены люди дурные и лѣнивые, то дозволялось самимъ хозяевамъ „наказывать и исправлять“ ихъ или обращаться съ этою цѣлью къ бурмистру. Люди неисправимые могли быть также отобраны у хозяевъ [2]). Нужно еще замѣтить, что хозяева купленныхъ людей (въ вотчинахъ Орлова) не должны были платить за нихъ оброка господину, но однако-же обязаны были вносить подушныя деньги и нести рекрутскую повинность, не возлагая того и другого на крестьянское общество [3]). Крѣпостные крестьяне нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ имѣли весьма значительное количество купленныхъ крестьянъ. Такъ, по свидѣтельству француза Пассенана, издавшаго въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ XIX в. интересную книгу о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, одинъ крѣпостной гр. Шереметева владѣлъ 500 душъ крестьянъ, а по свидѣтельству Гакстгаузена, въ 1840-хъ

[1]) По неизданной инструкціи прикащику гр. Шереметева (1764 г.) крестьянамъ также дозволялось покупать людей и крестьянъ въ работу на имя помѣщика „съ вѣдома и свидѣтельства“ прикащиковъ и выборныхъ.

[2]) Ограниченіе власти хозяевъ надъ купленными ими людьми, по Уложенію Орлова, сказалось между прочимъ и въ томъ, что, хотя имъ было позволено выдавать своихъ женщинъ замужъ за постороннихъ, но велѣно не брать за нихъ выводныхъ денегъ.

[3]) Подобное же правило — и въ неизданной инструкціи (1764 г.) гр. Шереметева его прикащику.

годахъ нѣкоторые крѣпостные Шереметева имѣли отъ 600 до 700 крѣпостныхъ.

Это свидѣтельство Пассенана и барона Гакстгаузена подтверждается имѣющимися у насъ неизданными документами, изъ которыхъ видно, что въ 1777 году крестьянинъ гр. Шереметева, Сеземовъ, купилъ на имя своего помѣщика село Богородское въ Унженскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, въ которомъ было 429 душъ мужского пола (за что онъ заплатилъ около 30.000 руб.), послѣ чего гр. Шереметевъ послалъ указъ крестьянамъ этого села, чтобы они были послушны Сеземову. Въ слѣдующемъ году Сеземовъ сталъ жаловаться графу на ослушаніе купленныхъ имъ крестьянъ. Имъ велѣно было повиноваться, и нѣкоторые за ослушаніе были наказаны, а Сеземову, на котораго крестьяне жаловались, что онъ обременяетъ ихъ тяжелыми поборами, велѣно было брать съ нихъ оброка по 3 рубля, да сверхъ того на припасы и подводы по 50 к. Когда Сеземовъ, занимавшійся откупами, за накопленіе казенной недоимки былъ отправленъ въ ссылку въ Оренбургъ, то доходы съ его имѣнія посылались ему туда. Онъ завѣщалъ имѣніе своимъ родственникамъ съ обязательствомъ производить изъ доходовъ извѣстные платежи, но по смерти его и, нѣсколько позднѣе, его жены село Богородское поступило въ собственность гр. Н. П. Шереметева [1]).

Такимъ образомъ даже у наиболѣе богатыхъ помѣщиковъ крестьяне не были гарантированы отъ присвоенія господиномъ ихъ движимаго и недвижимаго имущества;

---

[1]) Любопытные документы по этому дѣлу сообщены намъ присяжнымъ повѣреннымъ Д. І. Невядомскимъ, которому и приносимъ нашу искреннюю благодарность. Они подробно изложены нами въ книгѣ „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“ т. I, изд. 2-е, 1903 г., 341—356. О присоединеніи къ имѣніямъ гр. Шереметевыхъ, во время малолѣтства одного изъ нихъ, опекунами молодого графа всѣхъ недвижимыхъ имѣній, купленныхъ на имя господина его крѣпостными и о присвоеніи гр. Шереметевымъ 150.000 р., оставшихся въ ломбардѣ по смерти одного его крестьянина, см. также у Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes“, 1847, t. II, 90—91.

тѣмъ съ большею безцеремонностью помѣщики обращались съ трудомъ своихъ крѣпостныхъ.

Но какова бы ни была жизнь крѣпостныхъ крестьянъ, имъ жилось легче, нежели дворовымъ. Незавидное существованіе дворни, по мѣткому замѣчанію Салтыкова, „въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ взгляда, установившагося вообще между помѣщиками на трудъ дворовыхъ людей. Трудъ этотъ, состоявшій преимущественно изъ мелкихъ домашнихъ послугъ, не требовавшихъ ни умственной, ни даже мускульной силы... считался не только легкимъ, но даже какъ бы отрицаніемъ дѣйствительнаго труда. Казалось, что люди не работаютъ, суетятся, „мечутся какъ угорѣлые“. Отсюда эпитеты, которыми такъ охотно награждали дворовыхъ:—лежебоки, дармоѣды, хлѣбогады. Сгинетъ одинъ лежебокъ,—его безъ труда можно замѣнить другимъ, другого—третьимъ и т. д. Во всякой помѣщичьей усадьбѣ этого добра было безъ счету. Исключеніе составляли мастера и мастерицы. Ими, конечно, дорожили больше („дай ему плюху, а онъ тебѣ цѣлую штуку матеріи испортитъ!“), но скорѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, такъ какъ основные порядки (пища, помѣщеніе и проч.) были установлены одни для всѣхъ, а слѣдовательно и они участвовали въ общей невзгодѣ на ряду съ прочими „дармоѣдами“ [1]).

Личныя воспоминанія заставили Салтыкова съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на ужасной судьбѣ дворовыхъ дѣвушекъ, которыя на тогдашнемъ циническомъ языкѣ назывались „дѣвками“.

„Дѣвка“, говоритъ Салтыковъ, „была существо не только безотвѣтное, но и дешевое, что въ значительной степени увеличивало ея безотвѣтность. О „дѣвкѣ“, говорили: „дешевле пареной рѣпы“, или:

---

1) У „образцовыхъ“ помѣщиковъ даже такое невинное удовольствіе, какъ пѣсни, воспрещалось дворовымъ, если, конечно, помѣщикъ, для собственнаго услажденія, не составлялъ изъ нихъ хора пѣвчихъ, домашняго оркестра, и т. д. (гл. XXVI). Объ обращеніи господъ съ мужскою прислугою, положеніе которой было все-таки сноснѣе, чѣмъ женской, см. въ III, XVII и XXVII главахъ „Пошехонской Старины“.

„по грошу пара“—и соотвѣтственно съ этимъ цѣнили ея услуги. Дворовымъ человѣкомъ до извѣстной степени дорожили между прочимъ и потому, что двороваго можно было отдать въ солдаты, въ зачетъ будущихъ наборовъ, и квитанцію съ выгодою продать. Изъ „дѣвокъ“ цѣнили только ключницу, горничную барыни, да можетъ быть какую-нибудь искусную мастерицу, обученную въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту. „Всѣ прочія составляли безразличную массу, каждый членъ который могъ быть безъ труда замѣненъ другими. Всѣ пряли, всѣ вязали чулки, вышивали въ пяльцахъ, плели кружева. И изъ-за взрослыхъ всегда выглядывалъ на смѣну контингентъ подростковъ. Поэтому ихъ плохо кормили, одѣвали въ затрапезъ и мало давали спать, изнуряя почти непрерывной работой[1]), и было ихъ у всѣхъ помѣщиковъ великое множество“ (гл. III)[2]).

Салтыковъ раскрываетъ еще одну сторону въ жизни дворовыхъ, на которую правда и ранѣе его указала наша литература[3]),—стѣсненіе ихъ помѣщиками въ самой интимной сторонѣ человѣческой жизни—въ дѣлѣ брака, но нашъ сатирикъ съ большою энергіею и талантомъ выставляетъ на позоръ эту черту крѣпостническихъ нравовъ.

„У большинства помѣщиковъ, говоритъ онъ, было принято за правило не допускать браковъ между дворовыми людьми. Говорилось прямо: разъ вышла дѣвка замужъ, она ужъ не слуга, ей впору дѣтей родить, а не господамъ служить. А иные къ этому цинично прибавляли: на нихъ, кобылъ, и жеребцовъ не напасешься. Съ дѣвки всегда спрашивалось больше, нежели съ замужней женщины: и лишняя талька пряжи, и лишній вершокъ кружева и т. д. Поэтому былъ прямой разсчетъ, чтобы дѣвичье цѣломудріе не нарушалось. Отсюда циничное и возмутительное выслѣживаніе „дѣвокъ“. Процедура выслѣживанія была омерзительна до послѣдней степени. Устраивали засады, подстерегали по ночамъ, рылись въ грязномъ бѣльѣ и проч. И когда, наконецъ, улики были на лицо, начинался цѣлый адъ. Иногда, не дождавшись разрѣшенія отъ бремени, виновную (какъ тогда говорили, „съ кузовомъ“), выдавали за крестьянина дальней деревни, непремѣнно за бѣднаго и

---

[1]) Авторъ оговаривается: „разумѣется встрѣчались помѣщичьи дома, гдѣ и дворовымъ дѣвкамъ жилось изрядно, но въ большей части случаевъ тутъ примѣшивался гаремный оттѣнокъ“.

[2]) Въ другой главѣ „Пошехонской старины“ Салтыковъ даетъ подробное описаніе жизни дворовыхъ дѣвушекъ въ домѣ г-жи Затрапезной, въ которомъ много и общихъ чертъ (см. гл. XVII).

[3]) Напр. Тургеневъ въ разсказѣ: „Ермолай и мельничиха“, вошедшемъ въ составъ „Записокъ Охотника“ и первоначально напечатанномъ въ „Современникѣ“ 1847 г. № 6.

притомъ вдовца съ большимъ семействомъ. Словомъ сказать, трагедіи самыя несомнѣнныя совершались на каждомъ шагу, и никто не подозрѣвалъ, что это трагедія, а говорили резонно, что съ „подлянками" иначе поступать нельзя. Были впрочемъ и либеральные помѣщики. Эти не выслѣживали дѣвичьихъ беременностей, но замужъ выходить все-таки не позволяли, такъ что сколько бы ни было у дѣвки дѣтей, ее продолжали считать „дѣвкою" до смерти, а дѣти ея отдавались въ дальнія деревни въ *дѣти* крестьянамъ. И все это хитросплетеніе допускалось ради лишней тальки пряжи, ради лишняго вершка кружева" (гл. III).

Художественною иллюстраціею къ этому описанію служитъ превосходный разсказъ о „безсчастной Матренкѣ". За первую беременность ее сослали на скотную, и когда она поправилась, возвратили въ дѣвичью, а ребенка отдали къ бездѣтному мужику въ „дѣти". За вторую беременность госпожа приказываетъ выдать провинившуюся замужъ въ дальнюю украинскую деревню за самаго плохого мальчишку-гаденка, лишь бы онъ имѣлъ законныя лѣта. Староста дальней деревни подыскиваетъ подобнаго „гаденка" и присылаетъ его для отбытія такой странной повинности, какъ женитьба на забеременѣвшей не отъ него дѣвушкѣ. Понятно, что молодой парень относится къ ней съ величайшею злобою, и какъ это, такъ и опасеніе постоянныхъ преслѣдованій со стороны его родителей и наконецъ сознаніе, что она дѣлается причиною несчастья ни въ чемъ неповиннаго человѣка, доводятъ бѣдную дѣвушку до самоубійства (гл. XXII).

Не имѣя права на естественный исходъ въ видѣ брака для такого законнаго чувства, какъ любовь, крѣпостныя дѣвушки испытывали еще худшее горе, чѣмъ подневольное безбрачіе: онѣ нерѣдко становились жертвою барскаго разврата. Такъ Салтыковъ упоминаетъ, что тотъ же помѣщикъ, который перечислилъ всѣхъ своихъ крестьянъ въ дворовые, содержалъ у себя цѣлый гаремъ, во главѣ котораго стояла экономка, жена крѣпостного крестьянина, отнятая помѣщикомъ у мужа (гл. VIII). Въ другомъ мѣстѣ нашъ сатирикъ свидѣтельствуетъ, что „гаремная жизнь...

была достаточна таки распространена и нерѣдко служила поводомъ для трагическихъ развязокъ" (гл. XXVI) [1]).

Насильственную смерть вполнѣ заслужила жестокая помѣщица, типическій образъ которой авторъ изображаетъ подъ именемъ „тетеньки Анфисы Петровны". Про нее разсказывали, что, еще будучи въ дѣвушкахъ, она защипала до смерти данную ей въ услуженіе дѣвчонку; и позднѣе, уже въ замужествѣ, она „становясь на молитву, ставила рядомъ съ собою горничную, и за каждымъ словомъ щипала ее, или приказывала щекотать провинившуюся „дѣвку" до пѣны у рта, или гонять на кордѣ, какъ лошадь, подстегивая сзади арапникомъ. Подобныя истязанія возобновлялись въ ея имѣніи „почти ежедневно" и до поры до времени сходили съ рукъ совершенно безнаказанно [2]). Неуди-

---

[1]) Объ одномъ изъ подобныхъ случаевъ авторъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности. Помѣщика, Петра Антоныча Грибкова, о которомъ Салтыковъ говорить, что „это былъ въ полномъ смыслѣ слова извергъ", „всѣ единогласно называли Псомъ Антонычемъ": очевидно онъ превысилъ мѣру даже дворянской снисходительности къ прегрѣшеніямъ своихъ собратьевъ. „Въ особенности возмутительны были", разсказываетъ Салтыковъ, „подробности гаремной жизни, которую онъ велъ. Вслѣдствіе этого изъ сосѣдей не только никто не водилъ съ нимъ знакомства, но даже говорить о немъ избѣгали: какъ будто боялись, что одно упоминовеніе его имени произведетъ смуту между домочадцами. Нѣсколько разъ его судили, неоднократно устраивали опеку и выселяли изъ имѣнія съ воспрещеніемъ въѣзда, но, благодаря послабленіямъ опекуновъ и отдаленному родству съ предводителемъ Струнниковымъ, онъ преспокойно продолжалъ жить въ своемъ имѣніи и безчинствовать. Но, наконецъ, его постигла казнь... Ночью человѣкъ тридцать крестьянъ (почти вся вотчина) оцѣпили господскій домъ, ворвались въ спальню и, повѣсивъ барина за ноги, зажгли домъ со всѣхъ сторонъ... Только немногія изъ гаремныхъ узницъ успѣли спастись и впослѣдствіи явились по дѣлу доказчицами (гл. XXX). Описаніе гарема помѣщика Нижегородской губ. Кошкарова (1820-хъ г.г.) см. въ запискахъ Я. М. Невѣрова въ „Рус. Стар.", 1883 г. № 11, стр. 430—446. У одного помѣщика въ царствованіе Александра I въ гаремъ поступали даже его незаконныя дочери, которымъ было запрещено говорить, кто ихъ отецъ. „Записки Басаргина", „Девятнадцатый Вѣкъ" изд. Бартенева, I, 193—194.

[2]) Вотъ какую картину пришлось увидѣть въ дѣтствѣ, въ имѣніи этой госпожи, самому автору „Пошехонской старины": „У конюшни на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ

вительно, что дворовыя дѣвушки, наконецъ, задушили эту барыню подушками (гл. VIII).

Совершенно исключительно была судьба мужа этой госпожи. Когда за сѣченіе до смерти своей крѣпостной онъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства и отдачѣ безъ срока въ солдаты, то его жена, извѣстная намъ тетушка Анфиса Петровна, предложила ему, передавъ ей имѣніе, самому объявиться мертвымъ. Кстати умеръ одинъ дворовый, который и былъ похороненъ подъ именемъ боярина Савельцева, а послѣдній обратился въ крѣпостного своей жены [1]).

Исторія эта, замѣчательно художественно разсказанная Салтыковымъ, представляетъ новую страницу въ прошлой жизни нашего дворянства. Что помѣщики, повинные въ замучиваніи до смерти своихъ крѣпостныхъ, въ виду грозившей имъ кары объявляли себя мертвыми, — это извѣстно было и до „Пошехонской старины", но превращеніе въ крѣпостного собственной жены и всѣ послѣдствія этого превращенія представляютъ вполнѣ новый и оригинальный фактъ изъ помѣщичьихъ нравовъ дореформенной эпохи.

Мы уже говорили, что Салтыковъ вовсе не стремился изображать однѣ темныя стороны въ жизни нашей крѣпостной массы, и не его вина, если свѣтлыхъ явленій оказывалось немного. Такъ онъ указываетъ на нѣсколько добрыхъ помѣщиковъ и помѣщицъ,—во-первыхъ, предводителя

12-ти и рвалась во всѣ стороны. Былъ уже второй часъ дня солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головой и облѣпляли ея воспаленное, улитое и слезами, и слюною лицо. По мѣстамъ образовались уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица".

[1]) Онъ ходилъ вмѣстѣ съ другими на барщину, ѣлъ прокислое молоко, мякинный хлѣбъ и пустыя щи. Однажды помѣщица вздумала погонять мужа на кордѣ: онъ попробовалъ жаловаться; его водворили на мѣсто жительства, однако предводитель потребовалъ отъ Анфисы Петровны, чтобы она оставила мужа въ покоѣ, въ случаѣ же повторенія истязаній, грозилъ ходатайствовать о взятіи ея имѣнія въ опеку. Тогда Анфиса Петровна, переставъ посылать мужа на барщину, превратила его въ шута (гл. VIII).

Струнникова, у котораго „всѣ выработанныя крѣпостною легальностью ограниченія, дававшія подневольному люду возможность вздохнуть, соблюдались безусловно“, у котораго „мужики жили исправно и чрезъ мѣру барщиною не отягощались, и даже дворовые смотрѣли весело“ (гл. XXVII), затѣмъ „тетушку Сластену“, далѣе француженку, вдову одного аристократа, которая и при крѣпостномъ правѣ была добра къ крестьянамъ, и послѣ ихъ освобожденія мирно заключила съ ними уставную грамоту, а изъ дворовыхъ—молодыхъ распустила до срока, а старикамъ выстроила избы, отвела огороды и назначила пенсіи (гл. I), и наконецъ одну изъ мелкопомѣстныхъ помѣщицъ, выведенныхъ авторомъ подъ названіемъ „словущенскихъ дамъ“: она еще при жизни отпустила на волю дворовыхъ, изъ которыхъ только и состояла ея вотчина, и подарила имъ усадьбу и землю въ собственность, подъ условіемъ, что до ея смерти они останутся на прежнемъ положеніи.

Мы видѣли, какъ много матеріала для историка крѣпостного права даетъ „Пошехонская старина“ и относительно быта помѣщичьихъ крестьянъ, и еще болѣе относительно жизни дворовыхъ. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ произведеніи тѣ типы дворовыхъ, которые изображаетъ авторъ, та психологія подневольнаго человѣка, которая составляетъ совершенную новость въ нашей литературѣ и гдѣ авторъ возвышается мѣстами до положительно геніальныхъ характеристикъ. Стоитъ сравнить эти главы произведенія Салтыкова съ довольно поверхностными очерками Гончарова о слугахъ, чтобы понять, на сколько лучше этого послѣдняго писателя понималъ крѣпостной міръ нашъ знаменитый сатирикъ [1]).

Остановимся прежде всего на очеркѣ „Мавруша-Новоторка“, гдѣ Салтыковъ изображаетъ горестную судьбу мѣщанки, вышедшей замужъ за крѣпостного живописца г-жи

[1]) Въ „Обломовѣ“ Гончаровъ талантливо обрисовалъ Захара, слугу своего героя, но положеніе его у облѣнившагося барина слишкомъ исключительное, и мы не находимъ въ этомъ романѣ данныхъ для характеристики обычнаго положенія дворовыхъ.

Затрапезной. Выходя замужъ за крѣпостного, она не имѣла понятія о томъ, что ей предстоитъ. Во время брака ея мужъ былъ на оброкѣ, но вотъ года черезъ два послѣ того его потребовали къ барынѣ для домашнихъ работъ. Онъ явился одинъ, но ему было приказано вытребовать и жену. Тщетно несчастный живописецъ молилъ отпустить его, предлагая вносить двойной оброкъ и даже обязываясь поставить за себя другого такого-же работника,—госпожа и слышать ничего не хотѣла, и такъ какъ жена живописца не являлась добровольно, ее привели по этапу. Первое время она исполняла ту нетяжелую работу, которую на нее наложили (печеніе хлѣбовъ), но затѣмъ она рѣшилась протестовать. Помѣщица приказываетъ ее высѣчь въ дѣвичьей и заставляетъ ея мужа исполнить это наказаніе. То, что мужъ легко подчинился въ этомъ случаѣ барскому приказу, вызываетъ въ ней совершенное къ нему охлажденіе, и она кончаетъ жизнь самоубійствомъ (гл. XIX).

Этотъ очеркъ весьма существенно дополняетъ наши свѣдѣнія о судьбѣ свободныхъ женщинъ, вышедшихъ замужъ за крѣпостныхъ. Извѣстенъ законъ 1815 г., которымъ, на основаніи указа 1783 г. о незакрѣпленіи никѣмъ вольныхъ людей и одного частнаго указа о бракахъ воспитанницъ мѣщанскаго училища съ крѣпостными было предписано, что „всѣ вольнаго происхожденія вдовы и дѣвки, вышедшія замужъ за дворовыхъ людей и крестьянъ, по смерти мужей ихъ, въ число крѣпостныхъ обращаемы быть не должны“ [1]). Охраняя свободу такихъ женщинъ по смерти мужей, законъ 1815 г. не опредѣлялъ ихъ правъ при жизни этихъ послѣднихъ, чѣмъ и пользовались помѣщицы въ родѣ г-жи Затрапезной. Несчастная „Мавруша-Новоторка“ и ея мужъ очевидно не знали о существованіи этого закона, иначе она видѣла бы для себя возможный просвѣтъ въ будущемъ, а онъ, считая себя повиннымъ въ несчастной участи жены и видя, что она разлюбила его, скорѣе самъ наложилъ бы на себя руки,

---

[1]) Полн. Соб. Зак. т. XXXIII, № 25947. п. 7.

чтобы дать ей свободу, чѣмъ допустилъ бы ее до самоубійства. Дѣло только въ томъ, исполнялся ли законъ 1815 г. или, быть можетъ, богатые помѣщики, владѣльцы нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ, какъ г-жа Затрапезная, считали возможнымъ не обращать на него вниманія.

Другимъ совершенно новымъ типомъ въ нашей литературѣ является Аннушка, крѣпостная „тетенекъ-сестрицъ" г-жи Затрапезной, живущая вмѣстѣ съ своими барынями въ имѣніи этой властной помѣщицы. Аннушка принадлежала къ числу тѣхъ крѣпостныхъ, которые несли иго рабства „безъ ропота и были, такъ сказать, рабами *по убѣжденію*". Въ основѣ ея убѣжденій лежалъ афоризмъ, что „рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ"... „Доктрина эта", объясняетъ авторъ, „была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ и повидимому даже подтверждала крѣпостное право. Но помѣщики чутьемъ угадывали въ ней нѣчто злокачественное (въ понятіяхъ пуристовъ-крѣпостниковъ самое „разсужденіе" о послушаніи уже представлялось крамольнымъ) и потому, если не прямо преслѣдовали адептовъ ея, то всячески къ нимъ придирались". По ученію такихъ убѣжденныхъ рабовъ, какъ Аннушка, „хоть и слѣдовало безпрекословно принимать все и отъ всякаго господина, но сквозь общую ноту послушанія все-таки просачивалась мысль, что и господа имѣютъ извѣстныя обязанности относительно рабовъ и что тѣ, которые эти обязанности выполняютъ, и въ будущей жизни облегченіе получатъ. Само собою разумѣется, что подобное критическое отношеніе выражалось болѣе нежели робко, но и его было достаточно, чтобы внушить господамъ, что мозги хамовъ все-таки не вполнѣ забиты, и что въ нихъ происходитъ какая-то работа", а это, конечно, раздражало господъ и заставляло ихъ придираться къ проповѣдникамъ подобныхъ ученій. Что-же касается рабовъ, то проповѣдь личностей въ родѣ Аннушки вносило нѣкоторое облегченіе въ ихъ тяжелую жизнь на-

поминаніемъ, что „удручающія вериги рабства... представляли собой временное испытаніе, въ концѣ котораго обѣщалось возсіяніе въ присносущемъ небесномъ свѣтѣ“ [1]. Но если взгляды Аннушки встрѣчали нѣкоторые протесты со стороны такихъ представительницъ рабской среды, какъ ключница Аннушка, то главный отпоръ имъ, уже не на словахъ, а на дѣлѣ, шелъ, конечно, отъ властной помѣщицы [2].

Не менѣе интересны въ „Пошехонской Старинѣ“ и типы мужской дворни. Тутъ прежде всего мы встрѣчаемъ дерзкаго двороваго „Ваньку-Каина“, цирульника, отпущеннаго на оброкъ, но не платящаго его, который не даетъ спуску барынѣ ни въ одномъ словѣ, и котораго она, какъ негоднаго въ военную службу, принуждена сдать въ рекруты безъ зачета (гл. XX, ср. гл. XVIII). Далѣе авторъ изображаетъ совершенно отупѣвшаго лакея Конона, машинально, какъ бы сквозь сонъ, исполняющаго свои обязан-

---

[1]) Впрочемъ, ея убѣжденія встрѣчали нѣкоторый отпоръ и въ крѣпостной средѣ. Представительницей противоположныхъ взглядовъ являлась ключница г-жи Затрапезной, Акулина. Авторъ поясняетъ, что Аннушка и Акулина „едва ли даже не сходились во взглядахъ на условія, при которыхъ возможно совмѣстное существованіе господъ и рабовъ (обѣ одинаково признавали слѣпое повиновеніе главнымъ факторомъ этихъ условій), но первая была идеалистка и смягчала свои взгляды на рабство утѣшеніями „отъ писанія“, а вторая, какъ истая саддукеянка, смотрѣла на рабство, какъ на фаталистическое ярмо, которое при самомъ рожденіи придавило шею, да такъ и приросло къ ней“.

[2]) Такъ за намекъ въ дѣвичьей на то, что господа должны соблюдать Господнюю заповѣдь объ отдыхѣ въ седьмой день, она была поставлена въ столовой во время обѣда на колѣни и затѣмъ „за наказаніе“ ее цѣлый мѣсяцъ не пускали въ дѣвичью. Другой разъ она пострадала серьезнѣе по слѣдующему поводу, доказывающему, что и въ крѣпостную среду проникали вѣсти объ указахъ правительства, изданныхъ съ цѣлью ограниченія крѣпостного права. Когда вышелъ указъ, воспрещавшій продавать крѣпостныхъ иначе какъ въ составѣ цѣлыхъ семействъ (2-ое П. С. З. VIII, № 6163, указъ 2 мая 1833 г.), то, по свидѣтельству Салтыкова, „вѣсть объ этомъ быстро распространилась по селамъ и деревнямъ“. Аннушка не преминула сказать по этому поводу: „Милостивъ батюшка-царь! и объ насъ многострадальныхъ рабахъ вспомнилъ“,—и за это немедленно подверглась тѣлесному наказанію (гл. XVIII).

ности, готоваго безропотно дѣлать все, что ему прикажутъ (гл. XXI). Но всего любопытнѣе и оригинальнѣе типъ двороваго, „Сатира-скитальца“, не разъ бывшаго въ бѣгахъ и приносившаго по возвращеніи довольно крупныя суммы на церковь, собранныя имъ во время странствованій. Подозрѣвали было, что онъ принадлежитъ къ сектѣ „бѣгуновъ“, однимъ изъ догматовъ которой было отрицаніе помѣщичьей власти, но, по мнѣнію автора, это подозрѣніе было несправедливо, такъ какъ онъ не скрывался отъ властей, какъ послѣдователи этой секты, а появлялся вездѣ открыто и собиралъ подаяніе на церковь въ самыхъ людныхъ мѣстахъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что „Сатиръ-скиталецъ“, какъ и бѣгуны, ни за что не хотѣлъ брать паспорта и, такъ же, какъ и они, отрицательно относился къ крѣпостному праву. Во время предсмертной болѣзни его мучила мысль, что онъ предстанетъ на томъ свѣтѣ въ рабскомъ видѣ. По его словамъ, крѣпостные — „прежде вольные были, а потомъ сами свою волю продали. Изъ-за денегъ господамъ въ кабалу продались. За это вотъ и судить насъ будутъ“. Хотя продались и не теперешніе крѣпостные, а ихъ предки въ старину, но первые должны отвѣчать за грѣхъ послѣднихъ. „Нѣтъ того грѣха тяжеле, коли кто волю свою продалъ. Все равно, что душу“, говорилъ Сатиръ. Въ противоположность ученію Аннушки, онъ думалъ, что неволя навѣки закрыла рабамъ райскія двери. Во время предсмертной болѣзни онъ мечтаетъ о принятіи иночества, такъ какъ такимъ образомъ съ него будетъ снятъ рабскій образъ, и онъ предстанетъ на вышній судъ въ ангельскомъ чинѣ. Сатиръ умираетъ, не успѣвъ осуществить свое завѣтное желаніе, но предъ смертію видитъ себя во снѣ инокомъ (гл. XXIII). Такъ, подобно одной старушкѣ, которая, когда ее спрашивали, какой моментъ въ своей жизни она считаетъ самымъ счастливымъ, всегда разсказывала одинъ сонъ, приведшій ее въ такой восторгъ, что она не могла его забыть, и Сатиръ во всю свою жизнь былъ истинно счастливъ только однажды—во снѣ.

Такимъ образомъ, путемъ личныхъ воспоминаній и еще болѣе — геніальнаго прозрѣнія авторъ вводитъ насъ во внутренній міръ той рабской среды, душа которой до „Пошехонской старины“ оставалась для насъ во многихъ отношеніяхъ книгою за семью печатями. Уже одна эта заслуга, не говоря о множествѣ другихъ, будетъ вызывать всегда глубокую благодарность Салтыкову со стороны историковъ нашего крестьянства.

VI.

Мы видѣли, съ какимъ несочувствіемъ, по свидѣтельству Салтыкова, большинство дворянъ отнеслось къ крестьянской реформѣ; весьма естественно, что, при такомъ настроеніи нашего высшаго сословія, сейчасъ же послѣ 19 февраля 1861 г. стали раздаваться крики о вредныхъ послѣдствіяхъ освобожденія для самого народа, явилось стремленіе подорвать дѣло реформы. Нашъ сатирикъ, разумѣется, не могъ оставить безъ вниманія этого ретроград-наго теченія въ обществѣ, и онъ не разъ, и довольно подробно, останавливается на немъ. Такъ въ „Письмахъ о провинціи“, (печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1868—1870 г.г.) Салтыковъ говоритъ: „Въ провинціальномъ обществѣ существуютъ извѣстные слои, въ которыхъ 19 февраля отозвалось послѣдствіями свойства довольно неожиданнаго... Вліятельными практическими дѣятелями на почвѣ 19 февраля явились люди, не могущіе и даже не дающіе себѣ труда воздержаться отъ судорожнаго подергиванія при малѣйшемъ намекѣ на эту почву; люди же, всецѣло преданные дѣлу, вѣрящіе въ его будущность, очень часто не только отстраняются отъ всякаго вліянія на правильный исходъ его, но даже, къ великой потѣхѣ многочисленнаго сонмища фофановъ и праздношатающихся, обзываются коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами“. — „Ненавистникъ“, продолжаетъ Салтыковъ, „всякую народную бѣду готовъ пріурочить къ 19 февраля,

потому что въ дурацкой его головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной этимъ ужаснымъ для него числомъ". Одною изъ самыхъ обычныхъ темъ для разсказовъ такихъ „ненавистниковъ" является пьянство, будто бы охватившее весь народъ послѣ уничтоженія крѣпостного права (II, 360—366, 387—391, ср. 404—407, IV, 27—28, 241—242). Со временемъ реакціонное теченіе все усиливалось. Въ „Кругломъ годѣ" (1879 г.) авторъ хотя и признаетъ, что „засиліе гадъ взялъ", но все-таки еще убѣжденъ, что этимъ „гадамъ" не удастся „земство отмѣнить, судъ присяжныхъ уничтожить, цензуру возстановить, крѣпостное право возродить" (VII, 364). Однако времена становились все тяжелѣе, и вотъ нашему сатирику приходится уже въ „Письмахъ къ тетенькѣ" (1881 г.) сказать: „стоитъ только оплошать,—и крѣпостное право вновь осѣнитъ насъ крыломъ своимъ" (VI, 255). Эта мысль естественно вызывала желаніе выставить крѣпостное право въ истинномъ свѣтѣ, что Салтыковъ и исполнилъ съ такимъ великимъ искусствомъ въ „Пошехонской Старинѣ".

Подробно останавливаясь въ своихъ произведеніяхъ на крѣпостномъ правѣ до его уничтоженія и на самомъ моментѣ крестьянской реформы, Салтыковъ столь же внимательно изучаетъ и ея послѣдствія, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Онъ рисуетъ прежде всего ту полную неподготовленность къ новымъ порядкамъ, полное неумѣніе вести хозяйство при вольномъ трудѣ, которыя обнаружили весьма многіе помѣщики [1]).

[1]) Въ одной изъ главъ „Монрепо" Салтыковъ говоритъ: „Оставшись съ клочками земли, которыя самъ облюбовалъ при составленіи уставныхъ грамотъ и не безъ грѣха утянулъ отъ крестьянскихъ надѣловъ, помѣщикъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, какъ ихъ сберечь" (IV, 521). „Съ освобожденіемъ крестьянъ", говоритъ авторъ въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ", „помѣщиками овладѣло какое-то страстное желаніе ликвидировать. Безденежье, неумѣлость, неприготовленность, гнетъ старыхъ привычекъ и пріемовъ,—все соединилось, чтобы поддерживать въ нихъ это стремленіе" (V, 398). По словамъ Салтыкова, въ „Современной идилліи", помѣщикъ послѣ эмансипаціи „на первыхъ порахъ побаловался съ выкупными свидѣтельствами, но черезъ короткое время

Одни помѣщики и не пытались приспособляться къ новымъ порядкамъ жизни, наступившимъ съ освобожденіемъ крестьянъ, и покидали деревни; другіе пробовали бороться посредствомъ введенія машинъ въ свое хозяйство, но, при неумѣніи съ ними обращаться, эти попытки оканчивались полною неудачею.

„То было время сѣвооборотовъ, покупки машинъ, продажи выкупныхъ свидѣтельствъ и преимущественно, трактирныхъ безобразій", разсказываетъ Салтыковъ въ „Пестрыхъ письмахъ" (VIII, 281). „Денегъ появилось множество, почти вся Россія была вымѣнена на выкупныя свидѣтельства. Явились ростовщики и кровопійцы, которые скупали эти свидѣтельства за грошъ. Но владѣльцы не обращали на это вниманія въ надеждѣ, что вольный трудъ вознаградитъ сторицею". Закупались жнеи, сѣноворошилки и плужки у Бутенопа, но черезъ недѣлю они уже лежали поломанные отъ неумѣлаго употребленія. „Помѣщикъ, ни къ чему не приготовленный, лѣнивый и безпечный, способенъ былъ только питаться надеждами и зря бросать деньги. Онъ не понималъ, что для того, чтобы извлекать изъ сельскаго хозяйства двугривенные, нужно вставать съ зарею, цѣлые дни бродить по полю и, придя вечеромъ домой, усчитывать себя". То же явленіе еще ранѣе было отмѣчено Салтыковымъ въ „Монрепо" (IV, 458—462).

Однако не всѣ землевладѣльцы изъ дворянъ оказались неспособными примѣниться къ новымъ условіямъ; нашлись и такіе, которые скоро сумѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ крестьянъ и на ихъ эксплуатаціи построили свое благосостояніе. Уже въ очеркѣ „Нашъ „savoir-vivre", напечатанномъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ 1868 г., Салтыковъ отмѣчаетъ, что „меньшему брату", занявшему у дворянина деньги, приходится „и пахать, и боронoвать, и сѣять, и косить, и жать", и все это за одни проценты, а долгъ — „само собой" (II, 279). Въ „Дневникѣ Провинціала" (1872 г.) упоминается о помѣщицѣ, которая „такъ сильно штрафуетъ крестьянъ за по-

вдругъ безъ остатка исчезъ" (VII, 131). Въ „Мелочахъ жизни" авторъ поясняетъ, что распродали свои имѣнія и „разбѣжались куда глаза глядятъ", преимущественно мелкопомѣстные помѣщики, крупные же землевладѣльцы и часть помѣщиковъ средней руки, выдѣливъ крестьянамъ ихъ надѣлы, остальную землю сдаютъ по частямъ въ аренду (VIII, 352—354).

траву, что даже Фетъ, — и тотъ отъ нея бѣгать сталъ" (IV, 367). Художественнымъ олицетвореніемъ такихъ личностей является кузина Машенька въ „Благонамѣренныхъ рѣчахъ". Усердно занимаясь скупкою земель, она знаетъ, что непремѣнно слѣдуетъ пріобрѣтать землю, близкую къ крестьянской околицѣ, потому что она „мужичкамъ нужна; мужички за нее что хочешь дадутъ: боятся штрафовъ". Орудуя съ землею, такія личностя не брезгуютъ и заведеніемъ кабаковъ (V, 508—509, 518—519, 533). Въ „Пошехонскихъ разсказахъ" Салтыковъ выводитъ помѣщика Артемія Клубкова, построившаго свое благосостояніе на эксплуатаціи крестьянъ и цинично объясняющаго, что мужикамъ некуда дѣваться въ тѣхъ „западняхъ", которыя называются ихъ надѣлами (VII, 463—469) [1]. Понятно, что при появленіи подобныхъ типовъ въ помѣщичьей средѣ, дворяне, гуманно относившіеся къ крестьянамъ и дешево отдававшіе имъ землю въ аренду, возбуждали негодованіе многихъ сосѣдей, и ихъ старались выжить всевозможными доносами (V, 410); такое же негодованіе возбуждали и тѣ исключительныя личности изъ дворянскаго сословія, которыя сами взялись за земледѣльческій трудъ.

Возможность появленія типовъ, въ родѣ кузины Машеньки, Клубкова и Лобкова, показываетъ, что въ экономическомъ положеніи бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ послѣ эмансипаціи было мало завиднаго. Какъ мы видѣли, и значительная доля помѣщиковъ сильно пострадала отъ освобожденія крестьянъ. Такимъ образомъ, подобно поэту, утверждавшему, что порвавшаяся цѣпь крѣпостного права ударила „однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику", и нашъ сатирикъ въ „Пошехонскихъ разсказахъ" говоритъ: „житницы дружинниковъ запустѣли, житницы „меньшихъ братьевъ" не наполнились. Какимъ образомъ произошло

[1]) Помѣщикъ Лобковъ въ „Мелочахъ жизни" (VIII, 363—366) донимаетъ крестьянъ штрафами и непомѣрными процентами въ формѣ различныхъ хозяйственныхъ работъ за ссуды, выдаваемыя имъ хлѣбомъ, сѣномъ и т. п.

явленіе столь изумительное, объ этомъ покуда не велѣно сказывать. Но достовѣрно, что оно совершилось у всѣхъ на глазахъ и удивило даже самихъ, ничему не удивляющихся, пошехонцевъ" (VII, 458). Одно изъ объясненій этого явленія составляетъ появленіе Деруновыхъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Нельзя не считать одною изъ выдающихся заслугъ Салтыкова то, что онъ мастерски ихъ характеризовалъ; что же касается крестьянъ, то причина ихъ обѣдненія заключается въ недостаточности надѣловъ и тяжести лежащихъ на нихъ платежей. Н. Г. Чернышевскій, взявъ на удачу восемнадцать уѣздовъ изъ разныхъ губерній Великороссіи, вычислилъ, на основаніи статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ редакціонными комиссіями, что, между тѣмъ какъ при крѣпостномъ правѣ крестьяне оброчныхъ вотчинъ (болѣе ста душъ) въ этихъ мѣстностяхъ, платили оброку *съ десятины* 2 руб. 9 коп., послѣ освобожденія они должны были платить по 2 руб. 30 коп., и что въ тоже время размѣры ихъ надѣловъ уменьшились на 24%. Позднѣйшіе изслѣдователи обратили еще вниманіе на то, что самимъ „Положеніемъ 19-го февраля" былъ установленъ принципъ обратнаго отношенія между размѣромъ надѣла и оброчнымъ платежомъ, падающимъ на *каждую* десятину, и что такой способъ опредѣленія платежей за землю дѣлалъ выгоднымъ для помѣщика возможно меньшее надѣленіе крестьянъ землею, такъ какъ если при высшемъ размѣрѣ надѣла и высшемъ душевомъ оброкѣ послѣдній вполнѣ соотвѣтствуетъ доходности земли, то при меньшемъ надѣлѣ оброчный платежъ за него долженъ быть непремѣнно выше его дѣйствительной доходности [1]). Тѣ 600.000 душъ крестьянъ, которые взяли надѣлъ по одной десятинѣ на душу, не несли за него никакихъ платежей въ пользу помѣщика, но за то они очутились уже въ совершенной экономической зависимости отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ; не даромъ такіе надѣлы были названы нищенскими.

---

[1]) См. книгу *Л. В. Ходскаго.* „Земля и земледѣлецъ" т. II.

Положеніе бывшихъ дворовыхъ послѣ эмансипаціи Салыковъ изображаетъ обыкновенно довольно мрачными красками [1]); кратко оно формулируется словами двухъ старуıекъ, бывшихъ дворовыхъ, въ „Современной идилліи“: служили мы папенькѣ, маменькѣ вашей, въ слезахъ хлѣбъ ли, а нонѣ слезы остались, а хлѣба нѣтъ“ (VII, 150). Io изъ этихъ же дворовыхъ вышли отчасти Колупаевы и 'азуваевы [2]). Разуваевъ, будучи дворовымъ человѣкомъ орнета Отлетаева, пользовался особымъ расположеніемъ орнетши, а жена его, тогда еще дѣвушка, такимъ же асположеніемъ корнета (VI, 522—524). Финогѣичъ (въ Письмахъ къ тетенькѣ“), также бывшій дворовый, былъ ри крѣпостномъ правѣ буфетчикомъ; хотя онъ и пригоаривалъ: „я, по милости барской, сытъ, обутъ и одѣтъ— икакой мнѣ воли не надобно!“ однако, какъ оказывается, нъ мечталъ о волѣ и, сберегая все свое жалованье (6 руб. ь годъ), умѣлъ приращать его сокровенною отдачею деэгъ на проценты (VI, 230). Домнушка (въ тѣхъ же „Письахъ къ тетенькѣ“, дочь дворовой женщины, готовящаяся эйти въ ряды Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, сколотила апиталецъ, промышляя въ столицѣ собственнымъ тѣломъ, затѣмъ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы, заведя кабакъ ь харчевнею и лавкою, показать свою силу въ томъ мѣстѣ, цѣ ея мать была въ рабскомъ состояніи (VI, 239). Таковы ографіи Колупаевыхъ изъ дворовыхъ. Къ нимъ присое-

---

[1]) См. Соч. III, 435—438, и „Портной Гришка“ въ „Мелочахъ изни“ (т. VIII).

[2]) Жизнь одной изъ подобныхъ личностей нашъ сатирикъ сжато рактеризуетъ въ „Монрепо“ такими чертами: „Помѣщикъ, Сидоръ ондратьичъ Прогорѣловъ, нѣкогда звалъ его Егоркой, потомъ сталъ ать Егоромъ Ивановымъ, потомъ — Егоромъ Иванычемъ, а теперь съ и прямо произносятъ полный титулъ: Егоръ Иванычъ господинъ уздевъ. Егорка прижалъ въ свое время у Сидора Кондратьича нѣолько сотенъ рублей; Егоръ Ивановъ—опуталъ ими деревню; Егоръ ванычъ съѣздилъ въ городъ, узналъ, гдѣ раки зимуютъ, и открылъ бакъ, а при ономъ и лавку въ качествѣ подспорья къ кабаку, а сподинъ Груздевъ уже о томъ мечтаетъ, какъ бы ему „банку“ гроить и въ конецъ родную палестину слопать“.

диняются Деруновы изъ мѣщанъ, въ значительной степени основавшіе свое благосостояніе на помѣщичьемъ разореніи (V, 294, 370). Мѣстами къ этимъ нашимъ „собственнымъ евреямъ“ присоединяются и евреи настоящіе (VII, 210), причемъ, по мнѣнію сатирика, все преимущество первыхъ надъ послѣдними состоитъ въ томъ, что еврей скажетъ: „дурака шашу“, тогда какъ Деруновъ съ Колупаевымъ прямо отчеканятъ: „сосу дурака“ — и шабашъ (VII, 564). Міросозерцаніе Колупаевыхъ и Разуваевыхъ очень несложное: когда ихъ предостерегаютъ, что, при слишкомъ усердномъ сосаніи мужика, имъ не съ кого будетъ собирать своихъ барышей, они отвѣчаютъ: „йенъ достанетъ!“ „Просто, глупо“, прибавляетъ Салтыковъ, „и между тѣмъ изумительно глубоко. Эту фразу слѣдовало бы золотыми буквами начертать на всѣхъ пантеонахъ, ибо въ сущности, на ней одной издревле всѣ экономисты и финансисты висятъ“ (IV, 540—541)[1]. Но Деруновъ не довольствуется для объясненія своихъ дѣйствій циническимъ „йенъ доста-а-нетъ!“ Онъ представляетъ себя столпомъ отечества и въ желаніи крестьянъ взять за пудъ хлѣба двугривеннымъ дороже видитъ бунтъ и потрясеніе основъ, такъ какъ онъ, Деруновъ, ставитъ хлѣбъ въ казну и продовольствуетъ имъ армію, подобно тому, какъ фабриканты „обвиняли своихъ

---

[1]) Можно прибавить, что, и по свидѣтельству самого народа, основательность этой философіи давно сознали не одни Колупаевы и Разуваевы. Въ народномъ сказаніи „о древне-русскихъ князьяхъ и царяхъ“, записанномъ г. Барсовымъ на сѣверѣ Россіи, все измѣненіе въ отношеніи власти къ народу формулируется такимъ образомъ: сначала съ „граждан — новгородцевъ“ собираютъ по половинѣ бѣличьяго хвоста, затѣмъ по половинѣ бѣличьей шкуры, черезъ нѣкоторое время по цѣлой бѣличьей шкурѣ; бѣличья шкура позднѣе была замѣнена „малыми деньгами“, а потомъ „и въ Сѣверной Украинѣ, и въ Олонецкомъ краѣ, и въ Новѣгородѣ... пуще и пуще повышали дань, съ алтына на четвертину, а съ четвертины на полтину, а съ полтины на рубль, и такъ до Петра I, а послѣ Петра платили и съ живой души, и съ мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять“. (Древняя и Новая Россія“, 1879 г, № 9. стр. 400 — 401). Знакомясь съ этою философіею русской исторіи съ точки зрѣнія самого народа, невольно вспомнишь принципъ Разуваева: „йенъ доста-а-нетъ“!

рабочихъ въ бунтѣ за то, что они соглашались работать не иначе, какъ подъ условіемъ увеличенія заработной платы“ (V, 307—308, ср. VII, 324). На томъ же основаніи и еврей Лазарь въ „Современной идилліи“ считаетъ выгоднѣе и безопаснѣе обсчитать всѣхъ рабочихъ, потому что, если „*всѣ разомъ* будутъ разсчета требовать, то выйдетъ бунтъ, а тамъ какъ-разъ и неповиновеніе властямъ: „А игдѣ же у насъ господинъ исправникъ тутъ?“ (VII, 214).

Какъ мы уже упоминали, Деруновы, Колупаевы и Разуваевы служатъ для Салтыкова однимъ изъ объясненій того страннаго явленія, что „житницы дружинниковъ запустѣли, житницы „меньшихъ братьевъ“ не наполнились.

„Эти шустрые люди“, говоритъ Салтыковъ въ „Пошехонскихъ разсказахъ“, отлично поняли, что „меньшій братъ“ (послѣ эмансипаціи) „засовался, и что прежде всего его слѣдуетъ остепенить“. Или, говоря иначе, „необходимо дать пошехонскому поту такое примѣненіе, благодаря которому, онъ лился бы столько же изобильно, какъ при крѣпостномъ правѣ, и въ то же время назывался бы „вольнымъ“ пошехонскимъ потомъ... И все, какъ нарочно, сложилось такъ, чтобы увѣнчать ихъ предпріятіе успѣхомъ. И купленные за грошъ за надѣльные обрѣзки, и надѣлы, устроенные на манеръ западней, и распивочная продажа вина — все устроилось на потребу потомку древнихъ гужеѣдовъ и на пагубу поильцу-кормильцу пошехонской земли. Въ скоромъ времени меньшій братъ увидѣлъ себя до такой степени изловленнымъ, что мысль о непрерывности даней, составлявшая основной элементъ его крѣпостного существованія, вновь предстала предъ нимъ, какъ единственный выходъ, приличествующій его злосчастью“ (VII, 458—459).

Въ „Мелочахъ жизни“ (VIII, 367—373) Салтыковъ прибавляетъ къ прежней характеристикѣ „наѣзжаго міроѣда“, разночинца изъ дворовыхъ и мѣщанъ, характеристику „міроѣда-аборигена“ изъ „тѣхъ благомыслящихъ мужичковъ, которыми такъ любили хвалиться помѣщики“.

Галлерея Колупаевыхъ, Разуваевыхъ и Деруновыхъ въ произведеніяхъ Салтыкова завершается отчаяннымъ воплемъ сатирика въ „Мелочахъ жизни“ (VIII, 312, 322, 331): „Идетъ чумазый, идетъ! Я не разъ говорилъ это и теперь повторяю: идетъ, и даже уже пришелъ! Идетъ съ фальшивою мѣрою, съ фальшивымъ аршиномъ и съ неутоми-

мой алчностью глотать, глотать и глотать"... Его „агенты рыщутъ по деревнямъ, устанавливаютъ цѣны; скупаютъ, обвѣшиваютъ, обмѣриваютъ, обсчитываютъ, платятъ неосуществившимися деньгами, являются на аукціоны, отъ которыхъ плачетъ недоимщикъ, чутко прислушиваются къ бабьимъ стонамъ и цѣлыми обществами закабаляютъ людей, считающихся свободными... Мало того: чумазый внѣдрился въ самую деревню въ видѣ кабатчика, прасола, кулака, міроѣда. Эти ужъ дѣйствуютъ не наѣздомъ, а постоянно и не торопясь". Наконецъ, сатирикъ выражаетъ опасеніе, что чумазый слопаетъ не только народъ, но и интеллигенцію, такъ какъ она „ни откуда не защищена и гибнетъ безпомощно, какъ быліе въ полѣ". Это не покажется невозможнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что къ числу чумазыхъ, какъ видно изъ заключительной главы „Монрепо", Салтыковъ причисляетъ не только кабатчиковъ и міроѣдовъ, а также и „желѣзнодорожниковъ и прочихъ міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ", которые на вопросъ: „что есть истина?"—твердо и неукоснительно отвѣчаютъ: „распивочно и на выносъ" (IV, 548). Протестуя противъ дворянскихъ притязаній на преобладаніе надъ другими сословіями, Салтыковъ не могъ, конечно, иначе, какъ отрицательно, относиться къ такимъ же притязаніямъ нарождающейся буржуазіи. Въ „За рубежомъ" онъ уже отмѣчаетъ, что Колупаевъ съ Разуваевымъ начинаютъ просить „конституцiевъ"... „Намъ чтобъ „конституцiевъ" дали", толкуютъ они, „а толоконниковъ чтобъ къ намъ подъ началъ опредѣлили, да чтобъ за печатью: и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ" (VI, 15).

Характеризуя экономическія послѣдствія освобожденія крестьянъ, нашъ сатирикъ не забываетъ въ то же время постоянно указывать на нравственное вліяніе крѣпостного права и послѣ его уничтоженія и въ этомъ вліяніи находитъ объясненіе для многихъ, самыхъ разнообразныхъ, явленій нашей жизни. Въ очеркѣ „Хищники" (вошедшемъ въ составъ „Признаковъ времени"), произведеніи второй половины шестидесятыхъ годовъ, Салтыковъ настоятельно

рекомендуетъ этотъ вопросъ вниманію читателей слѣдующими энергическими словами: „Тѣ, которые говорятъ: зачѣмъ напоминать о крѣпостномъ правѣ, котораго уже нѣтъ? Зачѣмъ нападать на лежачаго? — говорятъ это единственно по легкомыслію. Хотя крѣпостное право въ своихъ прежнихъ осязательныхъ формахъ не существуетъ съ 19-го февраля 1861 г., тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ остается единственнымъ живымъ мѣстомъ въ нашемъ организмѣ. Оно живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ... Изъ этого живоноснаго источника доселѣ непрерывно сочатся всякія нравственныя и умственныя оглушенія, заражающія нашъ воздухъ и растлѣвающія наши сердца трепетомъ и робостью... Говорятъ: „нѣтъ крѣпостного права! Нѣтъ! оно есть, но имя ему: „хищничество“ (II, 300—301, ср. 406—407)[1]). „Крѣпостное право упразднено“, повторяетъ Салтыковъ и позднѣе въ очеркѣ „Похороны“ (1878 г.), „но еще не сказало своего послѣдняго слова. Это цѣлый громадный строй, который слишкомъ жизненъ, всепроникающъ и силенъ, чтобы исчезнуть по первому мановенію“ (VI, 438).

Вліяніе крѣпостного права сатирикъ видитъ и въ земствѣ, среди дѣятелей котораго нашлось мѣсто и Дракинымъ (VI, 248—250), и въ новыхъ судахъ, гдѣ „травлю“ подсудимаго „при помощи психологіи“ Салтыковъ прямо считаетъ наслѣдіемъ крѣпостного права, воспитавшаго въ насъ страсть къ истязаніямъ и къ зрѣлищамъ разныхъ звѣрскихъ расправъ (VII, 514—515, 521), и даже въ

---

[1]) Къ этому же вопросу авторъ возвращается въ „Дневникѣ провинціала“ (1872 г.), выводя на сцену Петра Ивановича Дракина. Этотъ господинъ еще вчера стригъ дѣвкамъ косы и наказывалъ людей на конюшнѣ, но послѣ эмансипаціи сталъ повторять: „слава Богу, и мы, наконецъ, освободились отъ этого постыднаго, ненавистнаго права“, и только подъ шумокъ то переселялъ крестьянъ на сыпучіе пески, то оттягивалъ у нихъ огороды. Прошелъ однако всего какой-нибудь десятокъ лѣтъ, и Дракины „и въ столицѣ, и въ провинціи, и въ деревнѣ“ распоряжаются какъ у себя дома и не упускаютъ ни одного случая, чтобы занять утраченныя позиціи“ (IV, 429—433).

литературѣ [1]). „Крѣпостничество, одѣвшееся въ мантію консерватизма“, является, по мнѣнію сатирика, „чужеяднымъ элементомъ, тормозящимъ правильное развитіе“ реформъ шестидесятыхъ годовъ; слѣды его чувствуются во всемъ, „что носитъ на себѣ печать произвола“ (II, 383, 406). Вліяніе крѣпостничества сатирикъ видитъ и въ нѣкоторыхъ административныхъ пріемахъ. Крѣпостничество сказывается, наконецъ, и вообще въ міросозерцаніи извѣстной части русскаго общества [2]).

Но, указывая постоянно на вліяніе крѣпостного права и послѣ его упраздненія, сатирикъ въ немъ же находитъ матеріалъ и для предостереженія тѣмъ, которые слишкомъ безцеремонно пользуются пріемами, унаслѣдованными отъ дореформенной эпохи. Онъ напоминаетъ, что, если даже допустить, что Россія—пирогъ, то все-таки нужно ѣсть его, „не надругаясь надъ Божьимъ даромъ... какъ при крѣпостномъ правѣ ѣдали умные ѣдоки, которые отлично понимали, что мужика невыгодно обглодать до костей“. Онъ доказываетъ, что не составляетъ большой бѣды, еслибы иногда наши соотечественники немножко и пошумѣли, и въ доказательство своей мысли ссылается на то, что добрые и умные помѣщики „допускали хороводы, игры и вообще всякое невинное, хотя бы и шумное, изліяніе мужицкаго веселонравія“ [3]). Наконецъ, сатирикъ, въ поученіе

[1]) „Литература наша и до днесь“, писалъ онъ въ 1878 г., „представляетъ два, совершенно отличные, типа: съ одной стороны недоконченность, невысказанность, боязнь, съ другой стороны такая ясность, которая равносильна наглости, доведенной до разврата. Очевидно, въ воздухѣ носится еще крѣпостное право“ (VI, 437).

[2]) По словамъ Салтыкова, хищничество „любитъ видѣть лица довольныя, и ежели факты не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ, то укоряетъ въ неблагодарности и нераскаянности“, подобно тому какъ помѣщики зачисляли въ разрядъ нераскаянныхъ и неисправимыхъ тѣхъ крѣпостныхъ, которые послѣ наказанія, благодаря за науку, не имѣли „вида бодраго и напредки готоваго“ (II, 305).

[3]) Авторъ разсказываетъ „молодымъ карьеристамъ“ объ одномъ помѣщикѣ, который заботами объ установленіи въ своемъ селѣ помѣщичьяго авторитета довелъ крестьянъ до того, что они, вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, вѣчно стояли выпучивши глаза и глядѣли,

правящему классу, напоминаетъ и о тѣхъ неумѣлыхъ помѣщикахъ, которые заставляли людей дѣлать именно такое дѣло, къ какому они не способны, и особенно „держались этой системы при распредѣленіи сельскихъ и хозяйственныхъ должностей, стараясь угадать, кто именно въ качествѣ старосты или приказчика можетъ быть всего непріятнѣе мужикамъ“ (VII, 248—261). Но къ сожалѣнію, совѣтовъ сатирика плохо слушались тѣ, къ кому онъ ихъ адресовалъ, и въ тѣ минуты, когда онъ вспоминалъ, что вотъ уже двадцать лѣтъ приходится повторять „хуже никогда не бывало“, и искать объясненія, какъ при всемъ томъ можно еще существовать, онъ находилъ такое объясненіе опять-таки въ указаніи на времена крѣпостного права, когда люди умудрялись жить при „вѣчной барщинѣ, вѣчной крѣпости, вѣчномъ ожиданіи мучительныхъ сюрпризовъ“ (VI, 366).

VII.

Мы ограничивались до сихъ поръ характеристикою того, какъ отразилось въ произведеніяхъ Салтыкова крѣпостное право, крестьянская реформа и связанныя съ ними явленія нашей жизни. Но нельзя не остановиться надъ отношеніемъ нашего автора къ крестьянскому міру вообще. Для множества теперешнихъ читателей сочиненій Салтыкова его разсказы изъ народной жизни, вошедшіе въ составъ „Губернскихъ очерковъ“ и „Невинныхъ разсказовъ“, были, безъ сомнѣнія, совершенною неожиданностью. Читателей должно было въ нихъ поразить и прекрасное знаніе народной жизни, и теплое, любовное отношеніе къ народу, дающее автору ключъ къ пониманію даже такихъ сторонъ его жизни, какъ, напр., религіозное міросозерцаніе нашихъ странниковъ и богомольцевъ.

„не появится ли гдѣ-нибудь баринъ, чтобы своевременно отвѣсить ему требуемый поклонъ“. Въ концѣ концовъ это привело къ печальному для самого помѣщика результату, такъ какъ его имѣніе было продано съ аукціоннаго торга. Срав. Соч. VII, 248, 251, VI, 366.

Не скрывая невѣжества народа, авторъ объясняетъ его тѣмъ соціальнымъ строемъ, подъ вліяніемъ котораго слагалась его жизнь, и на этотъ строй онъ главнымъ образомъ направляетъ свои удары, для народа же находитъ преимущественно слова теплой любви, а не горькаго порицанія, хотя бы и навѣяннаго тою же любовью. Намъ кажется, что отношеніе Салтыкова къ народу, какъ въ самыхъ раннихъ (второй половины 1850-хъ и начала 60-хъ гг.), такъ и въ послѣдующихъ произведеніяхъ, въ основѣ своей совершенно одинаково,—разница только въ томъ, что въ этихъ раннихъ произведеніяхъ авторъ болѣе говоритъ о народѣ художественными образами, отчасти противопоставляя симпатичнымъ личностямъ изъ народной среды отрицательные типы представителей высшаго сословія; въ позднѣйшихъ же произведеніяхъ съ половины шестидесятыхъ до половины восьмидесятыхъ годовъ онъ болѣе касается народной жизни въ публицистической формѣ, которая давала ему возможность раскрыть свою мысль со всѣми ея оттѣнками. Къ тому же, съ паденіемъ крѣпостного права можно уже было смѣлѣе указывать на отрицательныя стороны народнаго быта, не опасаясь сыграть въ руку тѣмъ крѣпостникамъ, которые до эмансипаціи кричали, что народъ еще не созрѣлъ для освобожденія. Когда рухнуло крѣпостное право, Салтыковъ нашелъ не только возможнымъ, но и необходимымъ высказывать о нравственномъ и умственномъ состояніи народа такую же суровую правду, какую онъ бросалъ въ глаза и другимъ сословіямъ. Нашъ сатирикъ сталъ нерѣдко съ негодованіемъ указывать на забитость народа, его неумѣніе отразить насиліе, иногда даже неразумное одобреніе торжествующей грубой силы. Это не значитъ, разумѣется, что онъ сталъ относиться къ народу съ меньшею любовью (мы увидимъ, напротивъ, что трудно болѣе горячо защищать интересы низшихъ классовъ); это значитъ только, что нашъ сатирикъ совершенно справедливо не считалъ фальшивую идеализацію, приторно-слащавое отношеніе къ народу, въ

которыхъ онъ впрочемъ и прежде не былъ повиненъ, признакомъ истинной любви къ нему.

Такое трезвое и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-симпатичное отношеніе къ народу мы находимъ напр., въ одной изъ общественныхъ хроникъ Салтыкова, печатавшихся въ „Современникѣ“, безъ имени автора [1]). Затѣмъ, въ „Письмахъ о провинціи“, появившихся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1868 — 1870 гг., Салтыковъ, между прочимъ, говоритъ: „Русскій мужикъ бѣденъ дѣйствительно, бѣденъ всѣми видами бѣдности, какія только возможно себѣ представить и,—что всего хуже—бѣденъ сознаніемъ этой бѣдности“. Но тутъ же сатирикъ спѣшитъ предупредить возможность раздражительнаго отношенія къ народу. „Негодованіе, которое проникаетъ человѣка при видѣ явленій легковѣрія, одичалости и насильства, непрерывно сочащихся изъ сердца народныхъ массъ, невольно утихаетъ, когда собственными руками прикасаешься къ той проказѣ, которою они заражены, и собственными легкими вдыхаешь струю той затхлой атмосферы, которою они дышатъ“. И далѣе авторъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ говоритъ о печальномъ экономическомъ положеніи народа. Указывая на кичливые толки о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріата, онъ продолжаетъ: „Да, „пролетаріата“ нѣтъ, но взгляните въ наши деревни, даже подстоличныя, и вы увидите сплошныя массы людей, для которыхъ, напримѣръ, вопросъ о лишней полукопѣйкѣ на фунтъ соли составляетъ предметъ мучительнѣйшихъ думъ...“ [2]). Теперь съ появленіемъ множества безлошадныхъ, а также и бездомныхъ людей въ крестьянской общинѣ мы уже не можемъ сказать, что у насъ

---

[1]) 1864 г. № 2, стр. 207 — 224, см. извлеченіе въ книгѣ *А. Н. Пыпина* „М. Е. Салтыковъ“, посвященной характеристикѣ журнальной дѣятельности нашего сатирика въ 1863—64 гг. (Спб. 1899 г. стр. 137—146).

[2]) Въ „За рубежомъ“ авторъ напоминаетъ еще о существованіи мѣщанъ, не имѣющихъ иныхъ средствъ существованія, кромѣ личнаго труда, и массы бывшихъ дворовыхъ, которые еще менѣе обезпечены (VI, 9—10).

нѣтъ пролетаріата. Далѣе Салтыковъ замѣчаетъ: „несправедливо и едва ли даже возможно ожидать, чтобы бѣдность духовная была бы побѣждена прежде, нежели бѣдность матеріальная“ (II, 391—392). „Нельзя мыслить, нельзя развиваться и совершенствоваться“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „когда мыслительныя способности всецѣло сосредоточены на томъ, чтобы какъ-нибудь не лопнуть съ голоду“ (II, 23). Экономическое положеніе народа, по мнѣнію Салтыкова, настолько печально, что вмѣсто слова „мужикъ“, „крестьянинъ“, онъ начинаетъ сплошь и рядомъ употреблять выраженіе: „человѣкъ, питающійся лебедой“ (IV, 15, 27—29) или говоритъ о „повинномъ работѣ человѣкѣ“, который, „выбиваясь изъ силъ, надрываясь и проливая кровавый потъ, въ награду за свою вѣчную страду получитъ кусокъ мякиннаго хлѣба“ (VI, 8—9) [1]. Въ виду этого Россіи, чтобы быть вполнѣ счастливой, нужно, по мнѣнію нашего автора, прежде всего, чтобы русскій мужикъ, говоря словами Державина, „ѣлъ добры щи и пиво пилъ“, а затѣмъ „все остальное приложится“: „если это есть,—значитъ у мужика земля приноситъ плодъ сторицею... Если это есть,—значитъ, деревни въ изобиліи снабжены школами, и мужикъ воистину позналъ, что ученье свѣтъ, а неученье тьма. Если это есть,—значитъ, казна государева ломится подъ тяжестью серебра и злата, и нѣтъ надобности ни въ „выбиваніяхъ“, ни въ экзекуціяхъ для пополненія казенныхъ сборовъ“ (IV, 510). Но пока—этого нѣтъ; напротивъ, мужикъ „до того незащищенъ, что тутъ самая незащищенность почти равняется защищенности“ (IV, 534), „необезпеченность, доведенная до лебеды, равняется обезпеченности“ (VII, 129). Говоря объ отношеніи Салтыкова къ народу, нельзя не упомянуть, наконецъ, о превосходной сказкѣ „Коняга“, проникнутой самою горячею любовью къ нашему крестьянину, и о „Христовой ночи“,

[1]) Салтыковъ напоминаетъ, что когда-то Россія торговала съ Византіей шкурами, воскомъ и медомъ, теперь же „шкуры спущены, а воскъ и медъ за недоимки пошли“ (VI, 59—60).

открывающей всѣмъ обездоленнымъ и угнетеннымъ надежду на лучшее будущее (см. еще т. VII, 454—455).

Характеризуя отношеніе Салтыкова къ народу, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить его взгляды на общину и круговую поруку. Онъ не разъ защищаетъ поземельную общину отъ разрушительныхъ наѣздовъ самозванныхъ благодѣтелей народа изъ административной среды (III, 308. 310, 313, 314, 316, „Сказки", 89—91); въ „Монрепо" авторъ высказываетъ правильный взглядъ и на важное значеніе принципа круговой поруки. „Сѣрый человѣкъ изнываетъ въ тенетахъ круговой поруки", говоритъ Салтыковъ; „надо объяснить ему, что задача круговой поруки совсѣмъ не въ томъ заключается, чтобы изнурять, а въ томъ, чтобы представлять очень существенныя гарантіи" (IV, 465). (Срав. статьи о круговой порукѣ С. А. Щепотьева и Ф. А. Щербины въ „Сѣв. Вѣстн." 1886 г. №№ 7, 8 и 11). Но въ концѣ концовъ нашъ сатирикъ, очевидно подъ вліяніемъ подавляющаго количества фактовъ о печальномъ положеніи народа, разочаровался въ спасительномъ дѣйствіи общины. Въ „Мелочахъ жизни" онъ говоритъ: община „не только не защищаетъ деревенскаго мужика отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ, но сковываетъ по рукамъ и ногамъ. Она не даетъ простора ни личному труду, ни личной инициативѣ, губитъ въ самомъ зародышѣ всякое проявленіе самостоятельности и, въ заключеніе, отдаетъ въ кабалу или выгоняетъ на улицу слабыхъ, неуспѣвшихъ заручиться благорасположеніемъ міроѣда. Было время, когда надѣялись, что община обезпечитъ хоть кусокъ хлѣба слабому члену, но нынче и эти надежды разсѣялись. Оставленные надѣлы, покинутыя и заколоченныя избы достаточно свидѣтельствуютъ о сладостяхъ деревенской жизни" (VIII, 322, ср. 367. VI, 10, VIII, 297). Тутъ справедливо только то, что община не обладаетъ чудотворною силою исцѣлять всѣ раны, наносимыя народу остальными условіями его жизни, но затѣмъ современныя изслѣдованія доказываютъ, что безъ общины народу живется не лучше, а хуже, и что общинное землевладѣніе вновь возникаетъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ его прежде не было, и слѣдовательно, при данныхъ условіяхъ, оно соотвѣтствуетъ народнымъ потребностямъ, а затѣмъ общинные принципы могутъ подлежать и дальнѣйшему развитію. Что касается будто бы подавленія общиною личности крестьянина, то въ общинѣ эта личность проявляется во всякомъ случаѣ самостоятельнѣе, чѣмъ при батрачествѣ, отъ котораго общинное землевладѣніе спасаетъ массу крестьянъ.

Не скрывая невѣжества и неразвитости народа, Салтыковъ въ то же время считаетъ совершенно естественнымъ, „что мы всѣ завѣтныя, свѣтлыя думы наши посвящаемъ той забитой, маломысленной и подчасъ жестокой толпѣ, что самый великій мыслитель, котораго мысль, повидимому,

не можетъ имѣть ничего общаго съ мыслью толпы, именно ей отдаетъ лучшую часть своей дѣятельности"... „Исторія показываетъ", говоритъ онъ далѣе, „что тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенною любовью обращались къ толпѣ, и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу". Коснувшись въ заключеніе этого письма о провинціи вопроса о сближеніи съ народомъ, авторъ рекомендуетъ „то серьезное сближеніе, гдѣ народъ является не въ качествѣ меньшей братіи, наряженной и приглаженной по праздничному, а въ качествѣ собранія людей, выросшихъ въ мѣру взрослаго человѣка. Сближеніе такого рода не имѣетъ въ себѣ ничего фантастическаго; это не славянофильское любованіе какими-то таинственными и всегда запечатлѣнными клеймомъ бозсознательности задачами, которыя суждено будто бы въ ущербъ себѣ и вопреки здравому смыслу выполнить русскому народу; это не ласкательство предразсудкамъ, жестокости и дикости, потому только, что они родились въ народѣ; нѣтъ, это просто изученіе народныхъ нуждъ и представленій, сложившихся болѣе или менѣе своеобразно, но все-таки принадлежащихъ несомнѣнно взрослому человѣку" (II, 396—398).

Въ виду печальнаго положенія народа въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи Салтыковъ особенно настоятельно рекомендуемъ людямъ интеллигентнымъ, которыхъ обстоятельства заставили жить въ деревнѣ, дѣятельность на пользу народа, „дѣло совѣта, разъясненія, просвѣщенія и посильной помощи". Подъ послѣднею онъ разумѣетъ, конечно, не одну случайную благотворительность [1]). Бѣда

[1]) Это видно изъ слѣдующихъ словъ: „Сѣрый человѣкъ изнемогаетъ отъ нищеты, поборовъ, недостатка питанія, тѣсноты жилищъ, надо сдѣлать для него доступнымъ дешевый кредитъ и при этомъ дать послѣднему такое направленіе, чтобы помощь его была чувствительна не для однихъ волостныхъ старшинъ, кабатчиковъ и міроѣдовъ, но и для массы дѣйствительно нуждающихся". Авторъ оговаривается, что найдется еще множество задачъ, „гораздо болѣе существенныхъ".

только въ томъ, что, въ виду существующихъ въ провинціи порядковъ, просвѣтительная дѣятельность въ деревнѣ оказывается не всегда для культурнаго человѣка безопасною (IV, 465—467).

Если въ „Письмахъ о провинціи“ и въ „Монрепо“ Салтыковъ указываетъ на необходимость сближенія съ народомъ въ интересахъ народа, то въ „Кругломъ годѣ“ (1879 г.) онъ касается этого вопроса съ другой точки зрѣнія:

„Мужикъ — герой современности“.., говоритъ авторъ. „И не со вчерашняго дня такъ повелось, а давненько-таки, съ конца сороковыхъ годовъ... Съ половины пятидесятыхъ годовъ... все, что ни есть въ Россіи мыслящаго и интеллигентнаго, отлично поняло, что, куда бы ни обратили взоры, вездѣ они встрѣтятся съ проблемой о мужикѣ“. Въ первые годы послѣ эмансипаціи „никакой другой рѣчи нельзя было слышать, кромѣ рѣчи о мужикѣ. Оказывалось, что онъ рѣшительно необходимъ и что даже самое слово „мужикъ“ выражаетъ нѣчто сложное, почти всепроникающее. Всѣмъ онъ нуженъ, у всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу. Тупа философія, косноязычна риторика... безъ мужика. Помѣщикъ, заводчикъ, фабрикантъ, подрядчикъ, однимъ словомъ, всякій человѣкъ практикъ, всякъ понялъ, что въ его „дѣлахъ“ на первомъ планѣ стоитъ мужикъ. Должна была понять это и литература, и не потому одному, что она обязана все понимать, но и потому, что въ этомъ дѣлѣ ей предстояло оказать существенную услугу“ (VII, 289—290).

Въ очеркѣ „Дворянская хандра“ Салтыковъ также говоритъ: „какъ бы то ни было, но отъ мысли, что заправскій узелъ все-таки тамъ, на поселкѣ, никакъ не уйдешь... Тамъ настоящій Пупъ земли, тамъ—разгадка всѣхъ жизненныхъ задачъ, тамъ—ключъ къ разумѣнію не только прошедшаго и настоящаго, но и будущаго“ (VI, 508 [1]).

Проповѣдуя сближеніе съ народомъ и живую дѣятельность на пользу его, Салтыковъ, какъ мы уже замѣтили, не забываетъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣчаетъ эта дѣятельность. Въ „За рубежомъ“ онъ указываетъ на

---

[1]) Напомнимъ еще, что „Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ“ и „Дикій помѣщикъ“ (начитавшійся „Вѣсти“ и подъ вліяніемъ идей этой газеты очистившій свои владѣнія отъ мужика) написаны съ цѣлью показать великое значеніе народа для государства и высшихъ классовъ.

крайнюю нелогичность и вредность этихъ препятствій и стѣсненій. „Рѣшительно невозможно понять“, говоритъ нашъ сатирикъ, „почему появленіе русскаго культурнаго человѣка въ русской деревнѣ (если бы даже этотъ человѣкъ и не былъ мѣстнымъ обывателемъ) считается у насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, за что надо вывертывать руки къ лопаткамъ и вести къ становому. Почему желаніе знать, какъ живетъ русскій деревенскій человѣкъ, называется предосудительнымъ, а желаніе подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми небезполезными свѣдѣніями, которыя повысили бы его умственный и нравственный уровень, — превратнымъ толкованіемъ? Вѣдь надо же, наконецъ, чтобы мужикъ когда-нибудь что нибудь зналъ, надо же, чтобы онъ созналъ себя и свое положеніе и когда-нибудь пожелалъ для себя лучшаго удѣла, нежели тотъ, на который онъ осужденъ въ данную минуту... Безъ этого знанія, безъ этого стремленія къ лучшему не можетъ преуспѣвать страна“. Нельзя жаловаться на то, что деревня страдаетъ отъ отсутствія культурныхъ людей, пока тамъ, „не говоря дурного слова, крутятъ руки къ лопаткамъ“. А отъ этого выигрываетъ только Колупаевъ, „которому, конечно, не выгодно, чтобы „обезпеченный надѣломъ“ человѣкъ выскользнулъ изъ его загребистыхъ рукъ“. Такъ какъ истинными столпами отечества считаются Колупаевы, то понятно что „всякій протестъ противъ обсчитыванія прямо приравнивается къ соціализму“ (VI, 32—35). Въ другомъ произведеніи Салтыковъ еще разъ старается представить въ истинномъ свѣтѣ то явленіе въ жизни нашей молодежи, которое извѣстно подъ названіемъ „хожденія въ народъ“. “Я живо помню время“, разсказываетъ нашъ сатирикъ, „когда впервые народилась идея хожденія въ народъ. Въ основѣ этой идеи лежала отнюдь не пропаганда „науки преступленій“, какъ ябедничали тогда взбудораженные и еще полные жизни крѣпостники, а внесеніе луча свѣта въ омертвѣлыя массы, подъемъ народнаго духа. Распространеніе грамотности и здравыхъ понятій о силахъ природы и отношеніяхъ къ нимъ человѣка—вотъ что стояло на первомъ планѣ. Раз-

скажите эпизоды этой печальной исторіи и подробности возбужденной ею паникѣ любому культурному нѣмцу, и вы увидите на его лицѣ только недоумѣніе. Онъ вспомнитъ свою добрую молодость, вспомнитъ, какъ онъ, цѣлымъ обществомъ, съ посохомъ въ рукахъ, исходилъ пѣшкомъ всѣ уголки Германіи, изучая родную страну и входя въ непосредственное общеніе съ ея народомъ. И непремѣнно скажетъ, что все это послужило къ пользѣ народной, къ поднятію общаго уровня народнаго самосознанія и къ освѣженію самой культурной среды". Салтыковъ прямо заявляетъ, что всегда „относился съ сочувствіемъ" къ этому движенію. „Кромѣ прямой пользы для народа и для правящихъ классовъ", говоритъ онъ, „я не видѣлъ никакихъ угрозъ въ будущемъ", такъ какъ „управлять народомъ, уже вступившимъ въ періодъ самосознанія, гораздо славнѣе и легче, нежели управлять полудикой толпой, гонимой страхомъ" („Пестрыя письма" VIII, 295) [1]).

Но если Салтыковъ прекрасно понималъ необходимость общенія образованныхъ классовъ съ народомъ, внесенія въ народную среду свѣта и знанія, которыхъ ей не достаетъ, то онъ не могъ сочувствовать тѣмъ крикамъ, которые стали слышаться у насъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ о необходимости приниженія интеллигенціи передъ народомъ и которые привели даже въ началѣ восьмидесятыхъ къ попыткѣ такъ-называемой „народной политики"; онъ горячо протестовалъ противъ рѣшенія: „мужика расковать, а заковать интеллигенцію, препоручивъ молодцамъ изъ Охотнаго ряда имѣть бдительнѣйшій за нею надзоръ" (IV, 164—165). Эти враждебные интеллигенціи толки заставили сатирика напомнить, что полному единенію съ народомъ для человѣка интеллигентнаго мѣшаютъ не одни внѣшнія обстоятельства, что для этого являются препятствія и въ самомъ народѣ. „Не призыва требуетъ народъ, а подчиненія, не

[1]) Ср. разсказъ о поповскомъ сынѣ, который, по окончаніи курса въ семинаріи, сталъ пахать землю, и о томъ, что изъ этого вышло (VI, 359—363).

руководительства и ласки, а самоотреченія“, говоритъ Салтыковъ въ „За рубежомъ“ (1880—1881 гг.). Вы задаете себѣ задачу: міръ, валящійся во тьмѣ, призвать къ свѣту, на массы болящія и недугующія призвать исцѣленіе. Но *бываютъ историческія минуты,* когда и этотъ міръ, и эти массы преисполняются угрюмостью и недовѣріемъ, когда они сами непостижимо упорствуютъ, оставаясь во тьмѣ и въ недугахъ. Не потому упорствуютъ, чтобы не понимали свѣта и исцѣленій, а потому, что источникѣ этихъ благъ заподозрѣнъ ими. Въ такія минуты къ этому, валяющемуся во тьмѣ и недугахъ, міру нельзя подойти иначе, какъ предварительно погрузившись въ ту же самую тьму и болѣя тою же самой проказой, которая грозитъ его истребить“ (VI, 183). Въ этомъ же произведеніи авторъ намекаетъ и на то, изъ какихъ источниковъ пошла „мода“ на народъ, не въ смыслѣ истиннаго сближенія съ нимъ, а въ смыслѣ „закованія интеллигенціи“. „На насъ, сударь, завсегда мода“ (отвѣчаетъ автору „мальчикъ безъ штановъ“, сдѣлавшійся по контракту съ Разуваевымъ артельщикомъ спальнаго вагона): „*потому господину Разуваеву безъ насъ невозможно*“ (VI, 194—196). Такимъ образомъ тѣ же Разуваевы, которые кричали „сицилистъ“ при всякой попыткѣ интеллигентнаго человѣка работать среди народа, на пользу народа которые были одними изъ главныхъ виновниковъ подозрительнаго отношенія народа къ людямъ, ищущимъ съ нимъ сближенія не ради собственной корысти, — эти же Разуваевы, но только высшаго полета, кричатъ о необходимости „закованія интеллигенціи“, той интеллигенціи, которая мѣшаетъ полному успѣху ихъ темныхъ операцій насчетъ мужицкаго кармана. Понятно, что, подъ вліяніемъ подстрекательства Разуваевыхъ и воздѣйствія становыхъ, народъ принимаетъ самыхъ невинныхъ людей за „сицилистовъ“ и происходитъ по выраженію Салтыкова, „ликвидація интеллигенціи въ пользу здороваго народнаго смысла“ (VII, 153, 171—173). Въ „Недоконченныхъ бесѣдахъ“ (1884 г.) авторъ совершенно справедливо указываетъ на то, что въ лицемѣрныхъ толкахъ охранительной публицистики „о

здравомъ смыслѣ“ народа изображается „не заправскій народъ, а харчевня, наполненная міроѣдами“, и доказываетъ лицемѣрность этихъ толковъ тѣмъ, что тотъ же народъ, который „являлся вмѣстилищемъ исконныхъ русскихъ началъ“, черезъ нѣсколько газетныхъ столбцовъ оказывается „обезумѣвшею отъ водки толпою, сборищемъ воровъ, поджигателей, отравителей“ (VII, 588—591).

VIII.

Въ тѣсной связи со взглядами Салтыкова на крестьянскій міръ, съ его горячею любовью къ народу, ко всѣмъ нуждающимся и обездоленнымъ, къ человѣку, питающемуся лебедой, находится и его міросозерцаніе по отношенію къ вопросу о политическихъ и соціальныхъ реформахъ. Міросозерцаніе сатирика въ этомъ отношеніи было неясно для очень многихъ при его жизни, неясно, какъ намъ кажется, и до сихъ поръ. Еще при жизни, ему приходилось не разъ выслушивать требованія, чтобы онъ предъявилъ свое знамя, на что въ „Кругломъ годѣ“ (1879 г.) Салтыковъ шутливо отвѣчаетъ: „развѣ у обывателей полагаются знамена?“ (VII, 317). Послѣ смерти нашего знаменитаго писателя, его упрекали въ неразборчивомъ глумленіи надъ „своими“ и „чужими“, въ томъ, что онъ билъ „своихъ“ [1]). Во время редактированія „Отечественныхъ Записокъ“, Салтыкову приходилось по-неволѣ, по причинамъ цензурнымъ [2]) чаще

---

[1]) Въ томъ же „Кругломъ годѣ“ авторъ принужденъ былъ защищаться отъ обвиненій въ двоедушіи! — „Говорятъ“, писалъ онъ, „что я изображаю въ смѣшномъ видѣ русскихъ консерваторовъ, — стало быть я не консерваторъ; но тутъ же рядомъ, и въ столь же неудовлетворительномъ видѣ я изображаю и русскихъ либераловъ,—стало быть я и не либералъ. Если первое можно объяснить предполагаемымъ во мнѣ либерализмомъ, то чѣмъ объяснить второе? Не желаніемъ ли понравиться начальству и тѣмъ хотя отчасти искупить продерзостныя нападки на консерваторовъ?.. Ну вотъ, и слава Богу!“

[2]) Каковы были цензурныя условія, при которыхъ Салтыкову приходилось писать самому и редактировать „Отечественныя Записки“, видно изъ его писемъ къ Н. Д. Хвощинской-Заіоньчковской, которая

отшучиваться на вопросы о знамени, чѣмъ подробно разъяснять свое міровоззрѣніе (хотя, казалось бы, все направленіе редактируемаго имъ журнала дѣлало излишнимъ подобные вопросы), и вотъ онъ заявляетъ, что признаетъ „семейство, собственность и государство", но съ весьма многозначительными оговорками, какъ, напримѣръ, относительно собственности.

„Второе знамя—собственность. Пріемлю и ни мало вопреки глаголю. Но не пріемлю, чтобы коммерсантъ Деруновъ именовалъ себя апостоломъ собственности, хотя онъ до того простеръ свое усердіе въ

печатала свои произведенія подъ псевдонимомъ В. Крестовскій. Въ письмѣ къ ней отъ 20 февраля 1880 г. Салтыковъ говоритъ: „Я не писалъ къ вамъ потому, что книжка февральская выходила — и не вышла. Никогда ничего подобнаго не бывало, то есть, такого разгрома. Цѣлыя четыре статьи, по требованію цензуры, вырѣзаны, одна—исключена, что въ будущемъ мѣсяцѣ печатать, — не знаю. Въ мартѣ того же года былъ назначенъ начальникомъ по дѣламъ печати Н. С. Абаза, при которомъ журналистика почувствовала нѣкоторое облегченіе, и все же въ письмѣ отъ 15 мая Салтыкову приходилось извиняться предъ Н. Д. Заіоньчковскою, что въ ея повѣсти въ апрѣльской книжкѣ онъ вынужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя исключенія: „Увѣряю васъ", писалъ Салтыковъ, „что цензура все еще сильнѣе меня. Хоть и обѣщаютъ намъ времена льготныя, но это еще въ будущемъ. Да при томъ надо посмотрѣть, что за льготы такія. Уже былъ вопросъ о предостереженіи „Отечеств. Запискамъ" за апрѣльскую книжку, и, какъ удостовѣряетъ меня Н. С. Абаза, только онъ спасъ отъ этой кары, приводящей журналъ къ вожделенному концу. Я думаю, что льготы дѣйствительно будутъ, но сомнѣваюсь, чтобы онѣ распространялись на ту общечеловѣческую почву, которая составляетъ pia desideria „Отечест. Записокъ". Для нашего журнала, повидимому, нѣтъ ни правой, ни лѣвой — всѣ карты биты. На дняхъ Абаза говорилъ мнѣ: „Вашъ журналъ внушаетъ къ себѣ въ извѣстныхъ сферахъ чрезвычайное озлобленіе, поэтому, я могу вамъ посовѣтывать только одно: осторожнѣе! На что я ему возразилъ, что у насъ есть только одно понятіе, прочно установившееся — это: осторожнѣе! И за тѣмъ, взявъ одръ свой, возвратился въ домъ свой для дальнѣйшихъ по сему предмету размышленій. А результатъ таковыхъ слѣдующій: какъ бы при либералахъ-то именно и не погибнуть. Двѣнадцать лѣтъ, какъ я хожу за „Отеч. Записками", видѣлъ Лонгинова, видѣлъ Шидловскаго и все-таки: живъ есмь и жива душа моя! А вотъ либералы пожалуй и подкузьмятъ". Однако, какъ извѣстно, изданіе „Отеч. Записокъ" было прекращено уже тогда, когда Н. С. Абаза и призвавшій его на постъ начальника по дѣламъ печати Лорисъ-Меликовъ были уже не у дѣлъ.

этомъ направленіи, что всякую попытку крестьянъ получить за пудъ хлѣба 60 коп. вмѣсто предлагаемой имъ, Деруновымъ, полтины, считаетъ за бунтъ и потрясеніе (VII, 320, 324—325). Въ ненапечатанномъ въ свое время письмѣ къ Е. И. Утину Салтыковъ говоритъ: „Семья, собственность, государство... были въ свое время идеалами, однакожъ они видимо исчерпываются... Я обратился къ семьѣ, къ собственности, къ государству, и далъ понять, что въ наличности ничего этого уже нѣтъ. Что, стало быть, принципы, во имя которыхъ стѣсняется свобода, уже не суть принципы даже для тѣхъ, которые ими пользуются.— На принципъ семейственности написаны мною „Головлевы". На принципъ государственности — „Круглый годъ" (*Е. Утинъ*. „Изъ литературы и жизни", т. I, стр. 175. Спб. 1896 г.).

Въ очеркѣ „Дворянская хандра" (1878 г.) сатирикъ бросаетъ дворянству упрекъ въ томъ, что его, „всегда гораздо сильнѣе трогалъ вопросъ о недостаткѣ такъ называемыхъ „свободъ", нежели вопросъ о недостаткѣ ѣды. „Дворянину, воспитанному въ традиціяхъ красивыхъ линій и интересовъ исключительно спекулятивнаго свойства", продолжаетъ Салтыковъ, „трудно даже вообразить: какъ это нѣтъ ѣды!" Онъ еще можетъ довольно легко представить себѣ трагическую сторону безкормицы, но именно трагическую, красивую: вопли, стоны, проклятія, голодную смерть, а не обрядовое голоданіе, сопровождаемое почтительно сдерживаемымъ урчаніемъ въ животѣ и плаксивою суетою, направленную въ одну точку: во что бы то ни стало оборониться отъ смерти" (VI, 506). Тутъ уже Салтыковъ довольно близко, хотя и отрицательнымъ путемъ, подходитъ къ отвѣту на вопросъ, — какое у него знамя, но этотъ краткій намекъ былъ едва ли замѣченъ тѣми, кто призывалъ его къ отвѣту. Высказаться яснѣе Салтыковъ нашелъ возможнымъ лишь въ концѣ своей литературной дѣятельности, а именно въ „Мелочахъ жизни" (1886 г.), уже тогда, когда онъ пережилъ такой ударъ, какъ лишеніе возможности бесѣдовать съ читателями въ своемъ собственномъ органѣ. Но, прежде чѣмъ привести то мѣсто изъ этого произведенія, которое, по нашему мнѣнію, довольно ясно отвѣчаетъ на вопросъ, нерѣдко предъявлявшійся сатирику, какое у него знамя, мы считаемъ не безполезнымъ возвратиться къ тому кружку, къ кото-

рому, по собственному признанію Салтыкова, онъ принадлежалъ въ юности; это возвращеніе тѣмъ болѣе будетъ кстати, что его profession de foi въ „Мелочахъ жизни" начинается прямо съ воспоминанія объ ученіи Фурье [1]).

Въ 1845—1846 гг. Петрашевскій, какъ мы уже упоминали въ первой главѣ, при сотрудничествѣ нѣкоторыхъ его знакомыхъ, составилъ, съ цѣлью проведенія въ общество симпатичныхъ ему взглядовъ, „Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка", изданный Кирилловымъ. Здѣсь, какъ было уже сказано, при всякомъ удобномъ случаѣ излагались соціалистическія воззрѣнія, заимствованныя изъ сочиненій Ѳуэна, Сенъ-Симона, Базара и Анфантена, Фурье, Кабе и Прудона; что касается отношенія составителей къ вопросу о политическихъ реформахъ, то оно совершенно ясно изъ слѣдующихъ словъ статьи „конституція": „На практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе есть не что иное, какъ аристократія богатства. Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ собственности, а въ личности и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію! Двѣсти тысячъ богатыхъ, управляющихъ тридцатью тремя милліонами бѣдныхъ и нищихъ, — то же самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые утопали въ нѣгѣ и роскоши, попирали личность милліоновъ людей, оффиціально называющихся вещами" (133—134). Нужно напомнить для правильнаго пониманія

---

[1]) Въ послѣдній разъ Салтыковъ сочувственно вспомнилъ о кружкѣ Петрашевцевъ въ „Пошехонской старинѣ", не задолго до своей смерти. Одинъ изъ героевъ этого произведенія, предводитель Струнниковъ, получаетъ въ 1848 г. бумагу съ надписью: „весьма секретно", въ которой настойчиво требовались свѣдѣнія о духѣ, господствующемъ въ уѣздѣ, и впервые упоминалась кличка „соціалистъ". Далѣе авторъ прибавляетъ: „спустя короткое время пронесся разъяснительный слухъ, что въ Петербургѣ накрыли тайное общество злонамѣренныхъ молодыхъ людей, которые въ карты не играютъ, по трактирамъ не ходятъ, шпицбаловъ не посѣщаютъ, а только книжки читаютъ и промежду себя разговариваютъ" (гл. XXVII).

этихъ словъ, что отрицательное отношеніе многихъ членовъ кружка Петрашевскаго къ конституціонализму подкрѣплялось отсутствіемъ въ то время въ Европѣ всеобщей подачи голосовъ и высокимъ избирательнымъ цензомъ [1].

---

[1]) Отрицательное отношеніе къ либераламъ-конституціоналистамъ мы встрѣчаемъ и въ „Современникѣ" конца 1850-хъ годовъ. Чернышевскій въ своей статьѣ „Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X" („Современникъ", 1858 г. № 8, стр. 312 — 314), назвавъ либерализмъ „превздорнымъ словомъ", устанавливаетъ различіе либераловъ не только отъ радикаловъ, но и отъ „демократовъ", разумѣя подъ послѣдними очевидно соціалистовъ. „У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно. Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудности равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа—наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному — аристократіи; либералъ почти всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы". Необходимымъ условіемъ политической свободы либералы считаютъ „свободу печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ". Участіе въ парламентѣ либералы также ограничиваютъ „тѣми классами народа, которымъ хорошо или даже очень хорошо жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ". Указавъ далѣе вновь на то, что нужда и невѣжество мѣшаютъ народу дорожить правомъ свободной рѣчи и парламентскихъ преній, авторъ продолжаетъ: „Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляю-

Въ откровенныхъ бесѣдахъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, Кашкина и др. лицъ, одни изъ членовъ этихъ кружковъ прямо высказывались за республику; другіе допускали, какъ переходную форму, конституціонное правленіе; для третьихъ конечнымъ идеаломъ было совершенное исчезновеніе европейскаго государственнаго строя, съ его государями, министрами, войскомъ и столицами, и замѣна его небольшими общинами по планамъ Фурье. Нѣкоторые члены кружка Петрашевскаго, какъ напр., Ястржембскій, говорили, что они, какъ убѣжденные послѣдователи Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовались вовсе и въ особенности къ формѣ правленія были совершенно равнодушны. Такимъ образомъ если въ обществѣ декабристовъ первенствующую роль игралъ вопросъ о политическихъ реформахъ [1]), то въ кружкѣ петрашевцевъ на пер-

щимъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа. Изъ теоретической узкости либеральныхъ понятій о свободѣ, какъ простомъ отсутствіи запрещенія, вытекаетъ практическое слабосиліе либерализма, не имѣющаго прочной поддержки въ массѣ народа, не дорожащей правами, воспользоваться которыми она не можетъ по недостатку средствъ". Либерализмъ „хлопочетъ объ отвлеченныхъ правахъ, не заботясь о житейскомъ благосостояніи массъ, которое одно и даетъ возможность къ реальному осуществленію права" (Рѣзкія насмѣшки надъ западно-европейскими либералами нерѣдко встрѣчаются въ „Современникѣ" и въ началѣ 1860-хъ годовъ). Нѣтъ надобности напоминать, что съ тѣхъ поръ много воды утекло въ западной Европѣ и что народъ научился пользоваться своими политическими правами; но приведенное мѣсто изъ статьи Чернышевскаго поясняетъ и отношеніе Салтыкова къ дворянскому либерализму въ первой половинѣ 60-хъ годовъ. Нужно замѣтить впрочемъ, что самъ Чернышевскій, послѣ крестьянской реформы, выражаетъ въ одномъ произведеніи (1862 г.) сочувствіе тѣмъ желаніямъ политической реформы, представителемъ которой выступила либеральная часть дворянства (конечно не исключительно въ сословныхъ своихъ интересахъ) и энергически возражаетъ противъ толкованія, что эти желанія вызваны раздраженіемъ, причиненнымъ уничтоженіемъ крѣпостного права.

[1]) Впрочемъ они требовали, какъ извѣстно, и уничтоженія крѣпостного права, а часть ихъ уже додумалась и до того, что освобожденіе крестьянъ должно произвести не иначе, какъ съ землею.

вомъ мѣстѣ стояли вопросы соціальные, къ политическому же либерализму нѣкоторые изъ нихъ относились или отрицательно, или совершенно индифферентно. Это не мѣшало имъ желать для Россіи свободы книгопечатанія и введенія гласнаго судопроизводства. Уничтоженія крѣпостного права одни изъ нихъ ожидали отъ самодержавной власти, другіе—отъ возстанія крестьянъ.

Принявъ во вниманіе указанное настроеніе того кружка, среди котораго вращался Салтыковъ въ юности, намъ будетъ совершенно понятно слѣдующее признаніе его въ „Мелочахъ жизни", которое, въ виду важности его для характеристики міросозерцанія нашего сатирика, мы считаемъ необходимымъ привести въ довольно обширномъ извлеченіи.

Указавъ на необходимость „подъема уровня общественнаго сознанія", „коренного преобразованія жизненныхъ формъ", Салтыковъ продолжаетъ: „Старинные утописты были вполнѣ правы, утверждая, что для новой жизни и основанія должны быть даны новыя и что только при этомъ условіи человѣчество освободится отъ удручающихъ его золъ. Они наглядно рисовали картины новой жизни, вводили въ самыя нѣдра ея, показывали ее въ полномъ дѣйствіи. Вліяніе утопистовъ на общество чувствуется и теперь; хотя и до сихъ поръ задача о новыхъ основаніяхъ заставляетъ метаться человѣчество въ уныніи и безнадежности".

Ошибка утопистовъ, по мнѣнію Салтыкова, заключалась въ томъ, что они, по его выраженію, „усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями"... [1]).

См. мою статью „Крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в." въ сборникѣ „Крестьянскій строй" 1905 г. т. I, 209—241.

[1]) Тутъ Салтыковъ имѣетъ въ виду предсказанія Фурье о новыхъ твореніяхъ вь будущемъ, когда устроится гармоническая жизнь, объ анти-львахъ, анти-акулахъ и т. п. Салтыковъ упоминаетъ также о „когортахъ самоотверженныхъ", предложенныхъ Фурье для удаленія нечистотъ. Наконецъ, онъ указываетъ на то, что большинство послѣдо-

„Въ результатѣ оказалось явное противорѣчіе съ безпрерывно наростающими жизненными требованіями, а за противорѣчіемъ послѣдовало недовѣріе, смѣхъ, надругательства. Великія основныя идеи о привлекательности труда, о гармоніи страстей, объ общедоступности жизненныхъ благъ и пр. были заслонены провидѣніями, регламентаціей и, въ концѣ концовъ, забыты или, по крайней мѣрѣ, разсыпались по мелочамъ.

„Тѣмъ не менѣе идея новыхъ основаній для новой жизни, идея освобожденія жизни исключительно при помощи этихъ новыхъ основаній отъ мелочей, дѣлающихъ ее постылою, остается пока во всей своей силѣ и продолжаетъ волновать мыслящіе умы... „Сущность убѣжденія“ автора „заключается въ томъ, что человѣчество безсрочно будетъ томиться подъ игомъ мелочей, ежели заблаговременно не получится *полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго*. Только одно это средство и можетъ дать ощутительные результаты.

„Господствующее мнѣніе, руководимое политиканами, не только у насъ, но и въ цѣлой Европѣ, не признаетъ однако-жъ этой истины. Политиканы охотнѣе допускаютъ расширеніе свободы въ обсужденіи задачъ политическихъ, нежели соціальныхъ. Послѣднія считаются не только преждевременными и ни къ чему не ведущими, но и положительно опасными. Самая постановка ихъ будто бы равносильна посягательству на существующій порядокъ вещей, возбужденію дурныхъ страстей и несбыточныхъ надеждъ. Ежели и политическія новшества влекутъ за собою зло, не легко поправимое, то по крайней мѣрѣ они скользятъ по поверхности, не затрогивая коренныхъ основъ, на которыхъ искони зиждутся общества и государства. Напротивъ того новшества соціальныя проникаютъ въ самую глубь массъ, порождаютъ въ нихъ озлобленіе, будятъ инстинкты зависти и алчности и наконецъ вызываютъ на открытую борьбу. Однимъ словомъ, вредъ, принесенный старинными утопистами и ихъ позднѣйшими послѣдователями, сдѣлался въ глазахъ политикановъ настолько ясенъ, что поощрять утопію и даже оставаться къ ней равнодушнымъ не представляется никакой возможности.

„Нельзя не признать“,—продолжаетъ Салтыковъ,—„что въ этомъ сужденіи есть извѣстная доля правды, и именно въ томъ, что касается политическихъ новшествъ. Послѣднія, дѣйствительно, только скользятъ по поверхности, перемѣщая центръ власти изъ однѣхъ рукъ въ другія... и отчасти расширяя (впрочемъ очень умѣренно) кадры правящихъ классовъ. Въ массы народныя они проникаютъ въ видѣ отдаленнаго

вателей Фурье „придерживалось именно буквы ученія и въ особенности настаивало на его подробностяхъ“. Въ письмѣ къ Е. И. Утину (1881 г.) Салтыковъ говоритъ „Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною, и остаются только неумирающія общія положенія“. *Е. Утинъ* „Изъ литературы и жизни“, т. I, стр. 176. Спб. 1896 г.

гула, не измѣняя ни одной черты ни въ ихъ бытѣ, ни въ ихъ благосостояніи. Поэтому массы относятся къ подобнымъ новшествамъ не только равнодушно, но и съ удивленіемъ, не понимая, почему у кормила понадобился въ данную минуту Гизо, а Тьеръ оказался ненужнымъ.

„Напротивъ, тоже господствующее мнѣніе оказывается совершенно неправымъ относительно новшествъ соціологическихъ. И неправо оно, во-первыхъ потому, что въ основаніи соціологическихъ изысканій лежитъ предусмотрительность, которая всегда была главнымъ и существеннымъ основаніемъ развитія человѣческихъ обществъ, и, во вторыхъ, потому, что ежели и справедливо, что утопіи производили въ массахъ извѣстный переполохъ, то причину этого нужно искать не въ открытомъ обсужденіи идеаловъ будущаго, а скорѣе въ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которыми постоянно сопровождалось это обсужденіе.

„Самая наглядная очевидность требуетъ, чтобы общественные вопросы всегда стояли на очереди и постоянно подвергались разработкѣ.

„Затѣмъ естественно возникаетъ вопросъ: если уже нельзя не ощущать паники при одномъ словѣ „новшество“, то какія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ наибольшую сумму угрозъ: политическія или соціальныя?

„На мой взглядъ—первыя. Прежде всего они почти всегда настигаютъ общество внезапно; сверхъ того, сравнительно бѣдныя результатами, они непосредственно затрогиваютъ личные интересы и уязвляютъ личныя честолюбія. Повторяю: они перемѣщаютъ центры власти въ ущербъ или къ выгодѣ немногихъ заинтересованныхъ личностей, но безъ существенной пользы для массъ. Напротивъ того, соціальныя новшества, ежели и не влекутъ за собой прямого освобожденія массъ отъ удручающихъ мелочей, то представляютъ собой непрерывную подготовку къ такому освобожденію“

Въ заключеніе авторъ указываетъ на то, что массы и не представляютъ „черезчуръ несоразмѣрныхъ требованій“; всѣ ихъ желанія по части новшествъ ограничиваются лишь тѣмъ, что составляетъ дѣйствительную и неотложную нужду“ (VIII, 334—338).

Если мы сопоставимъ цитируемое мѣсто (привести которое мы считали тѣмъ болѣе необходимымъ, что на него не было обращено должнаго вниманія) съ тѣмъ, что говорилось въ молодомъ соціалистическомъ кружкѣ, къ которому Салтыковъ нѣкогда принадлежалъ, то мы увидимъ, что его символъ вѣры, если не въ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, остался тотъ-же въ

концѣ жизни, какъ и сорокъ лѣтъ ранѣе, т. е. что реформы политическія имѣютъ значеніе только въ связи съ реформами соціальными. Но въ то же время онъ понималъ, что не всякая политическая среда удобна для проведенія серьезныхъ соціальныхъ реформъ: не даромъ онъ требовалъ тутъ же „полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго". Салтыковъ не повторилъ бы безъ оговорокъ приведенныхъ выше словъ Ястржембскаго: онъ считаетъ неправильнымъ мнѣніе Фурье, что „комбинированная имъ форма общежитія можетъ существовать во всякой средѣ, не только не рискуя быть подавленною, но и подготовляя своимъ примѣромъ къ воспринятію новой жизни самыхъ закоренѣлыхъ профановъ" (т. VIII, 334).

Въ одномъ изъ очерковъ, вошедшихъ въ составъ „Благонамѣренныхъ рѣчей" (1876 г.), упомянувъ объ увѣренности низшихъ классовъ Франціи, „что формы правленія безразличны и что всѣ онѣ имѣютъ въ виду только общее утучненіе и безъ того тучнаго буржуа", Салтыковъ прибавляетъ, что это *„увѣренность печальная и даже неосновательная"*, но въ тоже время разъясняетъ, что она сообщаетъ „самому акту всеобщей подачи голосовъ характеръ чистой случайности" и что республика, какъ оказывается, „нисколько не препятствуетъ осуществленію стремленій" буржуазіи (V, 589). Такимъ образомъ соціальныя реформы сохраняли для Щедрина первостепенную важность, но въ связи съ необходимыми для ихъ полнаго осуществленія политическими реформами [1]) — онъ только скептически относился къ такимъ измѣненіямъ государственнаго строя, которыя, давая власть высшему или среднему сословію, не обезпечиваютъ интересовъ народа. Имѣя въ виду эту общую точку зрѣнія, будетъ вполнѣ понятно и отношеніе Салтыкова къ дворянскому либерализму, и то, что даже

[1]) Въ статьѣ „Сила событій", вызванной разгромомъ Франціи, онъ упоминаетъ о „существенныхъ выгодахъ народнаго представительства", но оговаривается, что онѣ могутъ утратить „все значеніе благодаря изнуряющему вліянію централизаціи" („Отеч. Зап." 1870 г. № 10, стр. 466; статья подписана буквами: М. М.)

въ эпоху такъ называемой „диктатуры сердца“ онъ съ большимъ сомнѣніемъ отнесся къ толкамъ объ увѣнчаніи зданія“ [1]). Можно, впрочемъ, замѣтить, что гр. Лорисъ-Меликовъ вовсе не былъ конституціоналистомъ: онъ стоялъ только „за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и большую самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ *совѣщательныхъ* членовъ“ [2]).

---

[1]) „Хорошо-то оно хорошо, думалось мнѣ, — говоритъ Салтыковъ въ „За рубежомъ“, — а что ежели... вся шутка разрѣшится уставомъ о кантонистахъ? Что ежели встанетъ изъ гроба графъ Алексѣй Андреевичъ (Аракчеевъ), отыщетъ въ архивѣ изъѣденный мышами „уставъ“ и, дополнивъ оный краткими правилами насчетъ могущаго быть свѣтопредставленія, воскликнетъ: шабашъ!“ (VI, 57). Скептицизмъ этотъ поддерживался въ Салтыковѣ тѣмъ, что въ тогдашнемъ обществѣ далеко не установились взгляды на такъ называемый правовой порядокъ. Въ томъ же произведеніи авторъ говоритъ: „Какъ извѣстно, „конституція“ и куши составляютъ больное мѣсто русской современности, но „конституцію“ понимаютъ смутно и каждый по своему, а „куши“ всѣми понимаются ясно и одинаково!“ (VI, 17). Слыша разныя либеральныя пожеланія, нашъ сатирикъ всегда останавливается на вопросѣ, чью пользу имѣютъ въ виду лица, ихъ высказывающія, а въ началѣ 80-хъ годовъ, по свидѣтельству Салтыкова, толки о политическихъ гарантіяхъ стали исходить и отъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ.

[2]) Воспоминанія Н. А. Бѣлоголоваго, изд. 4, Спб. 1901 г., стр. 161. Гр. Лорисъ-Меликовъ былъ большимъ поклонникомъ Салтыкова (ср. Ibid. стр. 583). Въ маѣ 1880 г. Мих. Евграфовичъ писалъ Н. Д. Хвощинской-Заіончковской: „На дняхъ былъ я у гр. Лорисъ-Меликова (самъ пожелалъ познакомиться), принялъ отлично-благосклонно, разспрашивалъ о прежней моей ссылкѣ въ Вятку, и вдругъ, среди благосклонности, вопросъ: „а что если-бы васъ теперь сослали („я, конечно, шучу“, прибавилъ графъ). На что я отвѣтилъ, что въ 1848 г. мое тѣло было доставлено въ Вятку въ цѣлости, ну а теперь пожалуй привезутъ только разрозненные члены онаго. А впрочемъ, дескать, готовъ, только вотъ какъ-бы члены въ дорогѣ не растерять. Тѣмъ не менѣе долженъ сказать: это человѣкъ хорошій и умный. Знаетъ солдата до тонкости, а стало быть нечуждъ и знанія народа. И представьте себѣ, въ теченіе часа ни разу меня не обругалъ. Такъ что я... взявъ одръ, пошелъ въ домъ свой“. („Русская Старина“, 1891 г. № 2, стр. 459). Другой редакторъ „Отечественныхъ записокъ“ Н. К. Михайловскій

При томъ значеніи, которое, какъ мы только что видѣли, Салтыковъ придавалъ „утопистамъ“, стремящимся къ измѣненію самыхъ основъ жизни, вполнѣ понятно, что онъ постоянно защищалъ необходимость утопій въ общей экономіи жизненнаго прогресса. Онъ всегда горячо ратовалъ противъ „неисправимой ограниченности кругозоровъ“ и доказывалъ, что безъ „такъ-называемыхъ утопій“ истинно плодотворная умственная жизнь невозможна (II, 317, 351). Въ „Дневникѣ провинціала“ онъ говоритъ: „Кто въ двадцать лѣтъ... не стремился къ общему возрожденію, про того трудно даже сказать, что у него было когда-нибудь сердце, способное сочувствовать и сострадать“ (IV, 444). Въ „Письмахъ къ тетенькѣ“, защищая не только дозволительность, но даже полезность „бредней“, нашъ сатирикъ спрашиваетъ: упраздненіе крѣпостного права—развѣ это не величайшая изъ „бредней“? (VI, 218). Узкость кругозора той либеральной фракціи въ журналистикѣ, членовъ которой нашъ сатирикъ называлъ пѣнкоснимателями, была главною причиною его раздражительнаго къ нимъ отношенія. „Одна изъ характеристическихъ чертъ пѣнкоснимательства“, говоритъ онъ, „это враждебное отношеніе къ такъ-называемымъ утопіямъ... Пѣнкосниматель не только свободенъ отъ всѣхъ мечтаній, но даже гордъ этой свободой. Онъ не понимаетъ, что утопія точно также служитъ цивилизаціи, какъ и самое конкретное научное открытіе“ (IV, 343) [1]).

И при жизни, и по смерти Салтыкова раздавались по его адресу всевозможные укоры, между прочимъ—что онъ не предъявляетъ опредѣленнаго знамени, что онъ бьетъ „своихъ“. По смерти его одинъ критикъ сказалъ даже,

---

какъ видно изъ его статьи въ „Народной Волѣ“ иначе относился къ Лорисъ-Меликову и обвинялъ его политику въ крайней двуличности. Правъ былъ въ этомъ случаѣ не Салтыковъ, а Михайловскій.

[1]) Въ „Итогахъ“ онъ указываетъ на то, что со стороны „прогрессистовъ“ раздаются „безконечныя инсинуаціи на счетъ неблагонадежныхъ элементовъ, наплывъ которыхъ якобы не слѣдуетъ допускать“ (II, 496).

что „будущій историкъ не посмотритъ на картины Салтыкова, какъ на снимки или отраженія дѣйствительности"; что будто бы онъ увидитъ въ нихъ „блестящую фантазію, которая жила, питалась и обогощалась явленіями жизни и выродилась въ чудесный фарсъ, въ которомъ однако такъ же было бы безполезно искать дѣйствительности, какъ и въ сказкахъ Гофмана" [1]. Мы разсмотрѣли отношеніе Салтыкова только къ крѣпостному праву, къ крестьянскому вопросу и къ народу вообще и коснулись по этому поводу его взглядовъ на политическія и соціальныя реформы и тѣмъ не менѣе, смѣемъ думать, достаточно показали и то, что Салтыковъ былъ человѣкъ вполнѣ опредѣленнаго направленія, и то, что тѣ, которыхъ онъ бичевалъ своею сатирою, не были для него „своими" людьми. Со свойственною ему правдивостью онъ могъ указывать ошибки и въ лагерѣ своихъ единомышленниковъ, но всетаки отношеніе его къ представителямъ этого лагеря совершенно иное, чѣмъ къ другимъ литературнымъ и общественнымъ партіямъ. Мы показали также на множествѣ примѣровъ, что историкъ можетъ и долженъ взглянуть на картины Салтыкова, какъ на самые вѣрные „снимки или отраженія дѣйствительности", какъ на одинъ изъ лучшихъ источниковъ для исторіи общества и народа въ три послѣднія царствованія. Отзывамъ Страхова и Чуйко мы противопоставимъ оцѣнку Салтыкова, сдѣланную Н. Г. Чернышевскимъ. Въ критической статьѣ по поводу „Губернскихъ очерковъ", Чернышевскій говоритъ, что, по его мнѣнію, это произведеніе—не только прекрасное литера-

---

[1] *В. Чуйко.* М. Е. Салтыковъ. „Опытъ литературной характеристики". „Наблюдатель" 1889 г. № 6, стр. 197, ср. 189, 211. Этого критика превзошелъ только Страховъ, который еще при жизни Салтыкова утверждалъ, что произведенія Щедрина: „не сатира, а переходящая всякую мѣру каррикатура, не иронія, а нахальная издѣвка, неистовое глумленіе", что Щедринъ „фельетонистъ, не стоющій имени сатирика", что „вся эта пресловутая сатира есть нѣкотораго рода Ноздревщина и Хлестаковщина съ большою прибавкою Собакевича". („Русь, 1883 г. № 2, статья *Н. Страхова.* „Взглядъ на текущую русскую литературу", стр. 31).

турное явленіе: „эта благородная и превосходная книга принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ русской жизни. „Губернскими очерками“ гордится и долго будетъ гордиться наша литература. Въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ русской земли Щедринъ имѣетъ глубокаго почитателя. Честно имя его между лучшими и полезнѣйшими и даровитѣйшими дѣтьми нашей родины. Онъ найдетъ себѣ многихъ панегиристовъ, и всѣхъ панегириковъ достоинъ онъ. Какъ бы ни были высоки похвалы его таланту и знанію, его честности и проницательности... мы впередъ говоримъ, что всѣ эти похвалы не будутъ превышать достоинства книги, имъ написанной“ [1]. Салтыковъ еще тридцать два года послѣ этого неустанно трудился на пользу русскаго общества и литературы, онъ создалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній, въ которыхъ съ величайшею чуткостью отзывался на злобу дня, онъ далъ геніальныя картины крѣпостнической Россіи въ „Господахъ Головлевыхъ“ и „Пошехонской старинѣ“; онъ былъ, наконецъ, 16 лѣтъ однимъ изъ редакторовъ такого журнала, какъ „Отечественныя Записки“,—надѣемся, что послѣ всего этого онъ заслужилъ, чтобы о немъ повторили теперь то, что было сказано еще въ 1857 году [2].

---

[1]) „Современникъ“ 1857 г. т. 63, № 6, стр. 65 — 66. „Критическія статьи“ (Н. Г. Чернышевскаго), 1893 г. стр. 258.

[2]) Лучшая оцѣнка литературной дѣятельности Салтыкова сдѣлана въ извѣстной книгѣ Н. К. Михайловскаго, лучшій біографическій очеркъ принадлежитъ перу С. Н. Кривенко (въ біографической библіотекѣ Павленкова). См. также статью *Вл. Кранихфельда*, М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ). (Опытъ литературной характеристики) („Міръ Божій“ 1904 г. №№ 4, 6 и 7), гдѣ произведенія Салтыкова разсматриваются въ связи съ его біографіею. Къ сожалѣнію статья эта пока доведена лишь до 1864 г.